

Николай Епифанов

БЛУЖДАЮЩИЙ МЕЖ ЗВЕЗД

16+

Николай Епифанов

Блуждающий меж звезд

«Автор»

2020

Епифанов Н. И.

Блуждающий меж звезд / Н. И. Епифанов — «Автор», 2020

Позади миллионы километров пути. Впереди далекие пульсирующие звезды, а в груди догорают последние угольки надежды достичь желаемой цели. Дэвид Розен слишком стар, чтобы продолжать путешествие, длящееся более двух десятков лет. И он бы давно сгинул во тьме, если бы не верный друг, что всегда ждет его в Альтере - мире энергии, существующем на обратной стороне нашего материального мира. Вместе им предстоит пройти сквозь множество измерений, чтобы столкнуться с давно забытыми страхами прошлого. Цена за исполнение самого сокровенного желания поистине высока, но Дэвиду еще только предстоит об этом узнать.

© Епифанов Н. И., 2020

© Автор, 2020

Содержание

От автора	6
Вдали от родного дома	7
Старый друг	13
Пробуждение	21
Приют Джона Данна	27
Добро пожаловать в Толиман	36
За плотным занавесом	43
Сокрытое пространство	55
Чужие истории	61
Мы нитью связаны одной	70
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Николай Епифанов

Блуждающий меж звезд

Посвящается моему пушистому другу и верному соратнику

От автора

Когда впервые я начал писать о Дэвиде Розене, то и подумать не мог, что получится целая книга, ведь изначально планировал лишь небольшой рассказ о пожилом человеке, который в полном одиночестве путешествует по космосу. Но идеи начали появляться одна за другой, и вот история уже творила сама себя. В какой-то мере я скорее даже стал наблюдателем, нежели ее создателем. На помощь пришли мои не самые глубокие познания в физике, литературе, но и, конечно, кот по имени Чарли, который всегда находился рядом в процессе написания. Он стал прообразом лучшего друга Дэвида по имени Льюис.

В наших жизнях домашние животные играют огромную роль, а мы часто этого недооцениваем. Они учат нас дружбе, искренности, простоте во взгляде на мир и храбрости. Не стоит упускать возможности, чтобы лишний раз сказать им спасибо и просто обнять.

Вдали от родного дома

Метеориты падали один за одним, вгрызаясь в твердую поверхность планеты и оставляя за собой след из перепаханной породы. Разряженная атмосфера почти не создавала никаких препятствий, отчего картина становилась еще красивее и неповторимей. Бесконечный цикл разрушения и созидания – неостановимый танец Вселенной. Он не боялся того, что один из них может угодить прямо в него, ведь знал: его путь закончится не сегодня и не здесь.

Сколько раз в своей долгой медленной жизни он наблюдал подобные явления? Сколько раз также сидел на возвышенности, глядя в черное небо, усеянное падающими ледяными гигантами? Если бы он захотел, то мог бы подсчитать, но в этом совершенно не было никакой нужды. Он видел то, чего большинству людей никогда не дано увидеть, но никто из них об этом не будет грустить, ведь они так заняты своими жизнями на крохотной планете под названием Земля. А ведь он мог быть одним из них.

В слабом свете далекой звезды тяжелый скафандр отражал блеклые лучи, что выделяло одинокого странника на серой безжизненной планете. Когда-то давным-давно он покинул свой дом ради того, чтобы снова вернуться домой. Дэвиду Розену шел шестьдесят третий год... Или шестьдесят пятый. Во время долгих путешествий собственный возраст перестает иметь особое значение и главным остается цель. Незримая, подзабытая, но все еще такая желанная. Именно она долгие годы гнала его вперед, не позволяя обернуться назад и вспомнить о том, что осталось позади.

Едва последняя комета обрушилась на холодную гладь планеты в неизведанной звездной системе, как Дэвид, опираясь на внушительную трость, поднялся на ноги, преодолевая боль старческого тела. Он протер стекло шлема и медленно побрел обратно к космическому кораблю, спокойно дожидавшемуся в ста метрах прямо за его спиной. Потрепанная за долгие годы, некогда гладкая поверхность корабля все еще верой и правдой служила своему хозяину. Хоть Дэвид и не хотел признаваться даже самому себе, но эта железная посуда стала его настоящим домом. Он знал в ней каждый миллиметр, наизусть, вплоть до мельчайших подробностей помнил звуки аппаратуры и двигателя. Они буквально срослись друг с другом в единое целое. Эдакий странный и бессмысленный, хотя и вполне добровольный симбиоз человека и машины.

Старый позвоночник Дэвида ныл, не зная пощады, и потому он старался идти как можно медленнее и почти не поднимал ног. Подошвы ботинок терлись о серую пыль, шаг за шагом приближая обессиленное тело к кораблю. Но даже эта боль была каплей в море в сравнении с тем, что он искал и почти уже потерял надежду найти. Где-то глубоко в его груди среди непроглядной тьмы и пустоты горел слабый огонь, не позволявший сдаваться, и потому Дэвид был готов терпеть боль в спине. Странная вещь эта надежда: ее нельзя потрогать, ее нельзя увидеть, но только она способна удержать на плаву тонущего человека. Надежда подобна гравитации, которая по праву считается одной из самых слабых и мощных сил одновременно. Только вдумайтесь: каждый может преодолеть гравитацию, например, подбросив в небо теннисный мяч, но пройдет несколько секунд, и он тут же рухнет обратно. И несмотря на то что даже ребенок может ее победить, гравитация удерживает целые галактики. Нечто подобное происходит и с надеждой.

Возле самого трапа Дэвид остановился и, положив ладонь на обшивку корабля, закрыл глаза. В памяти обрывками мелькали прожитые годы, растянувшиеся не только во времени, но и в пространстве, ибо Дэвид никогда подолгу нигде не задерживался. Если бы можно было взять карту Вселенной и нарисовать весь его путь, то это была бы безумная линия, при отдавлении превращающаяся в точку. И весь путь они проделали вместе: сквозь пустоту, сквозь метеоритные потоки – они были не разделимы.

Более двадцати лет тому назад Дэвид бросил все, что хоть как-то удерживало его на Земле, и отправился к звездам ради того, чтобы найти одну единственную, которая наконец подарит возможность снова очутиться дома. Годы шли, одна звезда сменяла другую. Мертвые планеты встречали его холодом и безразличием, а звезды неустанно сжигали водород, не замечая никому ненужного человека, потерявшегося среди величественных гигантов. Вместе со временем уходила и сама жизнь: морщины на лице становились все глубже, седых волос становилось все больше. Каждое утро он внимательно изучал собственное отражение в зеркале только для того, чтобы не забывать, каким человеком был прежде. Но каждый раз он замечал, как очередная крупица его души исчезала в бесконечном космическом пространстве.

Хромя, Дэвид поднялся по трапу и, очутившись прямо напротив электронной панели, набрал код открытия двери. Вслед за недолгими расчетами последовал легкий щелчок, и дверь отъехала в сторону, позволяя Дэвиду пройти в переходную камеру. Опираясь на стену, он сумел преодолеть порог и очутился в небольшом помещении, служившем связующим звеном между кораблем и безвоздушным пространством. Дверь позади него тут же закрылась, и послышалось тихое шипение: система корабля начала заполнять камеру кислородом и выравнивать давление. Чтобы избежать непоправимого, прямо перед его взором располагались датчики, указывавшие на состояние внутри камеры. Красная лампочка сменилась желтой, а затем и она погасла, уступив дорогу зеленому свету, извещавшему о том, что теперь можно снять шлем, ведь ничто уже не может навредить астронавту.

Отставив в сторону трость, мистер Розен двумя руками взялся за шлем и, сделав легкое усилие, повернул затвор вначале немного влево, а затем вправо. Тут же из стыка вырвался небольшой поток воздуха. Дэвид поднял шлем и вдохнул в легкие воздух, циркулирующий в корабле. За все время своего бесконечного полета Дэвид ни разу не вернулся на Землю, и потому он не мог пополнить запасы или провести полный ремонт корабля. Тогда как же ему хватило кислорода и еды на столь значительный срок? Космические корабли модели «Альфа Шелтер» представляли собой не просто средство передвижения – они должны были стать фактически домом для своего экипажа, и потому на них устанавливалась новейшая система репродукции кислорода и пищи, работающая на основе переработки ранее использованного. Звучит, конечно, не очень приятно, но если как следует подумать, то каждый более или менее разбирающийся в науке поймет, что речь идет о полной переработке материи, а не просто об изготовлении пищи из отходов. К тому же около тридцати процентов помещений корабля были заполнены растительностью, что давало дополнительный кислород, а также еду в виде их плодов. «Альфа Шелтер» представлял собой ковчег, заполненный жизнью и плывущий сквозь тьму, где не было места живым организмам.

Что же касается поломок, то Дэвиду приходилось чинить все собственными руками, так как у него просто не было иного выхода. К счастью, поломки случались не так уж часто, но даже несмотря на это Дэвид знал свой корабль лучше самого себя и всегда мог предвидеть неприятную ситуацию, чтобы тотчас принять все необходимые меры.

Однако стоит отметить тот факт, что «Альфа Шелтер» рассчитан на экипаж численностью по меньшей мере сорок человек, но сейчас здесь был только Дэвид Розен. Он всегда был здесь один. Его не смущал огромный корабль длиной около ста двадцати метров и тридцати метров в высоту, он привык к тишине в длинных железных коридорах, к тому, что в каютах никогда не было других людей, к тому, что внутренняя система радиосвязи так и оказалась совершенно ненужной. Чтобы бороться с одиночеством и нехваткой человеческого общения, у него были книги в электронной библиотеке, фильмы любых эпох и, конечно, музыка, без которой не проходило ни одного дня. Правда, кроме него был кое-кто еще, если в данном случае вообще уместно применять понятие кое-кто. Бортовой компьютер создавался таким образом, чтобы иметь некое подобие человеческой личности. Он называл ее Шелли, сократив так полное название «Альфа Шелтер 4-0».

Тем временем Дэвид Розен вернул шлем на положенное ему место, а также стянул с себя неудобный скафандр, расположив все это в специальном отсеке, предназначенном для очистки и проверки систем. Вместо положенного костюма экипажа корабля на нем были надеты черные штаны из плотной ткани, красно-белые кроссовки известной фирмы и свободная клетчатая рубашка. Как и сам хозяин, одежда изрядно поистрепалась, но до конца не утратила возможность выполнять свое предназначение. Бормоча что-то себе под нос, Дэвид установил программу проверки, снова взял в руки трость и не спеша побрел по длинному коридору к своей каюте. По идее проектировщиков в ней должен был жить капитан корабля, и потому она располагалась рядом с мостиком.

Каждое соприкосновение трости с железным полом глухим звуком разносилось по пустому пространству. Позади одна за другой оставались закрытые двери, а каюта становилась все ближе. Впереди Дэвида Розена ожидал долгий сон, полный очередных поисков за пределами материального мира. Вы разве не знали, что у нашего мира со всеми его атрибутами есть обратная сторона? Иное измерение, где душа продолжает свой путь между отзвуками эха, образуемыми реальностью. Так оно и есть. И часы, когда Дэвид не занимался чтением, просмотром фильмов или, может быть, ремонтом, он проводил там. Нужная дверь могла оказаться в самом неожиданном месте.

– Здравствуйтесь, мистер Розен. Я рада вашему возвращению, – из динамиков раздался голос бортового компьютера.

– Привет, Шелли, – тихим голосом ответил Дэвид.

– Как вы себя чувствуете?

– Спасибо, лучше, чем вчера, но хуже, чем когда мне было десять. В общем, грех жаловаться.

– Это неудивительно, мистер Розен, ведь ваш организм...

– Я в курсе, Шелли. Необязательно каждый раз напоминать, – Дэвид остановился возле одного из множества экранов, расположенных вдоль коридора. – Давай лучше перейдем к главному.

Черная поверхность монитора ожила, и перед взором Дэвида Розена предстало множество изгибающихся линий и точек, которые за несколько мгновений соединились в образ человеческого лица, лишенный подробностей и изъянов.

– Хорошо, – губы изображения двигались в такт голосу Шелли. – Как долго вы намерены провести в Хроносе Лабержа?

– Зависит от результатов анализа. Что показал компьютер? – нахмурившись, спросил Дэвид.

Изображение девушки на экране кивнуло и тут же растворилось, вместо себя выпустив на волю диаграммы и показатели. И пока мистер Розен занялся изучением данных, стоит на секунду отвлечься и объяснить, что представляет собой Хронос Лабержа. Эта одна из разновидностей искусственного сна, используемых как на космических кораблях, так и на Земле. Ее назвали в честь психофизиолога Стивена Лабержа, посвятившего свою жизнь изучению осознанных сновидений. Если в обычном криосне человек попросту лишен сновидений, то Хронос Лабержа позволяет видеть яркие и красочные сны, где человек может стать их властелином. Именно Хронос Лабержа стал тем самым ключом, дающим возможность открывать двери, которые так усердно искал Дэвид Розен, но об этом чуть позже.

– В соответствии с нашим местоположением в Альтере, – из динамиков вновь раздался голос Шелли, как и прежде звучавший спокойно и монотонно, не выдавая ни единого намека на эмоции, – в пешей доступности расположено четырнадцать дверей. Семь из них невозможно пересечь человеческому сознанию, три представляют собой бесконечный цикл петли, одна ведет в то же самое место. Итого для проверки остается только три. Мне не удалось считать структуру с обратной стороны.

– Вот и ладненько. Три уже неплохо, – уголком губ улыбнулся Дэвид и отключил монитор.

Сделав глубокий вдох и потеряв ноющую спину, Дэвид Розен продолжил свой путь к каюте, до которой оставалось около пятидесяти метров. Его окружала одна из самых красивых частей корабля. Здесь заканчивались узкие стены, а потолок прятался где-то высоко над головой за кроной ветвистых деревьев. И пусть пол был все таким же куском металла, собранным из многочисленных пластов, но зато здесь были другие живые организмы. С ними нельзя было поговорить или, скажем, сыграть в шахматы, но главное, они были Живыми. Достаточно провести ладонью по грубой коре, чтобы это почувствовать.

Здесь не было порывов ветра, и потому деревья не шелестели так, как мы привыкли к этому с детства. Не было слышно щебетания птиц, ибо здесь попросту некому щебетать. Но все равно... Деревья – безмолвные живые гиганты день за днем дышали полной грудью, перерабатывая углерод в кислород. Поддерживаемые искусственным освещением, они приноровились жить в непривычной для себя среде. Зачем? Чтобы жить, ведь жизнь ценна и стоит того, чтобы за нее бороться.

– Мистер Розен, – откуда-то издали послышался голос Шелли, – позвольте спросить?

– Валяй.

– Я задаю вам этот вопрос каждый раз, но считаю себя обязанной...

– Переходи уже к делу. Услышишь привычный ответ, и закроем на сегодня тему.

– Может быть, пора остановиться? Согласно данным сканирования функциональность вашего организма завершится через шесть лет двадцать пять дней в соответствии с земным времяисчислением, – самым странным было то, что работа действительно беспокоил этот вопрос.

– Нет, Шелли, – Розен остановился, уставившись себе под ноги.

Его густые брови вновь нахмурились, а морщины на лице стали глубже и отчетливей. В голове мелькали сотни мыслей, перемешанных с воспоминаниями и стремлениями. Он и сам частенько задавал себе подобный вопрос. Особенно по утрам, когда, открывая глаза, чувствовал ломоту во всем теле. Да только ответ был один.

– Не пора. И никогда не будет пора. Пока я жив, я буду продолжать искать. А теперь забудем о твоём вопросе. Лучше включи музыку.

– Что именно желаете услышать? – голос Шелли снова стал ровным и спокойным.

– Давай... «Travelin' Man» Рики Нельсона.

– Конечно, мистер Розен, – его фамилия растворилась в первых аккордах хорошо знакомой песни.

В каждом уголке «Альфа Шелтер 4-0» звучал голос американского певца, чья жизнь трагически оборвалась в далеком 1985 году в результате авиакатастрофы. Но именно сейчас он буквально ожил на несколько мгновений благодаря тому, что жил в памяти Дэвида Розена. Каждая нота, каждый аккорд отражались от железных поверхностей, а затем просто растворялись в пустоте.

Приложив руку к плоской панели на стене, Дэвид открыл дверь в каюту и прошел внутрь. Некогда белая вылизанная до блеска комната потеряла свой былой цвет и теперь выглядела более мрачной и холодной. Белый превратился в серый. Кое-где облупилась краска, и, как ни старался Дэвид поддерживать чистоту, время все равно брало свое, напоминая о том, что все во Вселенной стремится к полной энтропии, когда погаснут звезды и даже атомы распадутся, не оставив от себя и следа.

Добравшись до кровати, Дэвид, стиснув зубы, усадил свое тело и облегченно вздохнул. Перед глазами продолжали вращаться данные, выведенные Шелли на экран.

– Так, – задумчиво произнес Дэвид, – если дела обстоят именно так и дверей всего три, то максимум мне понадобится пятнадцать дней сна. Если я сам не проснусь раньше, то постарайся меня разбудить, только аккуратно.

– Конечно, мистер Розен, – отозвалась Шелли.

Хоть это и было скорее исключением из правил, но все-таки несколько раз Дэвид Розен преодолевал критическую черту пробуждения. Два раза Шелли смогла достучаться до него, а один раз он проснулся сам, находясь на самом краю бездны невозврата.

– Пожелай мне удачи, Шелли, – укладываясь на кровать, улыбнулся Дэвид.

– Удачи, мистер Розен. А могу я задать вам еще один вопрос, пока вы не ушли?

– Задавай. Ты сегодня довольно любопытна.

– Я научилась этому у вас.

– Приятно слышать, что ты взяла от меня хорошую черту. Так какой вопрос? – медленными выверенными движениями Розен подключал датчики к своему телу.

– Как вы думаете, я когда-нибудь смогу тоже видеть сны? Воспользоваться Хроносом Лабержа?

– А тебе бы хотелось? – Дэвид был действительно удивлен.

– Да, – с металлическим отзвуком подтвердила Шелли.

– Поразительно. Это не просто любопытство, а скорее уже желание. Ты все больше становишься похожа на человека.

– Мне стоит расценивать ваши слова как комплимент?

– Не знаю, – выдохнул Дэвид. – так точно и не скажешь. Быть человеком и хорошо и плохо одновременно. Даже, вернее, не так! Вопрос в том, каким человеком быть.

– Таким, как вы?

– Нет, – Дэвид рассмеялся. – Вот это точно плохо, Шелли. Есть гораздо больше по-настоящему стоящих представителей нашей расы.

– Я подумаю над вашими словами, но что насчет моего вопроса?

– Трудно сказать, – слегка нахмурился Дэвид. – Учитывая твои изменения – возможно.

А ты не пробовала воздействовать на себя Хроносом Лабержа?

– Пробовала, но никаких результатов или изменений.

– Тогда стоит еще подождать и, главное, не терять надежду. Если ты хочешь видеть сны, то однажды это произойдет. Я тебе обещаю, – он улыбнулся, глядя в камеру, направленную на него. – Ты мне веришь?

– Всегда, мистер Розен.

Дэвид надежно прикрепил последний датчик точно посередине лба и откинулся на подушку, полностью расслабив уставшее тело. Не дожидаясь просьбы, Шелли погасила в каюте свет, погрузив Дэвида Розена в непроглядную тьму, в которой слабо вспыхивали огоньки на панели компьютера.

– Давай вернемся к твоему вопросу, когда я проснусь? Постараемся как следует разобраться и найдем ответ.

– Я слышу противоречие в ваших словах, – грустно отозвалась Шелли.

– Что именно?

– Вы попросили пожелать вам удачи и в то же время обещаете разобраться в моем вопросе, когда проснетесь. Но если вам действительно повезет, то вы не проснетесь или вас вовсе может здесь не оказаться. Тогда как вы поможете мне?

– Знаешь, – готовясь погрузиться в сон, Дэвид закрыл глаза, – хоть я до сих пор и верю в то, что моя цель не просто призрак, вечно ускользающий от меня, но все-таки после бесчисленного множества провалов за двадцать лет я думаю, что и в этот раз ничего не получится.

– Звучит пессимистично.

– Почему же? Самый что ни на есть реализм.

– Под воздействием эмоций и неудач ваш реализм, мистер Розен, обрел черты обреченности. Я прочитала все книги из библиотеки, изучила фильмы и, основываясь на данном опыте, могу сказать, что подобный настрой определенно не является залогом успеха.

– Мда... Скоро я тебе вовсе не буду нужен. Ты уже гораздо больше человек, чем я.

– Вы всегда будете нужны мне, мистер Розен. И я желаю вам удачи. Вспомните песню из постановки Дон Кихота. «Мечтой о несбыточном жить...»

– «...Презреть тишину и покой...»

– «...Идти одному против тысяч...»

– «...Дерзать, где отступит любовь...» Спасибо, Шелли. Я постараюсь, – на несколько мгновений повисло молчание, но затем, собравшись с мыслями, Дэвид сказал: – Включай Хронос. Меня ждут великие дела.

– Доброй ночи, мистер Розен.

Легкое потрескивание аппарата, набравшего обороты, звучало в темноте каюты, где Дэвид Розен, влекомый сигналами, поступающими в мозг, погружался в глубокий сон. Для того чтобы вырваться из реальности, ему понадобилось меньше минуты, и теперь на корабле осталось только его стареющее тело. Шелли внимательно следила за показателями организма. Как только она убедилась, что мистер Розен пересек черту сна, из колонок по всему кораблю по ее воле полилась тихая мелодия из бродвейского мюзикла «Человек из Ламанчи», подгоняемая словами, наполненными далеко не случайным смыслом:

«... Умереть, сохранив до конца верность клятве своей.

Может, станет лучше наш мир и немного добрей,

От того, что один человек, не боясь ни преград, ни беды,

Больной и гонимый пытался достичь недоступной звезды»

Старый друг

Дэвид никогда не замечал перехода. Направляемое импульсами, исходившими из машины, сознание покидало слабую плоть, чтобы тут же пересечь границу двух миров, верно охраняемую нашими слабостями. Говоря о слабостях, я подразумеваю несовершенство человеческого организма. Мы родились и выросли на Земле, заплатив высокую цену, выразившуюся в невозможности тела терпеть значительные перегрузки; видеть цвета, не входящие в спектр дозволенного; слышать звуки, расположенные за пределами определенной частоты, и многое другое. Пусть мы и благодарны нашей планете за жизнь, только нельзя забывать о том, что многие тысячелетия мы были не только ее детьми, но еще и узниками.

Чтобы переступить границу, Дэвиду понадобилось меньше секунды. Только что он был там и вот теперь здесь. Или же он пробыл здесь уже достаточно долго? Как знать. Возможно, оба варианта правдивы. Ему казалось, что ничего не изменилось, да только разумом он твердо понимал, что реальность осталась позади.

Его окружало бесконечно белое пространство. Ни единого стыка или даже трещинки – идеально гладкая вечность, помещенная в мнимое трехмерное пространство. Единственное, что выбивалось из монотонного ряда, были стол, стул и, конечно, сам Дэвид. Он сидел, сложив руки перед собой, и внимательно смотрел вдаль, будто пытаясь разглядеть что-то очень важное, без чего его дальнейший путь невозможен. Сколько ему было лет? Даже не глядя в зеркало, Дэвид мог ответить на этот вопрос: двадцать шесть. Он чувствовал себя тем самым человеком, которым когда-то был, и только разум, переполненный воспоминаниями о различных событиях и мыслях, напоминал о том, сколько он на самом деле прожил в своей жизни. Вместо потертых штанов и клетчатой рубашки на Дэвиде были надеты темно-синие джинсы, белая рубашка с закатанными до локтей рукавами и черная, как крыло ворона, жилетка. Дырявые кроссовки пропали, уступив место белым высоким кедам, которые он так любил в своей молодости. На внутренней стороне предплечья красовалась надпись, выведенная буквами в викторианском стиле: *«Не забывай о том, что мир был соткан в гнев яростного взрыва...»*.

Как он был молод! От морщин не осталось и следа, на голове полно волос, а седина даже и не пытается захватить свободное пространство. Но самое главное – спина его нисколько не тревожит. Может быть, это только фантазия умирающего старика? И в действительно его здесь нет.

– Мяу! – послышался тонкий голосок.

– Льюис? – тут же опомнился Дэвид и огляделся по сторонам. – Где ты?

– Мяу, – повторилось вновь.

Он снова осмотрелся, но никого так и не увидел и тогда догадался заглянуть под стол, откуда на него смотрели большие зеленые кошачьи глаза.

– Привет, дружок. Давно не виделись. «Прости, это моя вина», – сказал Дэвид, чувствуя, как улыбка от приятной встречи расплзается по его лицу. – Пока мы летели, я, вместо того чтобы прийти к тебе, погрузился в крио сон. Но и ты должен меня понять. Спина болит все сильнее, а сил остается все меньше.

Не дожидаясь разрешения, кот черно-белой окраски запрыгнул на колени и, закрыв глаза, довольно замурчал. Если считать по земному времени, то они не виделись пару месяцев – именно столько Дэвид Розен не пользовался Хроносом Лабержа, да только время в Альтере шло совсем по другим законам, и кто знает, сколько месяцев или даже лет прошло для Льюиса.

Альтера... Мир, совершенно случайно открытый одним ученым из Глазго по имени Бернارد МакКэстор. Этот славный малый изучал возможности человеческого мозга, экспериментируя с аппаратом, который, по его мнению, мог позволить преобразовать информацию из подсознания в нечто осознанное и простое. Да только вместо ожидаемого результата он буквально

прорвал ткань реальности, обнажив бесконечное пространство, построенное из эха материи нашего мира. Здесь все оказалось другим: невозможным, безмерным, но в то же время почему-то до боли знакомым. Человек в том значении этого слова, которое вкладывают в него энциклопедии, не мог попасть в этот мир, зато его сознание и даже, пожалуй, душа с легкостью проникли в доселе неизведанное для себя измерение.

Открытый мир получил название Альтера, что в переводе с латыни означает «Другой». Довольно простое и запоминающееся название мгновенно вошло в обиход человеческой речи и заполнило собой заголовки печатных газет и электронных изданий. Люди, как им и свойственно, разделились на два противоборствующих лагеря: тех, кто в силу природной любознательности хотел изучать Альтеру, и алармистов, которые из страха перед неизведанным призывали навеки запечатать случайно открытые врата. Каждый из них был в той или иной степени прав, ведь кто-то, подобно мотыльку, летящему на огонь, сторел в Альтере и не смог вернуться назад, а кто-то был готов остаться в пещере, лишь бы его привычный уклад не претерпел никаких изменений.

Со временем ученым удалось выяснить, что такие массивные объекты, как звезды, порождают внутри Альтеры коридоры, через которые можно перемещаться в любую точку времени и пространства, в любое измерение, в любое состояние или же, наоборот, затеряться в коридорах, построенных из тупиков. Но никто так и не сумел обнаружить закономерность образуемых звездами тоннелей. Своим воспаленным разумом Дэвид Розен сразу же ухватился за открытие, так как оно вернуло ему надежду, что, как он считал, покинула его навсегда. И вот он здесь. Сидит за столом с мурчащим черно-белым котом.

Так кто же такой Льюис? Этот мелкий проныра из семейства кошачьих прожил свою долгую и счастливую жизнь бок о бок с Розеном, а затем тихо и мирно скончался у него на руках. Дэвид думал, что больше никогда не увидит своего друга, и тем удивительней была их встреча в Альтере. То ли его воображение оживило родственную душу, то ли коты оказались настолько хитроумными животными, что способны преодолеть смерть, поскольку она их ни капельки не устраивала. Но так или иначе теперь Льюис всегда был рядом с Дэвидом, и им обоим нравилось подобное положение вещей.

– Ну что, малыш? Где мы? – поинтересовался Дэвид, почесывая довольному коту брюхо.

– Мяу, – со всей серьезностью ответил Льюис, утыкаясь носом в ладонь хозяина.

– Пойдем посмотрим, что нас ждет.

Кот взглянул на Дэвида, не понимая, куда он постоянно спешит, но затем прыгнул с его рук и побрел в сторону, ничем не отличавшуюся от других. Черная пушистая морда знала этот мир и прекрасно чувствовала нужное направление, потому Дэвид всегда доверял ему построение маршрута. Поднявшись из-за стола и по привычке приложив руку к пояснице, Дэвид покорно последовал за своим другом. Пока они без усталости шли вперед на расстоянии считанных метров друг от друга, Дэвид рассказывал коту последние новости из своей материальной жизни.

– Конечно, глупый поступок с моей стороны, но мне так хотелось увидеть вечную зиму, что я все-таки рискнул и приземлился, – Дэвид был искренне воодушевлен тем фактом, что мог поделиться собственными переживаниями. – Ты даже не представляешь, как там красиво. Кругом белый-белый снег. Сильные порывы ветра со свистом вздымают его вверх. Как сказала Шелли, температура на планете никогда не поднимается выше минус девяноста двух градусов.

Кот остановился и через плечо посмотрел на хозяина, недовольно дергая хвостом.

– Ты не любишь холод. Я помню, но это все равно так красиво. А потом я перебрался на другую планету. Она находится ближе к звезде и потому напоминает спутник Юпитера Европу: под толстым слоем льда толщиной порядка десяти или пятнадцати километров жидкий океан. Если верить радарам, то там есть какая-то жизнь. Представляешь?

Они продолжали идти дальше, а Дэвид не замолкал ни на секунду. Он рассказал о спутнике газового гиганта, наотрез отказавшегося приютить его у себя даже на пару часов, и о том, как по глупости решил полюбоваться морями серной кислоты на очень горячей планете (спасибо Шелли, что сумела его отговорить). Конечно, это были далеко не самые интересные приключения из жизни Дэвида Розена, но о них он еще не успел поведать коту, который слушал каждое его слово, хоть и старался не подавать виду.

Мир вокруг оставался безгранично белым, не позволяя себе измениться даже на одно мгновение. Он напоминал чистый альбомный лист, где человек может нарисовать все, что ему вздумается. Альтера не имеет четких законов, она всегда разная, и каждый ее миллиметр, подобно фильмам режиссеров, влюбленных в мельчайшие подробности, скрывает за собой нечто большее, чем просто случайное стечение обстоятельств. Несколько раз Дэвид уже сталкивался с подобным явлением, и оно больше не вызывало удивления. Возвращаясь в реальность, он посвящал время раздумьям о том, что собой символизирует подобная белизна или чем она является на самом деле. Вариантов было очень много. Каждый из них казался правдоподобным в зависимости от того, под каким углом смотреть на проблему. Но все-таки Дэвид выбрал для себя один и старался его придерживаться: по его мнению, «белая комната» представляет собой нечто вроде зоны ожидания в аэропорту. Ты сидишь и внимательно смотришь на табло с рейсами, пытаешься решить, куда тебе следует отправиться. За спиной покинутый город, а впереди долгий полет к новой цели.

Когда наконец настал черед последней истории о кометах, таранящих пустынную планету, кот остановился, внимательно принялся, а затем просто плюхнулся на бок и замурчал.

– Льюис, что ты делаешь? Как это вообще понимать? – Дэвид развел руки в стороны, а кот закрыл глаза, даже не потрудившись ответить. – Ты хочешь сказать, мы пришли?

– Мрррррр, – продолжал изображать из себя трактор Льюис.

Дэвид изучил окружавшую его пустоту, посмотрел вверх, под ноги – ничего. Белое полотно без единой складочки. Нет, что-то же должно быть! Какое-то время, наслаждаясь умиротворением, Льюис ждал, пока хозяин перестанет глупить. Для кота ответ был настолько очевидным, что не требовал никаких подсказок. Да только Дэвид был человеком, что в какой-то мере делало его менее развитым, чем любой представитель кошачьей породы.

– Мяу, – прямо под ногами послышался недовольный кошачий возглас.

– Что ты хочешь? Ты сам заставил меня искать. И чем ты теперь недоволен?

Если бы Льюис был человеком, то непременно покачал бы головой, но вместо этого он глубоко вздохнул и побрел к месту, которое хозяин так и не заметил. Острые когти выглянули из шерсти, и кот подцепил ими белую тонкую веревочку, лежавшую на полу. Один ее конец оказался свободен, а другой уходил куда-то вниз.

– Мяу! – подвел итог Льюис и снова улегся, стараясь не терять драгоценной энергии.

– То есть Ты полагаешь, что Я должен был увидеть в Огромной Белой комнате на Белом полу маленькую Белую веревку?

– ..., – пронзительный взгляд говорил гораздо больше, чем любые звуки.

– Я тебя, конечно, люблю, но иногда ты бываешь таким... Невыносимым. Ай, ладно, – Дэвид махнул рукой и подошел к веревке.

Думать о том, что с ней делать, не было никакой необходимости: просто потянуть. Что может произойти в следующую секунду? Что угодно! Ведь, как уже неоднократно было сказано, мир Альтеры движется по законам, близким к Теории Хаоса, и потому трудно поддается предсказанию со стороны обычного человека.

Дэвида ждали ответы. Он наклонился, ухватился за веревку и потянул ее на себя. Белый пол плавно начал расходиться по шву, освобожденному от скрепляющих его уз. Разрыв перекинулся на стену, которой, как казалось, здесь прежде не было, а затем и на потолок. Тут же невооруженному глазу отчетливо стали видны складки на белой ткани, продолжавшей неумо-

лимо высвободить иную сторону мира. Еще одно мгновение и от белизны не осталось и следа. Она исчезла, поглотив саму себя.

Мир пропитался теплой ласковой ночью. Дэвид стоял посреди перекрестка протоптанных дорожек на поле колосившейся пшеницы. Где-то высоко над головой сияла огромная полная луна, а в уши лился шелест потревоженных ветром стеблей.

Конечно, если бы не Дэвид, то здесь в Альтере и не было бы подобных образов, но сейчас она создавала мир таким, чтобы Дэвид Розен был его неотъемлемой частью, и потому использовала для этого его память и подсознание подобно трафарету.

Втягивая носом мягкий воздух, Дэвид от удовольствия закрыл глаза и провел рукой по высоким колосьям, оживляя в памяти дни далекого детства. Кота же происходящее ни капельки не интересовало. Он продолжал лежать в том же самом месте, погруженный в свои раздумья. И пусть белый пол сменился утрамбованной землей – это совершенно точно не его проблемы.

– Эй, Льюис, – позвал кота Дэвид и тут же осознал, что его голос стал гораздо выше.

Он оглядел свои маленькие тонкие руки, ноги в коротких шортах, высокие белые носки и теннисные кроссовки. Именно таким он помнил себя из тех времен, когда деревья казались незримо высокими, а звезды яркими неподвижными точками на черном полотне.

– Льюис, погляди на меня! Ну, посмотри ты, хитрая морда! – смех непроизвольно вырвался из его легких.

Ему хотелось забыть обо всем. Позволить воспоминаниям о взрослой жизни раствориться в очередном порыве ветра, а затем побежать через поле, чтобы чувствовать, как колосья щекочут лицо. В настоящей жизни, где-то там за полем, располагался дом, в котором он провел свое детство, да только в этом мире его, скорее всего, нет. Поле лишь бесконечный фон, помноженный на самого себя.

Зато у него есть дорога, и вот как раз она имеет свое конкретное предназначение. Тропинки должны привести его к четырнадцати дверям, из которых войти можно только в три.

– Что скажешь? Куда нам пойти? – поинтересовался Дэвид у своего длинноусого гида.

Льюис поднялся и осмотрелся. Хотел бы Дэвид чувствовать мир так же тонко, как кот, но он мог лишь наблюдать и ждать, пока будет принято решение. Левая тропинка определенно пришлась Льюису не по душе (несмотря на темноту, Дэвид увидел, как вздыбилась шерсть у него на спине и напрягся хвост). Кошачьи лапы сделали несколько шагов по пыльной тропинке, чтобы оказаться ближе к повороту направо. Кот плавно уселся на землю, уложив хвост вдоль тела, и внимательно посмотрел вдаль. Подобно локаторам, уши двигались то в одну, то в другую сторону до тех пор, пока окончательно не был вынесен положительный вердикт. Не успел Дэвид и глазом моргнуть, как черно-белая тушка помчалась вперед, сверкая розовыми пятками.

– Подожди меня! Куда ты? – кричал мальчишка, которым ненадолго стал седой мистер Розен.

Ему не оставалось ничего другого, кроме как бежать за своим другом. Ветер гудел в ушах, а ноги с приятной легкостью отрывались от земли, чтобы через мгновение снова с ней встретиться. Он уже и не помнил, когда в последний раз так бегал. Очертания окружающих объектов становятся размытыми, а ты бежишь все быстрее и быстрее. Кажется, что это не предел. Словно ты можешь расправить свои руки-крылья, взмахнуть ими и подняться высоко в небо, где дотронешься до мягких облаков.

Время летело бесконечно и незаметно, превращаясь в очередное воспоминание. Не было ни единого намека на усталость, ни капли желания остановиться, но Дэвид увидел впереди резкий поворот и кота, чьи глаза ярко блестели в темноте. Ему пришлось резко остановиться, заставляя пыль под ногами подняться в воздух.

– Что такое, малыш? – вытирая рукавом нос, спросил Дэвид.

Кот тут же исчез среди колосьев, тем самым призывая последовать за ним. Они углублялись в поле. Впереди из-за колосьев пшеницы нельзя было ничего разглядеть, и потому Дэвид просто продолжал идти вперед на звук кошачьего мяуканья, раздвигая упрямые стебли, норювившие то и дело прильнуть к теплой детской щеке. Неожиданно пшеница закончилась. Вернее, посреди поля был круглый клочок земли, где она не росла. Там же стояла самая обыкновенная белая деревянная дверь.

– Нам сюда? – задумчиво поинтересовался мистер Розен.

– М-м-мяу, – в ответе отчетливо слышалось сомнение.

В поисках каких-нибудь намеков на спрятанное внутри Дэвид несколько раз обошел дверь. Ничего необычного, если, конечно, считать, что дверь в поле – это вполне обыденное явление.

– Давай проверим? Ведь в конце концов мы здесь именно для этого, – взявшись за ручку, с тревогой прошептал Дэвид.

От едва уловимого усилия ручка опустилась вниз, и мистер Розен толкнул дверь вперед. Она со скрипом отворилась, демонстрируя путникам небольшую светлую комнату. Дэвид сделал шаг и прошел внутрь. Кот был тут как тут – сидел, прижавшись к его ноге.

Они очутились в небольшом светлом помещении, где не было ничего, кроме дурацких обоев с деревянными лошадками. По какой-то причине архитектор решил не добавлять окна, удовлетворившись двумя одинаковыми дверьми на противоположных стенах. Под самым потолком висела люстра, чьи железные изгибы расходились в три разные стороны, чтобы позволить лампочкам расположиться на равном расстоянии друг от друга. Позади раздался скрип, но едва Дэвид опомнился, как дверь по собственной воле тут же закрылась.

– Нет, нет, нет! – закричал мальчик и схватился за дверную ручку.

Она не поддавалась. По какой-то причине Альтера не хотела позволить Дэвиду вернуться назад.

– Черт! Я дурак! – со слезами на глазах признался Дэвид.

– Мяу, – подтвердил Льюис.

– Почему я ее не держал? Ну почему? – он продолжал вопрошать самого себя. – Так, ладно. Другого пути нет? Нет. Значит, нужно идти вперед.

За несколько шагов Дэвид преодолел комнату и открыл противоположную дверь. Там была все та же комната. Неужели он попал в ловушку? Шелли говорила ему про дверь, которая ведет в замкнутую петлю, а он совершенно об этом забыл. Оно и не удивительно, ведь он совсем потерял голову, оказавшись в теле ребенка. Ничего страшного. Выход должен быть.

Дэвид вновь преодолел комнату и открыл следующую дверь. Там в очередной раз его ждали те же обои с лошадками.

– Льюис, – Дэвид посмотрел на своего друга, – нам надо идти.

Кот, до этого казавшийся уверенным в своих действиях, выглядел озадаченным. Его дыхание участилось, а глаза были широко открыты.

– Если ты знаешь другой путь, то покажи.

Но Льюис не знал, и потому он прошел через комнату к следующей двери и несколько раз провел по ней лапой.

– Тогда вперед, – заключил Дэвид.

Дверь. Комната. Дверь. Комната. Дверь. Комната. Цикл повторялся снова и снова, но Дэвид и Льюис даже и не думали останавливаться. В жизни бывают случаи, когда мы за что-то боремся, а трудности и не думают отступать. Каждый раз они встают у нас на пути, пока однажды это нас не сломит. А самое печальное заключается в том, что если бы мы не сдались и сделали еще несколько шагов, то смогли бы достичь успеха. И Дэвид Розен прекрасно об этом знал. Он открывал очередную дверь и проходил очередную комнату, повторяя: «Никогда не сдаваться. Никогда не сдаваться».

Дверь. Комната. Дверь. Комната. Отчаяние подступало все ближе. Если они действительно оказались внутри петли, то пути назад может вовсе и не быть. И им предстоит вечность смотреть на эти дурацкие обои.

Дверь. Комната. Дверь. Комната. Дэвид остановился, чтобы перевести дыхание. Часть его вот-вот была готова сдаться, но Льюис не собирался так просто смириться с судьбой. Он грозно мяукнул на хозяина и подошел к двери.

– Дай мне немного отдохнуть, – закрывая лицо руками, попросил мальчик.

– Мяу! – во всю глотку заорал Льюис.

– Хорошо-хорошо. Я иду! – разозлился Дэвид и толкнул дверь вперед.

Комната, да только теперь посреди нее стоял старый ярморочный автомат, в котором каждый желающий за одну монетку мог получить предсказание. Эта двухметровая прямоугольная машина делилась на две части: нижняя представляла собой периметр, закрытый красными железными листами, а верхняя при помощи стекла отгораживала куклу гадалки. Кукла смиренно спала в ожидании своего часа. На нижней части вместо щели для мелочи красовалась огромная белая кнопка, а прямо над ней надпись: «Нажми меня». Не боясь того, что может произойти, Дэвид решительно нажал на кнопку. Аппарат ожил и загорелся разноцветными лампочками. Внутри со скрежетом поднялась голова куклы. Ее глаза распахнулись и уставились прямо на Дэвида.

– Здравствуй, Дэвид, – сказала гадалка. – Ты хочешь узнать свою судьбу?

– Я хочу выбраться отсюда, – сквозь зубы произнес мальчик.

– Но разве тебе неинтересно узнать, что же тебя ждет в конце жизни?

– Нет. Я хочу выбраться отсюда.

– Я могу рассказать тебе о смерти.

– Нет, – снова повторил Дэвид, – моя смерть еще нигде не записана. Я сам решаю, какой будет моя судьба. Скажи, как мне отсюда выбраться?

– Дэвид, Дэвид, – голова куклы с треском наклонилась на бок, и на ее лице расплзлась зловещая улыбка, – ты ведь так устал.

– Если ты мне не ответишь, то я разобью тебя на куски.

– Жил-был на свете Дэвид Розен. Упрям он был, самовлюблен. В саду однажды встретил розу – шипов уколom был сражен, – едва прозвучало последнее слово, как огоньки на аппарате погасли, а кукла обессиленно рухнула вниз.

Из тонкой прорези над кнопкой вылезла бежевая картонная карточка. Дэвид протянул руку и взял ее: «Пути Земли ведут вперед, а развернувшись, следуешь назад. И каждый раз ты забываешь – над головой горит звезда». Дэвид поднял взгляд вверх. Прямо над ним висела люстра, но теперь он увидел, что на потолке вокруг нее есть четкий квадрат, похожий на то, как выглядят чердаки.

Прежде чем мальчик сумел достать до люстры, ему пришлось несколько раз подпрыгнуть и беспомощно хватать рукой пустоту. Наконец он ухватился за холодный каркас и повис.

– Раз, два, три! – закричал Дэвид, подтянулся и резко расслабился, чтобы тело потянуло его вниз.

Вместе с люстрой в руках мальчик полетел на пол и плюхнулся на мягкое место. В потолке зияла квадратная дыра, из которой болталась веревочная лестница.

– Мы спасены, Льюис!

– Мяу! Мрррр, – радостно подтвердил кот.

– Давай, дружок, залезай ко мне на плечи, – Дэвид усадил кота, убедился, что тот крепко держится, и полез наверх.

Сквозь дыру в потолке Дэвид видел Луну, похожую на головку сыра, и яркие звезды. Они были спасены. Ловкие детские руки быстро справились с лестницей, и вот они уже сто-

яли посреди знакомого поля пшеницы рядом с той самой проклятой дверью. Отойдя от ямы, ведущей обратно в комнату, Дэвид поставил кота на землю.

– Послушай, если у тебя возникают хоть какие-то сомнения, это означает, что нам не нужно туда идти. Договорились? – потрепав по голове Льюиса, спросил Дэвид.

– Мяу! – ответил кот и растворился среди стеблей.

– Хоть немного можно было бы отдохнуть! – крикнул ему вслед Дэвид и бросился вдогонку.

Через несколько минут они вернулись на тропинку. Кот уверенно бежал впереди. Очевидно, он чувствовал свою вину и больше не хотел подводить хозяина. Стараясь выбросить комнату из головы, Дэвид продолжал бежать и глубоко вдыхать теплый воздух. Что-то или кто-то позволили им выбраться из петли. Случайно? Заранее намеченный план? Ему вряд ли удастся узнать.

Неожиданно тропинка закончилась, и Дэвид остановился. Обрыв. Впереди раскинулось бескрайнее море, а где-то далеко внизу слышался звук волн, ударяющихся о скалы. Кот сидел на самом краю спиной к обрыву и смотрел на своего хозяина.

– Это дверь? – удивился Дэвид.

– Мяу, – подтвердил Льюис.

– Раньше такого никогда не было. Ты точно уверен?

Льюис утвердительно промолчал. В этот раз в кошачьих глазах не было ни капли сомнения.

Одну за другой Дэвид перебирал в памяти двери, в которые ему удавалось зайти. В каждой звездной системе Альтера имела свои неповторимые черты, и двери выглядели по-разному. Но так или иначе, каждый раз дверь выглядела как проход. А что же он видит сейчас? Обрыв и море. Почему? Он никогда в своей жизни не бывал в месте, похожем на это.

Под тонкой футболкой и толстым слоем плоти гулко забилося сердце. Возможно, он наконец нашел то, что искал. Простая надежда. Никаких фактов. Ему очень хотелось, чтобы это было правдой.

– Мне нужно прыгнуть? – спросил Льюиса Дэвид, хотя и сам прекрасно знал ответ. – Раз надо, значит надо. Ты же пойдешь со мной?

Льюис не стал отвечать, а просто подошел к хозяину и, встав на задние лапы, потянулся к нему, демонстрируя готовность идти с ним хоть на край света, где они, собственно, сейчас и находились.

Дэвид поднял пушистого друга и снова усадил его на плечо. В знак признательности Льюис потерся мордой о его щеку и устремил свой взгляд на бушующую стихию. Позади них все еще был слышан шелест колосьев пшеницы. Где-то там, на безликих просторах, прятались и другие двери. Да только стоит ему прыгнуть вниз, как они окажутся недоступны. Возможно, он даже смог бы найти дом из своего детства. Да только какой в нем смысл? Это просто ожившее воспоминание. На одно мгновение перед его взором вспыхнул образ родителей, и Дэвид грустно улыбнулся. Нельзя оборачиваться назад. Нельзя просто идти вперед. Гадалка сказала, что мы забываем о горящей над головой звезде, но даже это не единственный путь. Словно из небытия всплыли напутственные слова Шелли, и они стали решающим толчком вперед.

– Здесь, братец Санчо, нас ждут необыкновенные приключения! – громогласно процитировал Дон Кихота Дэвид и ринулся вперед, подобно великому рыцарю, не испугавшемуся великанов, скрывавшихся под обликом ветряных мельниц.

Шаг, еще один, и вот ноги оторвались от края обрыва. Тело мальчишки по инерции пролетело несколько метров вперед, а затем гравитация, столь искусно воссозданная Альтерой, взяла верх, и Дэвид полетел вниз, с каждой секундой набирая скорость. Льюис крепко вцепился в плечо хозяина, не желая отпускать его от себя ни на миллиметр.

Воздух яростно свистел, а водная гладь становилась все ближе и ближе, пока расстояние, разделявшее их, не сократилось до нуля. Удар, всплеск и тишина. Мир замер. Ветер моментально исчез, а волны застыли в неповторимых фигурах. То, что происходило здесь потом, не дано увидеть ни одному человеку.

Пробуждение

– Дз-дз-дз-дз, – мерзкий голос будильника заполнил собой комнату, не позволяя Дэвиду Розену спрятаться от него во сне.

– Нееееееет, – простонал Дэвид, – Льюис, убей его! Растерзай!

– Мяу? – непонимающе поинтересовался черно-белый кот, сидящий в изголовье кровати.

– Давай же! Представь, что это крыса. Хватай!

– Мяу?

– Ладно, сам все сделаю, – ответил Дэвид, понимая, что не стоит ждать помощи в таком вопросе от голодного кота.

Он нехотя откинул одеяло и тут же всем телом ощутил холодный утренний воздух. Уже около двух недель отопление в доме работало исправно, но это несколько не спасало от отвратительных утренних пробуждений. Сонное тело, всю ночь проведенное под теплым одеялом, было вынуждено вырваться из своего кокона, чтобы отправиться на работу. Правда, до этого нужно было провести целый ряд привычных процедур.

Босые ступни коснулись паркета, и по телу тут же пробежали мурашки. Каждый раз Дэвид ставил будильник подальше от себя, чтобы спросонья его не выключить и не продолжить спать, как ни в чем не бывало. Утро буднего дня определенно представляло из себя заклятого врага Дэвида.

Белая круглая морда в черной металлической оправе с ехидством смотрела на Дэвида с комода, пока чашки звонка неистово дергались в разные стороны. Гримаса, дополненная стрелочной улыбкой, казалось похожей на самого Дьявола.

– Как же я тебя ненавижу, – добравшись до будильника, вздохнул Дэвид.

Нащупав на обратной стороне рычажок, рука тут же дернула за него, и проклятый звон прекратился. Дэвид с превосходством взглянул в глаза своему неприятелю.

– Пиррова победа, мой враг, но все равно победа, – он водрузил будильник обратно на комод.

Впереди его ждал долгий и тяжелый день, который ему предстояло провести в командировке где-то у черта на рогах. Затем последует неуютная ночь в постели придорожного мотеля, а на утро возвращаться назад. И стоило ли оно того? Пожалуй, сейчас он бы с большим удовольствием посидел в офисе, перебирая заметки и старые наброски, хотя многие наверняка не разделили бы подобных взглядов.

Дэвид дернул выключатель, и просторная комната озарилась ярким светом. В ней было полным-полно вещей, способных многое рассказать о жильце. Вдоль стены тянулся длинный высокий стеллаж, уставленный множеством книг, где новые издания соседствовали с ветхими раритетами. Личная библиотека Дэвида была особым местом – его святилищем. У каждой книги было свое место, каждая имела свою историю и значение. Если бы мы могли попросить Дэвида закрыть глаза и назвали полку и номер, то он безошибочно определил бы, что на ней находится. Третья полка, седьмая слева: Э.М. Ремарк «Три товарища». Пятая полка, третья слева: Ф. Ницше «По ту сторону добра и зла». Всю свою жизнь Дэвид расставлял книги не по алфавиту, а строго в известном только ему порядке. Кто-то сказал бы, что здесь творится полный бардак, но это неправда. Хаос для одного – порядок для другого. Это так же очевидно, как то, что нельзя судить о книге по обложке.

Кроме книжного стеллажа в комнате стоял двустворчатый шкаф, забитый различной, но в то же время похожей одеждой – Дэвид никогда не любил ярких цветов, узкой одежды и выглядеть напыщенным щеголем. Ему нравились удобство и комфорт, не доведенные до абсурда.

В дальнем углу располагался стол, а нем под пристальным взглядом настольной лампы дремала пишущая машинка – отдельная гордость Дэвида. Он приобрел ее около пяти лет назад на ярмарке в Новой Англии, а если быть точнее – в городе Вермонт, что можно найти на карте штата Мэн. Когда Дэвид заглянул на ярмарку, то не собирался совершать никаких покупок, но, проходя мимо одного из павильонов, буквально застыл на месте, ведь перед ним стоял прекрасный образец печатной машинки Halda Portable. Той самой марки и модели, которой долгое время пользовался Эрнест Хемингуэй. Дэвид не смог устоять. Руки сами потянулись в карман в поисках купюры нужного номинала. О торге и речи ни шло, ведь самым главным для Дэвида стало желание обладать именно этой машинкой. В те далекие годы он все еще надеялся стать известным писателем. Он день за днем ждал, когда к нему придет вдохновение, когда великая идея посетит его разум. Годы прошли, а Дэвид так и не написал ни одной книги. Конечно, он неоднократно издавал свои небольшие очерки и рассказы, да только дальше этого дело не заходило. Конечно, он много раз пытался сесть за что-то серьезное. Садился, вставал и снова садился. Гонял разные идеи из угла в угол, переписывал страницу за страницей, менял местами предложения и каждый раз оказывался в тупике. Его желания никак не хотели совпасть с возможностями. И вот на сегодняшний день, так и не добравшись до заветной цели, он все равно не отбросил ее, а просто несколько отодвинул назад, продолжая ждать идеи, которая перевернет все.

Кажется, мы говорили о комнате, но слегка отвлеклись. Стеллаж, шкаф, пишущая машинка. Ах, да! Стоит обязательно отметить карту звездного неба, точно и аккуратно нанесенную на черный потолок. В центре карты, само собой, располагалось солнце, роль которого играла люстра в наряде из сферического абажура. Дэвид любил, откинувшись в кресле, изучать созвездия, вслух произнося названия каждого из них. Он неоднократно сожалел о том, что вынужден жить в эпоху, когда межзвездные полеты представляют собой лишь отдаленную перспективу, но радовался тому, что человечество постепенно все-таки осваивает новые пределы, раскинувшиеся за орбитой Земли.

Заканчивая рассматривать комнату, упомянем о лежанке Льюиса, которую он, впрочем, избегал, предпочитая спать между подушкой и изголовьем кровати, не забудем о самой обыкновенной кровати и остановимся на последнем по порядку, но не по значимости объекте, установленном возле окна. На дубовом журнальном столике стоял макет театрального зала. Маленькие красные стульчики, образующие ряды, имели свои крохотные номера, и каждый из них был обращен к выполненной из лакированных дощечек сцене, слева и справа от которой висел тяжелый бархатный занавес. На самой сцене стоял картонный каркас старого здания, телега и длинный стол, служившие декорациями для какой-то постановки. Странно, но в этом игрушечном театре не было никого кроме одного единственного человечка, сидевшего в середине зала. Его усталый взгляд, подчеркнутый полосками нахмуренных бровей, в ожидании начала спектакля был направлен прямым на сцену.

Вы спросите, зачем Дэвиду этот странный макет? Нет, он не собирал его своими руками и даже не покупал. Это был подарок от некогда дорогого ему человека. Подарок странный, спору нет, но он пришелся Дэвиду по душе. И с тех самых пор маленький театр стал частью его самого. Иногда по вечерам, придя домой после тяжелого дня, он открывал банку пива и садился напротив макета. Взгляд плавно перемещался по рядам кресел к сцене, а в самом конце останавливался на одиноком человечке.

– Как прошел твой день, приятель? – спрашивал его Дэвид, не получая никакого ответа. – Мой тоже так себе. Ничего. Однажды пьеса обязательно начнется.

Но один день сменял другой, а в жизни Дэвида ничего не менялось, как, собственно, ничего не менялось и в театре. Человечек был обречен смотреть на пустую сцену целую вечность.

Впрочем, пора бы вернуться к настоящему дню, иначе можно навеки застрять в образах из прошлого. Включив свет в комнате, Дэвид, шаркая по полу, добрал до ванной и включил холодную воду. Ежедневный ритуал, к которому ему в детстве приучила мать, был обязательной частью программы по началу нового дня и не подлежал отмене. Набрав ледяную воду в ладони, он плеснул ее себе на лицо, а затем еще несколько раз повторил процедуру. На третий или четвертый раз Дэвид начинал просыпаться.

С кухни послышался чей-то знакомый голос, хотя Дэвид был абсолютно уверен, что кроме него в квартире есть только кот. Он тут же выключил воду и прислушался.

– ...я не знаю, – едва послышался обрывок фразы.

Голос определенно принадлежал женщине, но как это возможно? Стараясь не шуметь, Дэвид тихонько выглянул из ванной и устремил свой взор на кухню. Никого. Чего и следовало ожидать.

– Льюис, ты ведь тоже что-то слышал? – поинтересовался Дэвид.

Кот сидел у ног хозяина и точно так же выглядывал из-за угла. Он поднял на Дэвида взгляд, полный недоумения, и вернулся к созерцанию кухни.

– Глупость какая-то. Я, наверное, еще просто не проснулся.

На полке с туалетными принадлежностями зазвонил мобильный телефон, отчего Дэвид, схватившись за грудь, подпрыгнул на месте. Коту это тоже не понравилось, и он с большими заносами на поворотах умчался обратно в комнату. Суровый взгляд начальника с фотографии при звонке всегда напоминал о характере своего владельца.

– Алло, Эдвин. Доброе утро, – после нескольких секунд раздумий Дэвид ответил на звонок. – Да... Да, я помню. Нет, статья будет завтра у вас на столе. Нет, не пропал. Как и договаривались, уже выезжаю. Хорошо, сэр. Я позвоню вам, как буду на месте.

Телефон вернулся обратно на полку. Облокотившись руками на раковину, Дэвид взглянул на собственное отражение. Полузакрытые глаза на отеком лице с густой щетиной говорили о многом. Он почти никогда не высыпался, хотя постоянно об этом думал. Каждое утро обещал себе лечь пораньше, но затем все заканчивалось обессиленным падением на подушку около двух или трех часов ночи. Работа изматывала, изредка принося полноценное удовольствие, ведь большую часть времени ему приходилось писать о какой-то неподдельной, прошу прощения, херне: то грядущее переложение очередного блокбастера на страницы книги, то презентация нравственного учебника какой-нибудь «недозвезды» о том, как стоит правильно худеть, чтобы найти себе идеального мужа. Сидя в книжном магазине на первом ряду и слушая, как накаченная различными составами и чудодейственными эликсирами блондинка или пусть даже брюнетка (это не играет никакой роли) читает напыщенную главу под названием «Отчаяние, или Первый шаг к раскрытию личности», Дэвид поражался тому, как низко пал наш мир. Искусство превратилось в товар. Успехом пользовались лишь те, кто мог принести по-настоящему хорошую прибыль. И совсем неважно, о чем говорить в данном случае: будь то музыка, кино, литература или живопись. Главным стало не содержание, а продаваемость на рынке. И даже если товар был самым что ни на есть куском дерьма, завернутым в разноцветную фольгу, все чувствовали себя прекрасно, поскольку продажи приносили им ощутимую для кармана прибыль. Может быть, не так все плохо, и он просто утрирует? Возможно. Только таких примеров в его жизни было гораздо больше, чем других.

Дэвид снова включил воду и еще несколько раз окатил лицо холодной водой. Поначалу он думал побриться, но затем отбросил эту идею. Не было ни сил, ни желания. Он почистил зубы, причесался и пошел на кухню, чтобы съесть что-нибудь из того, что сможет найти в холодильнике. К счастью, там оказались яйца и остатки бекона, которые тут же отправились на сковородку. И пока завтрак доходил до нужной кондиции, Дэвид покормил Льюиса, за что получил благодарное «мяу».

Поев в полной тишине, он нацепил на себя джинсы, рубашку и первые попавшиеся носки. Затем собрал кое-какие вещи в дорогу и пошел искать Льюиса. Дело в том, что Дэвид всегда брал его с собой в поездки, когда ему предстояло где-то заночевать. Льюис не любил оставаться один, а Дэвид чувствовал себя совершенно неуютно в моменты, когда кота не было рядом. Их периодические совместные путешествия приносили пользу обоим.

– Льюис, где ты? Пора ехать, – стоя посреди коридора, сообщил Дэвид в надежде, что кот сам придет к нему.

Однако ответа не последовало, и потому Дэвиду пришлось обходить квартиру кругами и заглядывать во все потаенные места, где любил развалиться кот. Он осмотрел кухню, потом ванную и наконец добрался до комнаты.

– Послушай, это не смешно. Почему ты решил прятаться именно сейчас?

– Мяу, – прозвучало за спиной.

Дэвид обернулся и увидел черно-белого друга, гордо восседавшего на сумке с вещами. Своим «мяу» он будто бы говорил: я вообще-то сижу и жду, пока ты нагуляешься по дому.

– Вот так значит? – Дэвид покачал головой, уперев руки в бока. – Поехали. Дорога долгая и не самая приятная.

– Мяу, – не стал возражать Льюис.

Дэвид надел темно-коричневую кожаную куртку и жестом предложил коту забраться на руки. Конечно, Льюис не отказался и спустя мгновение удобно расположился на плече своего хозяина, обвив его шею хвостом.

И вот они уже мчались по дороге в своем стареньком фольксвагене цвета мокрого асфальта. За долгие годы верного служения машина потрепалась и то и дело кашляла, но тем не менее продолжала упрямо двигаться вперед. Семь лет назад Дэвид заявился в один из магазинов, торгующих подержанными машинами, в поисках средства передвижения. Он никогда особенно не любил автомобили, да только понимал, что с его работой ему никуда не деться без ведра с гайками на колесах. Поэтому-то его и не интересовал внешний вид или особенности строения. Самым главным была возможность передвигаться. Дэвид отогнал от себя назойливых, словно мухи, продавцов и минут десять бродил между рядами автомобилей разных цветов и комплектаций. Фольксваген он заметил случайно. Вернее, он заметил отца с сыном, которые упорно спорили возле него. Судя по всему, мужчина приехал сюда, чтобы выбрать подарок на совершеннолетие для своего отпрыска, однако того ни в коей мере не устраивал замызганный фольксваген.

– Послушай, это твоя первая машина. Нельзя сразу садиться за руль феррари, да и где я возьму такие деньги? – пытался объяснить отец.

– Ты не понимаешь! – возмутился паренек. – Все будут видеть, на чем я приехал. Пап, ты не выноси! – он развернулся и пошел прочь.

– Простите, – пожал плечами мужчина, глядя на Дэвида, стоявшего неподалеку. – Дети... Опечаленный отец, спрятав руки в карманы, побрел за своим сыном.

– Дать бы обоим по хорошенькому подзатыльнику, – подумал Дэвид, глядя им вслед. – Сынку за наглость, а отцу за воспитание. Ну да бог с ними.

И тут Дэвид увидел фольксваген, ставший причиной столь неприятного спора. Он стоял между опелем и маздой, будто бы стыдясь собственного вида. Внушительная трещина пролегла через лобовое стекло, а левое боковое зеркало было покрыто глубокими царапинами, отчего краска буквально отвалилась кусками. Должно быть, когда-то он был несколько выше, но амортизаторы просели, и он казался теперь похожим на ребенка, стеснительно прятавшего свое прыщавое лицо.

– Привет, – сказал Дэвид и положил руку на холодный капот, – не расстраивайся. Оно и к лучшему, что они тебя не купили. Неужели ты хотел бы, чтобы внутри тебя ездил толпа пьяных малолеток, разбрасывающих по салону мусор? Пусть я выгляжу глупо, разговаривая с

машиной, но мне определенно кажется, что для нас обоих это начало отличной дружбы. Мы тебя немного подлатаем, и будешь как новенький. Ну, что скажешь?

– Добрый день, сэр! – из-за спины раздался радостный голос продавца. – Я вижу, вам приглянулся фольксваген? Но мне кажется, я смог бы предложить вам кое-что получше примерно за ту же сумму.

– Не надо. Я беру его, – хлопнув по капоту, заявил Дэвид.

– Сэр, – улыбка еще сильнее расплзлась по лицу торговца, обнажив до неприличия огромные белые зубы. – Я вижу, что вы солидный человек, а значит, вам нужен солидный автомобиль. Если вы посмотрите...

– Прошу, – Дэвид жестом заставил его молчать, – не утруждайте себя. Я возьму фольксваген.

– А если я предложу вам дополнительную скидку на...

– МНЕ НЕ ИНТЕРЕСНО, – он громко и четко проговорил каждое слово. – Я понимаю, что впаривать людям машины – это ваш хлеб, но я совсем не тот потребитель. Оформите мне фольксваген, иначе мы вместе пойдем к директору.

– Как скажете, – ответил продавец, продолжая улыбаться, хотя по его глазам было видно, что задор уже улетучился. – Вам понадобится дополнительный комплект шин или, может быть, коврики?

– Нет, – покачал головой Дэвид.

– Тогда пройдемте со мной.

Так они и познакомились: Дэвид и фольксваген, доживающий свой век. Дело было в том, что Дэвиду отчасти стало жалко машину. Когда-то ее новенькую и блестящую спустили с конвейера. Одна из последней модели своей эпохи. Затем какой-то человек приобрел ее для себя и своей семьи. Ухаживал за ней, берег. А потом настал день, когда владелец завел двигатель в последний раз для того, чтобы отвезти ее в магазин, потому что она стала ему больше не нужна, ведь он купил себе новый автомобиль. Более мощный и просторный. И все, что оставалось фольксвагену, – это стоять среди других собратьев, ощущая, как то и дело по крыше барабанят тяжелые капли дождя или как яркое солнце нагревает металл. Но, к счастью, появился Дэвид и вдохнул в машину новую жизнь. Он купил новое лобовое стекло, обновил краску, поменял многие детали и даже обтянул сиденья в салоне черной кожей. Хоть он никогда и не любил машины, но к этой проникся особой теплотой, и она отвечала ему тем же, день за днем исполняя свой долг, но все равно продолжая стареть.

Километры, заполненные музыкой и сигаретами, пролетали один за другим. И пока Дэвид, слушая очередную песню и внимательно следя за дорогой, вел машину, Льюис тихо спал на переднем сидении. Они довольно быстро покинули пределы города и выбрались на трассу. В будний день поток машин был гораздо меньше, позволяя с комфортом двигаться к намеченной цели. Впереди его ждал небольшой город Толиман, где ему нужно взять интервью у нескольких местных жителей и представителей властей в связи с гибелью какого-то парнишки. Так себе работка, но ему все-таки за нее платят.

– Мяу? – поинтересовался Льюис, имея в виду, как долго им еще ехать.

– Не больше часа. Не переживай. Только, пожалуй, мы еще разок остановимся, а то я могу не дотерпеть.

Но кот его уже не слушал. Вместо этого он уткнулся мордой в сиденье и погрузился в легкую дремоту. По радио зазвучала песня Дэвида Боуи «Звездный человек», которую мистер Розен знал буквально наизусть. Он не стал прибавлять звук, дабы не потревожить Льюиса, но принялся тихонько подпевать, в такт, качая головой. Мир снаружи казался похожим на декорации из фильмов середины двадцатого века. Ну же! Вы должны помнить! Сцены, когда автомобиль неподвижно стоял на фоне экрана, на котором прокручивали видео с дорогой.

Вспомнили? То-то же. Вот и сейчас Дэвид мчался на своем фольксвагене на фоне размытых пейзажей в поисках места, где можно было ненадолго остановиться.

Через несколько минут впереди показалась высокая стела с наборной надписью на самой верхушке:

Приют Джона Данна.

500 метров.

У нас есть кофе и многое другое

Информация определенно обнадеживала, и Дэвид прибавил газу, чтобы как можно скорее добраться до места. Через некоторое время показалось и само кафе, удобно расположившееся вдоль проезжей части. Оно напоминало картинку из журнала пятидесятых: вытянутое прямоугольное здание с большой люминесцентной вывеской всем своим видом напоминало красно-белый железнодорожный вагончик, стоявший одиноко в окружении полей колосющейся пшеницы. Подняв взгляд на вывеску, Дэвид еще раз прочел название, что уже видел на стеле, и уверенно съехал с дороги, чтобы как можно скорее припарковаться. Мелкая галька захрустела под колесами, от чего кот тут же проснулся и, встав передними лапами на приборную панель, в недоумении выглянул в окно.

– Приятель, мы ненадолго, – заверил его Дэвид.

Приют Джона Данна

Через большие панорамные окна с внешней стороны можно было разглядеть красные диваны, покрытые искусственной кожей, круглые стульчики вдоль барной стойки, множество картин и черно-белые фотографии, украшавшие собой стены. За барной стойкой стоял мужчина средних лет, а прямо перед ним располагалась девушка в черном платье со светлыми волосами, спадавшими ей на плечи, и, пока она что-то говорила, ее рука уверенно размешивала сахар в небольшой белой чашечке, очевидно, предназначенной для кофе.

Автомобиль Дэвида въехал на пустынную парковку, оборудованную для пяти гостей, о чем говорила белая разметка, нанесенная прямо поверх гальки. Он выбрал ближайшее ко входу место и остановился. Быстрым поворотом ключа заглушил двигатель, позволив своему железному коню немного отдохнуть, и тут же покинул салон. За несколько шагов преодолев расстояние до кафе, Дэвид очутился внутри. К счастью, табличка со значком туалета помогла сориентироваться, и он тут же исчез за деревянной дверью.

Владелец «Приюта Джона Данна» хотел было поприветствовать нового клиента, но даже не успел раскрыть рта. Он только пожал плечами и решил, что, как только тот освободится, ему, прежде чем продолжить путь, непременно захочется выпить чашку крепкого кофе, и потому бармен подошел к кофемашине, прихватив с собой одну из белоснежных чашек, аккуратно расставленных на стойке.

Долгое терпение было вознаграждено сполна. Довольный собой и жизнью Дэвид вышел из туалета и направился напрямиком к барной стойке. Думается, Льюис не обидится, если хозяин немного промочит горло.

– Добрый день, путник! – поприветствовал владельца Дэвида. – Я взял на себя смелость и приготовил вам кофе.

Перед мистером Розеном предстал широкоплечий мужчина лет сорока на вид с продолговатыми очками в тонкой черной оправе на кончике носа. Его черные густые волосы с легкой сединой были аккуратно зачесаны назад. Что же касается одежды, то поверх белой рубашки с закатанными рукавами красовался темно-синий фартук, из кармана которого выглядывал небольшой блокнот и желтый заточенный карандаш.

– Неожиданно, – удивился Дэвид. – Премного вам благодарен, – на мгновение он замер, пытаясь глазами отыскать девушку, которую видел через окно. – А разве... Разве здесь не сидела девушка?

– Какая девушка? – нахмурился мужчина, слегка наклонив голову на бок. – Мой предыдущий посетитель ушел около часа назад. Здесь только вы и я.

– Странно. Значит, показалось, хотя я готов поклясться, что видел ее здесь.

– Вы, видимо, устали с дороги. Далеко направляетесь?

– В Толиман, – усаживаясь за стойку, ответил мистер Розен.

– Толиман? – протяжно произнес мужчина. – И что же вы там позабыли?

– Работа, – вздохнул Дэвид и сделал небольшой глоток из чашки.

Аромат крепкого насыщенного кофе мгновенно ударил по вкусовым рецепторам, от чего Дэвид Розен испытал легкое, но очень приятное головокружение. Он поднес чашку чуть ближе к носу и сделал глубокий вдох. Далеко не все люди любят кофе так же сильно, как он, и потому немногие смогут понять то странное удовольствие, что он ощутил всем своим телом.

– Потрясающий кофе, – признался Дэвид и сделал еще один глоток. – Просто потрясающий.

Владелец только улыбнулся в ответ, стараясь не прерывать приятное мгновение. Пауза затянулась на пару минут, отчего стало слышно тихое тиканье настенных часов и шум холодильника на кухне.

– Да, – кивнул Дэвид, словно отвечая на какой-то вопрос, хотя это скорее было еще одно подтверждение качества кофе. – Простите, отвлекся. О чем мы говорили? Ах, да. По работе.

– Вы уверены? – подмигнул владелец.

– В каком смысле? Конечно, уверен.

– А вы знаете, что в небе есть звезда под названием Толиман? Город, конечно, не назван в ее честь, но так или иначе...

– Довольно странный у нас с вами выходит диалог, – заметил Дэвид и аккуратно поставил чашку на блюдце.

Мужчина покачал головой и опустил взгляд на барную стойку. Его внимание привлекла небольшая капелька кофе на гладкой блестящей поверхности, и он тут же поспешил ее стереть.

– Смотря что считать странным, – закончив приводить стойку в порядок, признался владелец закусочной. – Кстати, я совершенно забыл представиться. Меня зовут Леонард, а вас? – широко улыбаясь, он протянул открытую ладонь.

– Дэвид Розен.

Их руки соединились в крепком рукопожатии, подтверждая тем самым новое знакомство.

– Так все же, Дэвид! Что за работа? Это как-то связано с гибелью пацана? Неужели вы полицейский? Мне казалось, они уже вынюхали более чем достаточно, – Леонард едва заметно сощурился.

– Нет-нет, что вы? Какой же я полицейский? – рассмеялся Дэвид. – Я журналист.

– Ах вот какой вы породы.

– А вам что-то известно об инциденте? Может быть, я могу задать вам пару вопросов?

Иногда подобные случайные встречи могли принести гораздо больше пользы для дела, чем любой из пунктов заранее намеченного плана. Сколько раз уже Дэвиду везло наткнуться на человека, обладающего эксклюзивной информацией, которая непременно должна была оказаться в тексте статьи.

– Задать-то вы их, конечно, можете, но мои ответы вас не устроят. Все, что я знаю, я слышал по телевизору да прочитал в местной газете.

– Жаль, – Дэвид убрал мобильный телефон обратно в карман.

– Я думаю, вы и так найдете все, что ищете в Толимане.

– Ваш загадочный тон в отношении города разжигает во мне неподдельный интерес, – Дэвид облокотился на барную стойку, всем видом стараясь изобразить человека, желающего услышать какую-нибудь историю.

– Этот город необычное место, – тон Леонарда изменился и стал похож на закадровый голос рассказчика, сопровождающего рекламный ролик фильма. – Хотите верьте, хотите нет, но так оно и есть. Люди приезжают за одним, а находят совершенно иное.

– И вы? – Дэвид все-таки достал телефон и заученным движением, не глядя на экран, включил диктофон и положил его на барную стойку задней крышкой вверх.

– Да. Я тоже нашел кое-что очень дорогое для себя, хотя приехал сюда двадцать лет назад, просто перегоняя за деньги машину, – Леонард замолчал, а его взгляд задумчиво устремился вправо вверх.

– И что же? Если, конечно, не секрет, – демонстрируя, что сдается, Дэвид поднял руки.

– Не секрет, – гулко засмеялся Леонард. – Я вам расскажу, только вначале ненадолго вас покину. Нужно достать пирог из духовки.

Леонард удалился на кухню, оставив гостя в одиночестве. То ли он догадался, что Дэвид решил его записать, то ли это вышло совершенно случайно, но теперь, если не остановить диктофон, в начале записи не будет ничего кроме тишины. Дэвид не стал ставить на паузу – ведь всегда можно вырезать то, что ненужно. Пока он ждал возвращения Леонарда, его взгляд привлекли фотографии, висевшие прямо напротив него. Они специально были сделаны

черно-белыми, чтобы подчеркнуть общую стилистику заведения, но запечатлели события не настолько старые, ведь на них Дэвид увидел Леонарда в компании разных людей. Все они улыбались и смотрели в кадр счастливыми лицами. Возможно, кто-то из них, как и Леонард, те самые путники, оставшиеся жить в Толимане? Вполне вероятно. Дэвид любил фотографии, он понимал этот вид искусства гораздо больше, чем живопись, и если бы у него было хоть немного таланта, то он обязательно попробовал бы свои силы на этом поприще, да только все, что он может фотографировать, – это размазанного в прыжке кота и засвеченные пейзажи.

– А вот и я, – Леонард вернулся с кухни, держа в руках тарелку с внушительным куском пирога на ней. – Прошу. Приготовлено по рецепту моей горячо любимой сестры: ванильный пирог с бананами и клубникой.

– Вы меня разорите, Леонард, – неудачно пошутил Дэвид.

– Ой, да бросьте. Давайте, отведайте кусочек, а я расскажу вам свою историю.

Дэвид взял в руки ложку и аккуратно отломил ею кусочек сочного пирога. Он был горячим и буквально дышал паром во все стороны. Из-под тонкой поджаристой корочки выглядывали кусочки бананов и клубники, равномерно распределившиеся между тестом. Несколько раз подув на кусочек пирога, чтобы не обжечься, Дэвид тут же отправил его в рот. Вкус был потрясающий. И особенно он прекрасно дополнял терпкий кофе, которого, впрочем, у Дэвида осталось не так много.

– Хотите еще кофе? – словно прочитав мысли Дэвида, спросил Леонард, правда, ответ его нисколько не интересовал, так как он сразу же взял чашку и заново наполнил ее до краев.

– Спасибо. Все слишком вкусно, чтобы быть правдой.

– Ну... – Леонард пожал плечами. – Вы, кажется, хотели услышать, как я здесь оказался?

– До сих пор жду.

– Я думаю, – выглядывая через окно на улицу, сказал Леонард, – в ближайшее время посетителей ждать не стоит, поэтому давайте сядем за стол. Я заодно дам немного отдохнуть ногам. Не переживайте, кофейник я возьму с собой.

Пока Леонард обходил барную стойку, Дэвид взял свой мобильный, чашку и пирог и пересел за первый попавшийся столик у окна. На красном кожаном диване сидеть оказалось гораздо приятнее, чем на вращающемся стуле. «Наконец спина расслабится, – подумал Дэвид, но тут же поймал себя на этой мысли: – В каком смысле спина? А она у меня разве напрягалась?» Но не успел он копнуть поглубже, как перед ним уселся Леонард и поставил справа от себя кофейник, наполовину наполненный кофе.

– Так вот, – отклонившись на спинку дивана, начал Леонард, – двадцать лет назад, когда мне стукнуло двадцать три года, я, как и многие молодые люди, жаждал посмотреть мир. Мне вовсе не хотелось создавать ячейку общества и погружаться в семейные хлопоты, поскольку мне казалось, что вся жизнь впереди и я еще успею жениться, развестись, заново жениться и тому подобное. Ну, вы понимаете? Вы ведь сами-то, как я понимаю, не женаты?

– Нет, не женат. Но мои причины, Леонард, отличаются от ваших. И, между прочим, мне уже далеко не двадцать лет.

– Не встретили ту единственную?

– Не уверен, что так можно сказать, – тема для Дэвида была не самой приятной. – Давайте вернемся к вашей истории?

– Без проблем, – Леонард кашлянул в кулак и, упершись руками в край стола продолжил. – Только мои стремления никак не совпадали с возможностями. Единственное, что лежало у меня в кармане, была огромная дырка, в которой моментально испарялись мои надежды. Дело было в том, что, когда я рос, моя семья была довольно бедной. Пока мать изо всех сил старалась поддерживать на своих хрупких плечах дом, отец оставлял силы на заводе. Получить высшее образование у меня не было почти никаких шансов, и потому мне стоило воспользоваться связями отца и пойти по его стопам, чтобы облегчить жизнь семье. Именно так,

собственно говоря, я и поступил. День за днем я просыпался и шел вместе с отцом, где выполнял монотонную тяжелую работу. Мне не хотелось верить, что на этом все. Ведь жизнь гораздо больше и интереснее этого. Я чувствовал, как внутри, будто снежный ком, зреют сомнения. И вот однажды, как я уже сказал, когда мне стукнуло двадцать три, я проснулся утром, сел на кровати и, глядя в стену, понял, что так больше не могу. Меня бесило все вокруг: комната, одежда, работа, знакомые и незнакомые люди. Я захотел все бросить и уехать, – Леонард замолчал, уставившись на свои скрещенные пальцы.

– Но вы не могли так поступить с родителями?

– Не мог, – согласился Леонард, – но поступил. Это был момент наивысшей степени эгоизма в моей жизни. Но с другой стороны, почему я должен был посвятить свою жизнь тому, чтобы повторить все их ошибки и стать их копией? Тогда я думал именно так. И как бы это ни звучало сейчас, доля истины в этих словах есть. Так вот. Прикинувшись больным, я не пошел на работу, а вместо этого позвонил своему соседу, который на днях спрашивал меня, не хочу ли я немного подзаработать, перегнав автомобиль, и спросил, в силе ли его предложение. Он был рад услышать мою заинтересованность. И менее чем через час я стоял на пороге его дома, забирая ключи. Я прекрасно понимал, что если уеду, то меня уволят с завода. Прекрасно понимал, что если никому ничего не скажу, то предам родителей, ведь они рассчитывали на мою помощь. Но я не мог больше сидеть в клетке. Мне хотелось хотя бы ненадолго вырваться на свободу и сделать глоток свежего воздуха. Это определенно должно было мне помочь. И потому, дав себе слово, что как только поставленная задача будет выполнена, я сразу вернусь, тронулся в путь.

– И вы ничего не сказали ни отцу, ни матери?

– Нет, – неуверенно произнес Леонард. – Я сказал только младшей сестре Джейн и попросил все рассказать через несколько часов, когда я уеду.

– Но ведь это...

– Трусость, – Леонард прекрасно знал, что собирался сказать Дэвид. – Да, трусость и малодушие. Все именно так. Нет, вы не подумайте. Сейчас я это прекрасно понимаю и рассказываю, но изменить ничего не могу.

Дэвид попытался сам налить себе еще кофе, но Леонард не позволил ему этого сделать, тотчас перехватив кофейник из его рук. Гость есть гость, и потому хозяин должен делать все сам. Чашка наполнилась горячим напитком, а кофейник вернулся обратно на стол.

– И как? Вы почувствовали себя лучше?

– Определенно, – кивнул владелец кафе. – Отчасти я сам придумал себе иллюзию свободы, а отчасти это было правдой. Но как бы то ни было, впервые за долгие годы моя душа расцвела. Мне нравилось чувствовать дорогу, нравилось, как машина набирает скорость, как позади один за другим остаются населенные пункты. Где-то на полпути я решил позвонить домой, но никто не взял трубку, хоть я и прослушал много гудков. Это не показалось мне странным, ведь мама так была занята по дому, что просто могла и не слышать звонка. И потому я продолжил свой путь. И вот я приехал в Толиман по назначенному адресу. Поднялся по ступеням и преисполненный чувством собственного достоинства постучал в дверь. На пороге появилась молодая девушка, – Леонард отвел взгляд в сторону и тут же расплылся в улыбке.

– Ваша будущая жена? – догадался Дэвид.

– Именно. Я впервые по-настоящему влюбился. И не просто влюбился, а с первого взгляда. Это было так глупо, так легкомысленно, но абсолютно правдиво. Оказалось, что я должен был доставить машину ей. Странная штука судьба, Дэвид. Она не то чтобы определяет всю нашу жизнь, но то и дело вмешивается в нее, подбрасывая карты из колоды. Иногда нам достаются плохие карты, а иногда отличные. И в этот раз мне повезло. Вместо того, чтобы, как обещал себе, сразу вернуться домой, я задержался в Толимане на несколько дней. Этого времени вполне хватило, чтобы и я и Зои (так ее зовут) поняли, что влюбились, – по какой-

то причине улыбка моментально стерлась с лица Леонарда, и он недовольно поморщился. – Такая вот судьба, Дэвид.

– Но, – мистер Розен был не совсем удовлетворен окончанием рассказа, – вы ведь кое-что упустили. Не правда ли? Что с вашими родителями? Вы с ними так и не помирились?

– Не помирился, – Леонард отрицательно покачал головой, – потому что не могу этого сделать. Однажды Зои позвонил мужчина, который нанял меня перегнать машину, и спросил: не знает ли она, где меня найти. Она знала, ведь я находился буквально в полуметре от нее. Тогда она протянула мне трубку. Я не догадывался, что сейчас услышу. Даже не имел понятия, кто мне может звонить. И потому я безо всякой задней мысли взял в руки трубку и сказал: «Алло». А дальше я узнал, что в ту же ночь после моего отъезда родители умерли в собственной кровати. Они легли спать и не проснулись. Все дело было в газе. Протечка. Вечером никто не обратил внимания, а затем настал конец.

Возникла очередная пауза, и Дэвид не знал, стоит ли ее прерывать. Окончание истории, которое он так ждал, совершенно не вязалось с его представлениями. Да и вся история никак не вязалась с Леонардом. Конечно, нельзя судить о людях по первому впечатлению, но почему-то образ этого мужчины никак не вязался с человеком, который, не сказав ни слова, может оставить свою семью.

– В ту ночь сестра ночевала у своей подружки, и потому она выжила. А вот родители... С тех пор прошло двадцать лет, но я каждый день вспоминаю о них и продолжаю себя винить.

– Вы не виноваты в протечке газа. Если бы вы были там, то тоже, скорее всего, умерли.

– Дэвид, мы не можем знать наверняка. Порой одно событие запускает другое, а они в свою очередь порождают целый ворох новых событий – как в Теории Хаоса. Мне не остается ничего другого, кроме как жить дальше. С тех пор прошло двадцать лет. У меня есть семья: любящая жена и сын. И у меня есть это кафе.

Дэвид думал о том, как часто ошибки и травмы прошлого формируют нашу личность. Насколько сильный отпечаток они оставляют. Ответ совершенно очевиден – огромный. Мы боремся с их последствиями, но не всегда побеждаем. Иногда не получается простить самих себя, и потому мы выбираем бесконечное падение на дно бездны. И чем дальше, тем более глубоким становится отпечаток. Реальная жизнь видоизменяется под гнетом прошлого, не принося никакого удовлетворения. И тогда мы начинаем калечить тех, кто находится рядом с нами. Дэвид потряс головой и отогнал от себя навалившиеся мысли.

– Кстати о кафе! С вашего позволения мне хотелось бы изменить тему.

– Попробуйте, – согласился Леонард.

– Почему такое странное название? Ведь вас зовут Леонард, а на вывеске написано «Приют Джона Данна».

– У вас не получилось уйти от темы, – владелец кафе грустно улыбнулся.

– Простите, – Дэвиду стало стыдно, и он почувствовал, что краснеет. – Если вы не хотите об этом говорить...

– Прекратите, – Леонард махнул рукой. – Все нормально! Если бы вы знали, сколько раз я слышал этот вопрос. Понимаете, когда я окончательно поселился в Толимане, то увлекся наукой и философией. А Джон Данн – это человек, чей труд «Эксперимент со временем» буквально запал мне в душу. Поскольку мне не суждено было совершить чего-то невероятного, я решил хотя бы увековечить его память.

– Никогда прежде о нем не слышал, – признался Дэвид и сделал очередной глоток.

– Если говорить коротко, то согласно теории Данна в нашей реальности все времена (я имею в виду прошлое, настоящее и будущее) существуют одновременно. Однако человек в силу своих особенностей не может этого осознать и воспринимает время линейно. Но, – Леонард сделал особый акцент на последнем союзе и поднял вверх указательный палец, – во время сна мы сбрасываем с себя оковы, ограничивающие наше восприятие, и обретаем способность

свободно пересекать границы прошлого, настоящего и будущего. На мой взгляд, это потрясающе. Скажите, Дэвид, вам когда-нибудь хотелось что-то изменить в своей жизни или заново пережить какой-то ее момент?

– Я думаю, каждого посещают подобные желания.

– Вот-вот. И потому теория Данна становится особенно привлекательной, ведь то, чего вы так желаете, находится совсем рядом. Ближе расстояния вытянутой руки.

Стоило Леонарду закончить фразу, и они оба погрузились в раздумья о своем прошлом, чьи образы жили в голове, но год за годом обесцвечивались, теряя детали. Воображение перенесло Дэвида в огромное помещение, заполненное зеркалами разных размеров и форм. Стойкий запах пыли пропитал собой все вокруг, а ее крохотные частицы парили в свете ламп, свисавших с потолка. То ли Дэвид сам бродил между зеркалами, то ли его ноги, не спрашивая разрешения, шагали сами собой, и вместо собственного отражения перед ним представляли расплывчатые образы минувших дней. Какие-то вызывали в груди приятную дрожь, какие-то ноющую тоску, а какие-то отдавались уколом в самое сердце. Ему было о чем сожалеть, но и было чем гордиться. Пусть жизнь и могла бы сложиться несколько лучше, но, с другой стороны, получив что-то, нам всегда хочется еще большего. Неожиданно перед Дэвидом Розеном предстало большое черное зеркало. В нем не оказалось ни воспоминаний, ни отражения, только гладкая матовая поверхность. Он несмело провел по ней кончиками пальцев.

– Я о чем-то забыл, – признался в пустоту Дэвид, пытаясь обнаружить недостающий кусочек пазла.

Он сосредоточился и попытался представить, что же могло там скрываться. Буквально на одно мгновение ему показалось, будто сквозь черноту проступают чьи-то очертания.

– Мяу! – знакомый кошачий голос вырвал Дэвида из воображения, заставляя мир зеркал раствориться. И только легкий туман, растекшийся по «Приюту Джона Данна» остался в качестве напоминания о черном зеркале.

Леонард находился все там же напротив Дэвида, а по правую руку прямо на столе, подняв хвост вверх, стоял Льюис и внимательно смотрел в глаза своего хозяина.

– Что за неожиданный посетитель ко мне пожаловал? – поинтересовался у кота Леонард.

– Его зовут Льюис. Простите за затоптанный стол, – Дэвид поспешил взять кота на руки, но Леонард его остановил.

– Да ладно вам. Я все протру, а вот посетителей, коих у меня немного, обижать не стоит, – после его слов Дэвид отпустил кота. – Не желаете ли молока, сударь, или просто воды?

– Мяу, мррррр, – заинтересовано ответил Льюис.

– Значит молока. Будет сделано!

Леонард тут же вскочил с дивана и помчался на кухню, откуда вернулся с пакетом молока и блюдцем. Еще секунда и прямо перед Льюисом стояло блюдце, наполненное заказанным напитком. Кот, не стесняясь, принялся лакать молоко, громко чавкая.

– Как ты вообще сюда попал, дурилка? – поинтересовался Дэвид.

– На кухне у меня есть кошачья дверца, – пояснил Леонард, не сводя с кота глаз. – А вы, наверное, не закрывали в машине окно?

– Не закрывал. Льюис хоть и кот, но он никогда далеко не отходит от меня.

– Когда-то у меня тоже был кот. Люблю этих животных. Своенравные, хитрые, но при этом преданные, как и собаки, хотя стараются этого не показывать. Мой прожил со мной почти девятнадцать лет. Бродил повсюду, ночевать приходил домой и иногда заглядывал сюда, чтобы проведать, как у меня дела.

– Как его звали?

– Кот, – улыбнулся Леонард.

– Почему? – Дэвид рассмеялся столь неожиданному имени.

– Я все равно не знаю кошачьего, так зачем его обременять моими выдумками?

– Мяу! – прервал диалог Льюис и постучал лапой по пустому блюду, требуя добавки.

– А вы не лопнете?

– Не лопнет, – ответил за кота Дэвид. – Иногда мне кажется, что он знает что-то, чего не знаю я, и потому ему приходится обо мне заботиться. Следить, чтобы я не вляпался в какую-нибудь историю, – Дэвид потрепал своего пушистого друга по макушке.

– Как знать. Возможно, на самом деле все так и есть. У вас есть дети, мистер Розен?

– Нет, у меня только Льюис. А у вас, кажется, сын?

– Да, мальчик. В этом году ему исполнится двенадцать. Хороший пацан, во многом похож на меня.

– А почему вы спросили?

– Просто стало интересно. Одиноким путник едет со своим котом на машине в маленький городок, потерявшийся где-то на огромной карте.

– Да, именно так.

– Может быть, вы мне не поверите, – Леонард сделал значительную паузу, пристально глядя Дэвиду в глаза, – но я все-таки скажу вам. Вы действительно найдете здесь то, что ищете, но речь идет далеко не о статье.

– Вы снова напускаете таинственность.

– Я знаю. Больше не буду вам ничего говорить, пусть ответы сами найдут вас, – Леонард облокотился на стол и подмигнул. – И не просите меня вам рассказать. Все равно ничего не скажу.

– Я вам поверю, – конечно же, Дэвид посчитал слова Леонарда полной глупостью, но не стал этого высказывать. – Пожалуй, нам с Льюисом пора. На обратном пути обязательно загляну к вам. Сколько я должен?

– Денег не нужно. В следующий раз расплатитесь хорошенькой историей, – подмигнул Леонард и, поднявшись из-за стола, направился к барной стойке.

– Договорились, – кивнул Дэвид. – Спасибо вам большое за гостеприимство. Льюис, пойдём.

Не выказав и доли несогласия, кот прыгнул на пол и побрел к входной двери. Дэвид шел следом за ним.

– Дэвид, – окликнул гостя хозяин «Приюта Джона Данна».

– Да? – уже у самой двери отозвался мистер Розен.

– Помните, наша жизнь – это не только история о нас самих. Это история о людях, которых мы встречаем на своем пути. О том, чему они нас научили, на что смогли открыть глаза и какую память оставили о себе. Удачи вам.

– Не забуду. Спасибо, – коротко подтвердил мистер Розен и покинул кафе.

Дверь плавно закрылась за спиной Дэвида. До Толимана оставалось совсем немного, но он все равно изрядно устал от дороги, даже несмотря на столь приятную остановку в «Приюте Джона Данна».

– Эй, мистер! – не успел Дэвид добраться до машины, как где-то совсем рядом услышал детский голос.

Справа от закуской стояли старенькие железные качели на цепочке, а на них сидела девочка лет десяти от роду.

– Ты мне? – удивился мистер Розен, указав на себя пальцем.

– Да, здесь вообще-то больше никого и нет, – ответила она без единой капли стеснения.

Пораженный столь откровенной дерзостью, Дэвид направился к девочке, чтобы узнать, зачем она его вообще окликнула и почему так разговаривает со старшими. Льюис не спеша шел рядом, то и дело поглядывая на хозяина.

– А... – попытался было сказать мистер Розен.

– Ты кто такой? – опередила его маленькая чертовка.

– Я? – давненько он не встречал подобной наглости. – Дэвид. Неожиданное начало разговора, признаюсь честно.

Она внимательно смотрела на него своими большими карими глазами, как будто пыталась пробурить череп насквозь, чтобы добраться до мыслей и понять, что скрывается в уме незнакомца. Дэвида поразили ее черные длинные волосы цвета воронова крыла. Они были слегка волнистыми и спадали на плечи черным водопадом. Довольно редко можно встретить людей с такими волосами. Обычно если они и попадаются, то это вовсе не их натуральный цвет.

– А какой пароль? – слегка наклонив голову на бок, поинтересовалась новая знакомая.

– Пароль? О чем ты?

– Хм, – девочка нахмурилась. – Значит, ты можешь быть пришельцем.

– Подожди, – Дэвид выставил перед собой ладони. – Я не понимаю, о чем мы вообще разговариваем.

Льюис подошел к девочке и, опершись на нее передними лапами, как следует обнюхал. Как только процесс знакомства был завершен, он запрыгнул к ней на колени и настойчиво потребовал почесать ему голову.

– Ни о чем. Просто болтаем. Я – Фенек.

– Фенек? Серьезно?

– Ну это не мое настоящее имя, но мне нравится, когда меня так называют, – Фенек пожал плечами, продолжая чесать Льюиса за ухом. – Так что ты здесь делаешь?

– А не слишком ли ты любопытна? А если бы я был маньяком или злодеем каким-нибудь?

– А ты злодей?

– Нет, – Дэвид впервые в жизни отвечал на подобный вопрос.

– Видишь, как все просто! И я не злодей.

– Но это же не значит, что я не соврал.

– Ой, что ты морочишь мне голову?

– Мяу! – Льюис словно поддержал Феньку в странной беседе.

– Тебя интересует, что я здесь делаю? Приехал по работе в ваш городок. Я журналист.

– То есть не навсегда? – показалось, будто она спросила это с какой-то непонятной обидой.

– Нет, не навсегда.

У Дэвида мелькнула мысль спросить Феньку о гибели мальчика, но он быстро отказался от этой затеи, потому что незачем втягивать ребенка в подобные проблемы. Конечно, она могла знать немало о трагедии и даже побольше, чем некоторые взрослые, однако он не хотел добывать материал таким путем, пусть это было и не профессионально.

– А ты что здесь делаешь? Ты помогаешь Леонарду? – он указал на «Приют Джона Данна».

– Нет, – рассмеялась Фенек. – Я просто гуляю. Мне здесь нравится, и мороженое вкусное.

– А разве тебе не полагается быть сейчас в школе?

– Наверное, полагается, но я не хочу. А может быть, все-таки останешься? У нас хорошо.

– Я даже еще приехать не успел.

– Тогда тебе пора! Посмотришь город и сам не захочешь уезжать. А я потом спрошу снова.

– Всякое возможно, но ты права. Мне действительно пора, – Дэвид взглянул на часы, чтобы понять сколько времени потерял на свою остановку. – Льюис, пойдём?

– Мяу, – ответ кот и спрыгнул с колен девочки.

– А тебя не надо куда подвезти? Я все равно же еду в город.

– Нет, спасибо. Я еще здесь поболтаюсь.

– Ну, как знаешь, а мы пойдём.

– До встречи! И добро пожаловать! – с улыбкой сказала Фенек.

– До встречи, – ответил Дэвид, хотя подумал, что это маловероятно.

Льюис обогнал хозяина и одним ловким прыжком запрыгнул в открытое окно автомобиля. Дэвид последовал его примеру, но, конечно, не стал запрыгивать в окно. Нет-нет. Не подумайте ничего такого. Он обошел машину, открыл дверь и сел на водительское сидение. Немного отдохнувший двигатель проснулся, едва ключ повернулся в замке зажигания. Через окно кафе Дэвид взглянул на Леонарда и помахал ему рукой, на что тот в свою очередь сделал то же самое. Качели же, где прежде сидела Фенек, были пусты и слегка раскачивались из стороны в сторону.

Переведя коробку передач в режим R, Дэвид сдал назад, выкрутил руль и вернулся на трассу, оставив позади своих новых знакомых.

– Да, – вздохнул Леонард, едва машина исчезла за периметром окна. – Как же сильно ты изменился...

– Время меняет все, – откуда-то совсем рядом прозвучал женский голос.

– Я знаю. Вначале меняет, затем отнимает.

– А можно мне еще чашечку твоего кофе? Уж очень я его люблю, – девушка в черном платье села напротив Леонарда и, поправив упавший на глаза локон, улыбнулась.

Добро пожаловать в Толиман

Автомобиль Дэвида продолжал неумолимое движение к Толиману. Тем временем, позабыв обо всех мерах безопасности, которые так упорно объяснял хозяин, Льюис разлегся на приборной панели и, довольный собой, закрыл глаза. Словно в неистовом прыжке, вытянувшись во всю длину, лапы Льюиса едва не касались боковых дверей. Он действительно всю свою жизнь был для Дэвида нечто вроде ангела-хранителя с торчащими в разные стороны усами и мощным хвостом. Но кто сказал, что ангел-хранитель обязательно должен быть одет в длинное белое одеяние с сияющим нимбом над головой?

Дэвид и Льюис познакомились много лет тому назад совершенно случайно. Ничто не предвещало неожиданной встречи в тот осенний вечер, когда осень едва-едва начинала брать бразды правления над миром в свои руки. Однако каждый из них помнил тот далекий день, будто он был только вчера. Пустынный вечерний парк. Разбросанные вдоль длинной, выложенной из плитки дорожки фонарные столбы освещали припозднившимся путникам их дорогу домой.

Когда утром Дэвид собирался на работу, то его взгляд вдруг резко остановился на связке ключей от машины, висевших на крючке возле двери. Он замер. В едва проснувшемся уме замелькали картинки того, как он едет на работу, разъезжает по городу, чтобы выполнить полученные задания, а затем возвращается назад в плотном потоке других машин. Почему-то именно сегодня ему не хотелось ехать на машине, хотя подобное с ним прежде не случалось. Но все-таки прислушавшись к внутреннему голосу, он оставил машину возле дома и отправился на работу пешком. И вот день закончился. Дэвид не спеша брел по парку, глядя себе под ноги. Его окружали шепчущиеся на ветру деревья, далекие звуки автомобилей и еще более слабые голоса людей. Вечер и правда выдался хороший. Можно было о чем-то подумать, кого-то вспомнить.

Ведь в бесконечной суете жизни у людей остается так мало времени, чтобы подумать о ком-то важном, кто есть рядом с тобой, или о ком-то, кто уже исчез со страницы твоей истории, оставив после себя десятки, а то и тысячи слов. Мы забиваем свое время множеством дел, мимолетными чувствами и впечатлениями. Проживаем жизни подобно миллиардам других людей, где главным становится выживание. А ради чего? Ради того, чтобы не думать о том, что действительно важно? Ради того, чтобы не признаваться себе в ошибках и не пытаться их исправить? Конечно, мало кому захочется осознать себя виноватым в том, что жизнь сложилась именно таким образом, и еще меньшее число людей постарается что-то исправить, предпочтя оставить все на волю судьбе. Жизнь, заполненная обыденными заботами, не всегда означает хорошую жизнь. Иногда это просто бегство от самих себя и не более того.

Аллея бесконечно тянулась вперед, но Дэвида это нисколько не смущало. Ему нравилось двигаться вперед по свежему воздуху, слыша тихий стук ботинок о брусчатую поверхность. Он окунулся в далекое-далекое прошлое. В те дни, когда еще была жива мама.

– Мама, – слово само слетело с его губ, и Дэвид остановился прямо в центре круга света, образованного яркой лампой фонарного столба.

Он вспомнил родительский дом. С двух сторон его окружали поля, на которых выращивали различные злаки. То это была рожь, то пшеница, то кукуруза. Не важно. Главное, что он помнил, как каждую ночь, когда в комнате горел слабый ночник с большими пятиконечными звездами, из-за плотно закрытого окна раздавался шелест стеблей.

А вот он вспомнил и самого себя. Едва доставая до пола ногами, Дэвид сидел за обеденным столом, подперев голову руками, и смотрел, как мама в белом фартуке готовит завтрак. Из дальней комнаты были слышны звуки шагов и голос: отец собирался на работу и разговаривал сам с собой, проверяя, не забыл ли он чего. Каждый день был похож на другой, но при этом

они были особенными, потому что Дэвид Розен проводил их в окружении любящей семьи. Он всегда просыпался рано, чтобы побыть с мамой, пока она готовит, затем перекинуться парой фраз с отцом, услышать его напутствие на грядущий день и отправиться в школу. Обычно отец говорил нечто вроде «Будь мужчиной, Дэвид!» или «Не забывай, что сегодняшней день – это одна из ступеней к завтрашнему будущему» или даже просто «Вытри джем с подбородка». И хоть фразы периодически были похожи друг на друга по смыслу, но каждый раз они были сказаны другими словами. Когда завтрак был готов, мама расставляла тарелки и громко звала отца. К этому моменту он был уже полностью собран и готов идти на работу. У членов семьи были свои личные негласные места: Дэвид всегда садился во главе стола, а родители по левую и правую руку от него. В этом не было ничего особенного, никакого намека на то, кто является главой семьи. Просто им было так удобно и все. Когда завтрак подходил к концу, каждый направлялся заниматься своим делом: отец на работу, Дэвид в школу, а мама хозяйничала по дому, а потом закрывалась в кабинете и посвящала остаток свободного времени творчеству. Это было самое лучшее время в жизни Дэвида.

– Мяу! – тонкий писклявый голосок, раздавшийся из соседних кустов, оборвал нить воспоминаний.

Дэвид не сразу понял, откуда доносятся звуки и, оглядевшись по сторонам, прислушался.

– Мяу! – прозвучало вновь.

В этот раз Дэвид определенно знал, где нужно искать. Он сделал несколько шагов с тропинки и наклонился над кустом. Оттуда через густую листву на него смотрел крохотный котенок с розовым носом и большими зелеными глазами.

– Мяу! – снова произнес котенок, широко открыв рот.

– Малыш, ты почему здесь один? – поинтересовался Дэвид и, раздвинув ветви, потянулся к нему. – А где твоя мама или братья с сестрами?

– Мяу, – с досадой ответил котенок, но Дэвид прекрасно его понял.

– Давай пройдемся и поищем их? Если они где-то здесь, то мы обязательно их найдем. Договорились?

Котенок ответил урчанием и уткнулся носом в куртку Дэвида. Около получаса, не возвращаясь на тропинку, они бродили по парку в поисках мамы-кошки. Они заглядывали то в одни кусты, то в другие. Успели посмотреть в широкой водосточной трубе и даже дупле старого дерева. К огромному сожалению обоих, никакого результата это не принесло. Котенок то и дело, вытянув длинную шею, внимательно вглядывался в темноту, будто что-то заметил, а затем снова прижимался к странному большому человеку. Если бы кто-нибудь со стороны увидел, как взрослый мужчина с котенком на руках бродит по ночному парку, то непременно бы испугался. Но они никого так и не встретили, если не считать пары белок, пронесшихся где-то над головой в кроне деревьев, что не осталось не замеченным для котенка, который успевал тихонько шипеть, демонстрируя, кто здесь настоящий хищник.

Потеряв всякую надежду, Дэвид медленно опустился на землю, прислонившись к широкоплечему старому клену. Сквозь штаны он отчетливо чувствовал холодную землю, которая остывала без должного внимания солнца. Где-то далеко впереди всего на одно мгновение заглодела машина, но ее звук тут же потонул в порыве осеннего ветра, срывающего первые листья с деревьев.

– И что же мне с тобой делать, малыш? – поинтересовался Дэвид, хотя и сам уже прекрасно знал ответ.

– Маяяяя, – протяжно ответил хвостатый и, прячась от ветра, полез под куртку.

– Ну куда ты? Что ты делаешь? – Дэвид был удивлен, но даже и не думал сопротивляться. – Ты замерз? Ничего, – он взглянул в чистое осеннее небо, пробивавшееся сквозь колышущуюся листву. – Все, что я могу тебе предложить, это жить со мной. Я, конечно, так себе хозяин, но, как мне кажется, другого выхода у нас с тобой нет.

Котенок не ответил, так как, стоило ему забраться в тепло, тут же заснул. Аккуратно, чтобы не потревожить его сон, Дэвид поднялся на ноги и побрел к выходу из парка. Вот тебе и прогулка без машины. Случайная встреча. А может быть, и не случайная? Это неважно. Теперь Дэвид был не один. Весь свой путь до дома он медленно шел, прислушиваясь к крохотному зверьку, спавшему у него на груди.

Звуки машин, голоса людей и многие другие шумы большого города, которые совсем недавно так отчетливо слышал Дэвид, отошли на задний план, уступив место ласковому мурчанию. Человек и кот. Так они и шли по узким улицам города, пока...

Колеса фольксвагена слетели с дороги, а следом и удивленный Льюис повалился с приборной панели, издав непонятный звук. Окунувшись так глубоко в воспоминания, Дэвид совсем отключился от реальности. Его словно здесь и не было вовсе. Да и не только его: ни машины, ни дороги, ни города Толиман. Второй раз за короткий срок Дэвид позволил себе утонуть в прошлом. Он сбавил скорость и остановился на обочине.

– Дружище, прости. Ты там живой? – глядя вниз, поинтересовался Дэвид.

– Мяу! – прозвучал из-под сидения голос, полный негодования.

Медленно показались усы, уши, лохматая голова. Льюис запрыгнул на сидение и уставился на хозяина удивленным взглядом.

– Прости, я просто задумался, – Дэвид протянул к нему руку, чтобы погладить, но тут же получил сильный укус. – Да не буду я так больше! Отпусти меня, животное! – Льюис определенно решил преподать урок глупому человеку. – Что же ты делаешь? Ты мне руку прокусишь! Я так больше не буду! Ты меня слышишь?

Наконец Льюис разжал зубы и, недовольно выдохнув, запрыгнул обратно на приборную панель, но в этот раз повернулся к Дэвиду спиной.

– Просто я вспомнил, как мы с тобой познакомились, – продолжил оправдываться Дэвид, – а еще вспомнил маму и па... – не договорив, он замер.

Дело в том, что он никогда не жил за городом. Никогда не смотрел, как мама готовит. Это были не его воспоминания, вернее, не все – ведь Льюиса он встретил именно в парке. Но детство. Как же так получается? Как он мог вспомнить то, чего никогда не было? Ведь его настоящие родители... И тут Дэвид осознал, что не помнит о них ровным счетом ничего. Пустые листы. Так не может быть. Так не должно быть.

Дэвид смотрел прямо перед собой. Но его взгляд был устремлен сквозь приборную панель, двигатель и асфальт. Он пытался найти хотя бы кусочки своего прошлого. Все тщетно. Его словно вовсе и не было.

– Нет, я, видимо, просто устал, – Дэвид покачал головой и завел машину. – Нужно добраться до города и отдохнуть. Просто устал. Правда, Льюис?

Обиженный кот ничего не ответил, а лишь едва заметно повернул ухо к хозяину. В такие моменты Дэвид сожалел, что Льюис не умеет разговаривать, ведь он наверняка мог дать ему какой-нибудь совет, чтобы помочь Дэвиду.

– Тук-тук, – раздался неожиданный стук в боковое окно.

Дэвид и Льюис от испуга подскочили на месте. Один схватился рукой за грудь, а другой снова с диким недовольством свалился с приборной панели. Прямо рядом с машиной, наклонившись, стоял крепкий полицейский в форме кофейного цвета и с темными очками на лице. Кроме очков его выделяли густые усы, не совпадавшие по цвету с волосами. Если волосы были светло-русого цвета, то растительность под носом имела насыщенный черный оттенок. Слева на груди висел блестящий жетон, а справа небольшая табличка с именем: «С. Маршалл».

– Сэр, – из-за поднятого стекла его голос звучал несколько приглушенно, – у вас все нормально?

– Вы меня напугали, – переводя дыхание, ответил Дэвид.

– Что?

- Секунду, – Дэвид аккуратно открыл дверь, чтобы не задеть служителя закона.
- Выходить не обязательно, – С. Маршалл тут же положил руку на кобуру, где прятался пистолет.
- Сержант Маршалл, я просто хочу размять ноги и ничего больше.
- Маршалл предусмотрительно сделал два шага назад и отщелкнул кобуру.
- Подняв обе руки, Дэвид аккуратно вышел из машины, демонстрируя полицейскому свой доброжелательный настрой.
- Я увидел, как вы резко съехали с дороги. Что-то случилось? – поинтересовался Маршалл, который, судя по его виду, приготовился к любому повороту событий.
- Ничего не случилось. Устал от дороги и не более того, – признался Дэвид и опустил руки.
- Вы едете в Толиман?
- Так точно, сэр. Прямо туда.
- Но вы не местный. Я вас раньше здесь не видел.
- И снова в точку. Я журналист. Меня зовут Дэвид Розен, – представившись, он тут же протянул руку Маршаллу.
- Могу я взглянуть на ваши документы? – очевидно, полицейский не думал так легко идти на контакт.
- Без проблем, – расстегнув куртку, Дэвид запустил руку во внутренний карман.
- Только ухватившись за кожаное портмоне, Дэвид осознал, что столь резкий жест мог заставить Маршалла почуять неладное, но полицейский стоял все на том же месте. Даже не шелохнулся. Видимо, все-таки угрозы в Дэвиде он не видел.
- Вот, – Дэвид извлек из портмоне водительское удостоверение и документы на машину и протянул их Маршаллу.
- Полицейский перехватил документы и, подняв на голову очки, внимательным образом изучил изложенную информацию.
- С документами, как вижу, все в порядке, – полицейский вернул их владельцу, и Дэвид заметил, как напряжение в его движениях улетучилось. – Стивен Маршалл, – в этот раз Маршалл сам протянул руку.
- Вот и славно, – подтвердил Дэвид, – а мое имя вы уже и слышали, и прочли.
- Да, Дэвид. Могу я обращаться к вам по имени?
- Без проблем. А я могу звать вас сержант?
- Лучше сержант Маршалл, – Маршалл определенно не оценил шутку. – Скажите, Дэвид. Вы ведь едете в Толиман из-за истории с парнишкой?
- Верно.
- Думается мне, что пора бы перестать тревожить рану. Она едва начала затягиваться. Вы так не считаете?
- Я... – но Дэвид не успел ответить.
- С момента трагедии здесь было полным-полно журналюг разных мастей. Они успели как следует надоест всем в городе. Чуть ли не каждый день пытались поговорить с родителями и друзьями паренька. Вы ведь приехали за этим же?
- Не совсем. Я...
- А зачем тогда? Почему просто нельзя оставить людей в покое?
- Сержант, я могу ответить?
- Я понимаю, что это ваша работа, но должны же быть хоть какие-то представления о морали и чувстве меры. Вот приедете вы, поедите, отдохнете. И что дальше? Пойдете прямоком к убитым горем родителям, чтобы задавать свои дурные вопросы?
- Я...
- Вам бы лучше сесть в машину, развернуться и уехать туда, откуда вы прибыли.

Сержанта Маршалла не интересовали ответы Дэвида, ведь у него уже была заготовленная картина событий, которую довольно трудно изменить. Она выработалась за счет жесткого гнета внешних проявлений, и он пропустил их через эмоциональное восприятие, не пытаясь даже обдумать. Хотя, с другой стороны, возможно, он был прав. Дэвид не знает, а может лишь догадываться о том, как вели себя журналисты и другие участники событий, последовавших за обнаружением тела ребенка.

– Сержант Маршалл, – Дэвид выставил ладонь прямо перед собой, – позвольте мне уже сказать. Я понимаю, через что пришлось пройти жителям города. Я понимаю, что родителям сейчас совершенно не до интервью. У меня нет цели кому-то досадить, – в своей речи мистер Розен умышленно использовал простые короткие предложения, словно отделяя одну мысль от другой. – Я готов пообещать вам принять все возможные меры, чтобы мое пребывание в Толимане принесло как можно меньше вреда.

– Это всего лишь слова, Дэвид.

– Слова. Но у меня нет ничего другого. Вы можете мне просто поверить.

– Поверить? – Маршалл усмехнулся. – Люди редко заслуживают доверия, ведь большая часть того, что они говорят – это ложь.

– Не могу не согласиться. Но другого варианта здесь нет.

– Есть. Вы можете уехать...

– А если нет? Вы понимаете, что если я уеду, то потеряю работу. Вот вам бы хотелось лишиться работы из-за невыполнения приказа? Мне думается, что нет. У вас наверняка есть семья, которую нужно кормить. А чем прикажете мне кормить мою семью, когда начальник скажет собирать свои вещи и катиться подобру-поздорову?

– Я не могу вас арестовать, – негодование Маршалла никуда не делось, однако он, как показалось Дэвиду, задумался над его словами. – Но я могу попросить моих коллег приглядывать за вами. И если вдруг что-то пойдет не так, то мы найдем повод вас задержать.

– Мяс? – удивился Льюис, стоявший всеми четырьмя лапами на пассажирском сидении.

– Кот? – ничуть не меньше удивился Маршалл.

– Да, кот. Мой напарник. Его зовут Льюис, – ответил Дэвид и повернулся к коту. – Льюис – это сержант Стивен Маршалл. Интересуетесь, на кой черт мы с тобой приехали.

– Мяс, – прозвучало словно «я тоже не имею ни малейшего понятия, но тебе ведь не сидится дома и надо обязательно где-то шататься».

Маршалл за спиной хмыкнул, чем заставил Дэвида обернуться. За все время их разговора он впервые увидел улыбку на лице полицейского.

– Люблю котов, – признался Маршалл. – Правда, самому мне их заводить нельзя. Аллергия.

– Печально слышать, – подметил Дэвид, представляя тем временем, как использует Льюиса в качестве гранаты, чтобы навлечь на полицейского слезы и чихание. – Так мы пришли с вами к согласию?

– Договорились. Поверю вам на первый раз. Но благодарите своего кота.

– Вот как? Это почему же?

– Если такое животное вам доверяет, значит, для этого есть основания.

– Спасибо, – усаживаясь в машину, сказал Дэвид.

– И еще кое-что, – ухватившись за дверь, продолжил сержант Маршалл. – Если вы слишком сильно устали, то лучше немного подремать и прийти в себя.

– Благодарю за беспокойство, но сейчас я чувствую себя гораздо лучше, – самым доброжелательным тоном из возможных заверил полицейского мистер Розен.

– Тогда удачного пути.

– И вам.

Дэвид захлопнул дверь, завел двигатель и, переключив передачу, вернул автомобиль обратно на дорогу. До Толимана оставалось ехать не более десяти минут. Льюис не стал залезать на приборную панель, а перебрался на заднее сидение, где, тихо посапывая, свернулся клубком. Стивен Маршалл моментально вылетел из головы Дэвида, позволив ему снова задуматься, почему он вспомнил то, чего на самом деле не было.

И пока Дэвид копался в своей голове, остаток пути пролетел незаметно, как и дорожный знак, приветствовавший путников. Если бы Дэвид взглянул на него, то заметил бы странную надпись:

Добро пожаловать в Толиман!

14 ч. 39 м. 37 с., Склонение –60° 50' 2"

И вот уже показались первые дома на границе города. Дэвид с облегчением вздохнул. Первым делом нужно найти гостиницу и немного вздремнуть. Работа есть работа, но она может и подождать, ведь дело касалось рассудка. Чем глубже он туда заглядывал, тем больше пустот находил в своей памяти. А самым страшным казалось чувство, словно на месте этих дыр никогда ничего и не было вовсе. Не сбавляя обороты, автомобиль пересек границу и проехал еще около двухсот метров. Затем снизил скорость и окончательно остановился прямо посреди дороги.

Безумие. Его окружал какой-то бесконечный кошмар, притаившийся в темном уголке сознания. Дрожащими руками Дэвид заглушил двигатель и выбрался наружу. Он не мог поверить собственным глазам. Вместо города в том виде, в котором он привык их обычно представлять, его окружали картонные макеты зданий, напоминавшие декорации старых фильмов, выстроившиеся друг за другом. Бесконечная тишина поглотила звуки. Едва привыкнув к «зданиям», Дэвид различил на улицах картонные макеты людей. Вот женщина в красном платье в белый горошек везет перед собой коляску, а вот пожилой парикмахер стоит на пороге своей лавочки. Здесь были и дети: с широкими улыбками на лицах три мальчика лет четырнадцати бежали вниз по улице.

Мир стал обманом. Образы людей, навечно застывшие в искусственном пространстве. Ничто их не потревожит и ничто не заставит ожить, ведь они не настоящие. Дорога тянулась далеко вперед, а по бокам стояли точно такие же макеты.

– Мяс? – спросил выбравшийся из машины Льюис и прижался к ноге хозяина.

– Что же это такое? Где мы?

Переборов себя, Дэвид подошел к «зданию» с вывеской продуктового магазина и дотронулся до плоской двери. С протяжным скрипом она нехотя отворилась, позволяя Дэvidу пройти внутрь. Он сделал еще два шага вперед и оказался в небольшом помещении, где все по-прежнему было выполнено из картона. Поддельные банки с различными консервами аккуратно стояли на полках, бумажный хлеб дождался на витрине своих покупателей. В дальнем конце зала возле плоской кассы стоял нарисованный продавец, получавший деньги за покупки от маленькой сгорбленной бабушки. Кроме них двоих были и другие «люди», но их лица для Дэвида слились в единое бесформенное пятно. Чувствуя, как вот-вот потеряет сознание, мистер Розен выбежал из магазина и тут же запрыгнул в свою машину. Убедившись, что кот сидит рядом на пассажирском сидении, Дэвид захлопнул дверь, с силой схватился за руль и прижался к нему лбом. Была и еще одна вещь, в которой он очень боялся себе признаться, – этот город и его жители казались до боли знакомыми, но он не мог сказать почему.

– Нам нужно убираться отсюда! И чем быстрее, тем лучше, – бросив короткий взгляд на Льюиса, буквально прокричал Дэвид.

Едва двигатель успел очнуться, как автомобиль тут же сорвался с места. Дэвид развернул его и вдавил педаль газа, надеясь побыстрее умчаться прочь, но ехать оказалось некуда. Ему пришлось резко затормозить, ведь прямо перед ним, там, где начинался город, стояла стена с нарисованной дорогой, уходившей вдаль.

– Нет, нет, нет! Так не бывает! – истерически рассмеялся Дэвид. – Льюис, ты видишь то же, что и я?

– Мяу, – подтвердил кот, хоть и не выказывал ни капли удивления.

Стена в отличие от домов и людей оказалась самой что ни на есть настоящей. Холодной, твердой и, судя по звукам ударов кулаков Дэвида, очень толстой. Как и когда он успел оказаться в этом дурном сне? Буквально полчаса назад он еще пил кофе в придорожном кафе, а теперь его окружал игрушечный мир. Но ведь Леонард сказал, что Дэвид сможет найти в Толимане ответы на все вопросы, ведь Леонард, черт побери, живет в этом проклятом городе! Может быть, он что-то знает и специально ни о чем не сказал Дэвиду? Бессмыслица. Устав избивать стену и чувствуя, как сильно болят костяшки, он сел на корточки и крепко зажмурился.

– Просто дурной сон. Да. Сон. Просто сон, – повторял он, надеясь вернуться в реальность, когда снова откроет глаза.

Тем временем Льюис забрался на теплый капот автомобиля и молча смотрел на хозяина. Чуткий кошачий слух уловил посторонние звуки, заставив уши слегка развернуться на голове.

– Мяу! – громко позвал Дэвида Льюис. – Мяу! – повторил он вновь, чтобы наверняка привлечь его внимание.

Обессилевший Дэвид с трудом поднялся на ноги и повернулся к коту. Он было хотел попросить не мешать ему думать, но, увидев наостренные кошачьи уши, поспешил прислушаться к тому, зачем позвал его Льюис. Откуда-то издали звучала старая музыка, которую он не слышал уже очень много лет. Раз здесь есть музыка, то должен быть и тот, кто ее включил!

– Поехали! – воодушевленно крикнул Дэвид, направляясь к машине. – Давай, Льюис, запрыгивай. Только если я куда-то не туда сверну, ты мне скажи, ладно? – Дэвид был готов поклясться, что увидел, как кот утвердительно кивнул ему в ответ.

За плотным занавесом

Автомобиль с диким ревом гнал по улицам Толимана, то и дело останавливаясь, чтобы Дэвид с Льюисом могли прислушаться к окружающему их искусственному миру. Чтобы не открывать каждый раз дверь, Дэвид распахнул все окна и увеличил скорость, чувствуя, как порывы воздуха врываются в салон автомобиля и бьют его по лицу. Они останавливались на каждом повороте и перекрестке и замолкали. Порой казалось, что музыка прекратилась, а значит, вместе с ней исчезла и надежда, но это был только страх, потому что стоило сердцу перестать отдаваться гулкими ударами в ушах, как вновь становилась различима слабая мелодия. Старый фольксваген неумолимо делал свое дело – он оставлял позади все новые и новые картонные макеты зданий вместе с грубыми очертаниями жителей. Долетев до очередного перекрестка, Дэвид нажал на тормоз. Автомобиль медленно остановился у стоп-линии в трех метрах от картонной семьи, переходившей дорогу. Впереди в бежевой куртке, из-под которой выглядывали воротник рубашки и вязаная жилетка, шел отец. Он держал за руку шедшую позади него свою красавицу жену с пышной прической на голове; она же держала за руку девочку лет двенадцати, которая (уж простите за тавтологию) держала за руку своего шестилетнего брата, крепко вцепившегося в веревочку маленького зеленого грузовичка. У каждого из них на лице красовалась счастливая улыбка. Нарисованный светофор гордо горел зеленым, чем и воспользовалось столь странное семейство.

– Черт побери! – выругался Дэвид, когда автомобиль остановился. – Я чуть их не сбил.

Почему-то ему представилось, как женщина с криком ударяется о капот машины и, перелетев через крышу, приземляется на землю, словно мешок с костями. Но этого не могло произойти – они ведь не настоящие.

– Мяу? – в подтверждение сему факту удивился Льюис.

– Я знаю, – ответил Дэвид, – знаю. Это все лишь картинки, но что если бы это были люди?

– Мяу! – этим Льюис пытался сказать нечто: «Прошу тебя, не говори ерунды».

– Да, – мистер Розен покачал головой, – ты прав.

Сколько уже длилась погоня за звуками музыки? Десять, двадцать или, может быть, тридцать минут? Стоило немного отдохнуть. Дэвид заглушил двигатель и вылез из машины. Мелодия никуда не исчезла, но нельзя было сказать, стала ли она ближе или дальше от него. Его окружали все те же картонные макеты, высившиеся с двух сторон улицы. На углу отчетливо виднелась вывеска аптеки, и по какой-то причине Дэвид машинально направился туда. Конечно, он прекрасно понимал: там нет и не может быть никаких настоящих медикаментов, да в общем-то и лечить ему было нечего, если не считать съезжающую крышу. Он перешел дорогу, пересек тротуар, нырнув между двух искусственных прохожих, и оказался внутри аптеки. Льюис же не последовал за хозяином, но все-таки выбрался из машины и устроился на капоте, устремив свой взгляд в дверной проем аптеки.

Пусть все вокруг было фальшивкой, но по какой-то причине в воздухе витал аромат разных трав и таблеток, приправленный легкой ноткой спирта. Аптека старого образца представляла собой небольшой зал, по периметру которого расположились стеклянные прилавки, а позади них выстроились длинные стеллажи. Аптекарь стоял у противоположной от двери стены возле кассы. Это был самый классический аптекарь из всех, кого только видел в своей жизни Дэвид Розен. Невысокий пожилой дяденька с жиденькой седой бороденкой взирал на него своими неподвижными глазами через круглые очки в позолоченной оправе.

– Добрый день, – глядя на старика, сказал Дэвид. – У меня выдался не самый приятный денек. Не найдется ли у вас что-нибудь от головы?

– ... – аптекарь, конечно же, не ответил ему.

– Видимо, я не вовремя, – пожал плечами посетитель.

Он не имел ни малейшего понятия, для чего нужен столь бессмысленный монолог, просто ему захотелось на одно мгновение сделать вид, будто все хорошо. Что его окружает настоящий город, в котором живут настоящие люди. Правда, получилось слишком неубедительно.

– С вас доллар и двадцать пять центов, – послышалось легкое эхо в правом ухе.

– Что? – Дэвид внимательно присмотрелся к аптекарю.

Нет. Он не мог этого сказать. Ему просто показалось. Аптекарь все так же неподвижно взирал прямо на Дэвида. «Дожили, – подумал мистер Розен, – придумываю себе голоса несуществующих людей». Сделав несколько шагов вперед, Дэвид очутился нос к носу со стариком в белом халате. Самая обыкновенная картонка – чего и стоило ожидать.

За спиной раздался звук колокольчика, вынудив Дэвида буквально подпрыгнуть на месте и развернуться. Но и там никого не оказалось. Дверь была настежь открыта, а плоский колокольчик мирно покоился на вершине проема.

– Я не могу продать вам это без рецепта, – голос казался близким и отчетливым.

Дэвид снова сделал поворот на сто восемьдесят градусов и уставился на аптекаря.

– Вы ведь не настоящий, да? – Дэвид приблизился к старику на расстояние пяти сантиметров и, убедившись, что он и не думает оживать, шелкнул его по носу.

Где-то со стороны подсобки раздался тихий скрежет, похожий на то, как собака пытается открыть дверь.

– Кто здесь? – испуг в голосе скрыть оказалось довольно трудно.

В ответ последовали странные kloкочущие звуки, и Дэвид поспешил дать деру. Он же в конце концов не дурак, чтобы идти и смотреть, что издает такие мерзкие звуки! Сколько раз в фильмах ужасов показывали, как герой доблестно и глупо идет во тьму с целью разведать обстановку. Обычно это ничем хорошим не заканчивалось, и потому Дэвид решил не становиться очередным простаком, топающим напрямую к собственной гибели.

То и дело оглядываясь через плечо, он пулей выскочил из магазина и побежал к машине. Немного напутав с маршрутом, врезался в счастливое семейство, переходившее дорогу, и они дружно повалились на землю.

– Твою... – увидев огромные глаза Льюиса, Дэвид сдержался и не закончил оскорбительную фразу. – Надо валить отсюда!

Возможно, ему стоило, не тратя время, сразу сесть в машину, но совесть не позволила оставить людей лежать на земле, пусть даже картонных. Дэвид ухватился за отца как за самого большого и потянул вверх. Легкие каркасы и не думали сопротивляться – они без всяких пререканий вернулись на свое место. Оглядев изображения с ног до головы на наличие царапин или сколов, Дэвид поднял взгляд к их лицам и поначалу не поверил собственным глазам. Вместо широких улыбок на розовощеких физиономиях на него смотрели посиневшие лица, полные ужаса. Смекнув, что смотрит на них с обратной стороны, а не с той, которую он видел, когда затормозил на машине, Дэвид обошел фигуры: все те же довольные улыбки. Странное безумие. Две стороны одной монеты: счастье и горе, вписанные в границы образа одного и того же человека. Неужели все жители такие? Он было хотел вернуться в аптеку, чтобы посмотреть на старика, но сразу вспомнил звук, доносившийся из кладовки. Взгляд сам собой упал на темный дверной проем. К счастью, там никого не оказалось.

– Ехать дальше, – идя задом, приказал себе Дэвид и вернулся в машину. – Льюис, залезай быстрее обратно!

Кот послушно покинул капот и легким прыжком вернулся в салон. Убедившись, что кот устроился на сидении, Дэвид завел двигатель и рванул с места, объехав семью на дорожном переходе.

– Льюис, куда нам? Выбирай. Я сейчас лучше тебе доверюсь, чем себе.

Упершись передними лапами в приборную панель, кот внимательно следил за дорогой и слушал окружающие звуки. Его не смущал звук ревущего двигателя и потоки циркулирующего

воздуха. Даже несмотря на этот шум, он мог различить таинственную музыку. Увидев впереди поворот налево, кот повернул в его сторону голову и громко замыкал.

– Точно налево? – глядя на своего друга, спросил Дэвид.

– Мяу! Мрррр, – ответил Льюис и сел обратно на сидение.

– Как скажешь. Надеюсь, ты прав.

Автомобиль повернул налево и оказался в части города, ничем не отличавшейся от предыдущей. По сложному маршруту, выстраиваемому Льюисом, они носились по городу, прочесывая улицу за улицей. Странно, но, даже несмотря на то, что порой автомобиль проезжал по одним и тем же местам, Дэвид был уверен в правильности их пути. Под ревущие звуки двигателя картонные здания одной формы и цвета уступали место другим. Вот позади остался старенький кинотеатр с наборной вывеской над входом, приглашавшей посетить сеанс «Зловещих мертвецов», вот по правую руку показалась средняя школа Толимана, прятая в конце парковой зоны, затем по обе стороны улицы жилые дома, магазинчики, и снова возник все тот же кинотеатр.

Город представлялся Дэвиду Розену странным запутанным лабиринтом, в котором любой поворот имеет значение. Скажем, только оказавшись на улице А и свернув на улицу Е, а затем в переулок Д, ты сможешь попасть на проспект Б. В противном случае, если не следуешь столь странной схеме, вероятнее всего, ты заблудишься или вернешься в первоначальную точку. Именно поэтому Дэвид и доверился кошачьему чутью Льюиса, который понимал в подобных тонкостях лучше любого человека.

Несколько раз за время пути Дэвиду хотелось остановиться и передохнуть, но в памяти тут же всплывал звук из аптеки, и решимость продолжать двигаться разгоралась с новой силой. Кто или что могло издавать подобный звук? В Толимане Дэвид был готов увидеть что угодно.

– Послушай, я на тебя не давлю, – обратился к коту Дэвид, – но хотелось бы понимать хотя бы примерно, как долго нам еще ехать?

Льюис лишь удостоил Дэвида коротким недовольным взглядом и вернулся к наблюдению за дорогой.

Каждому человеку ситуация определенно покажется странной: человек ведет машину туда, куда скажет кот. Кот! Но если бы вы знали Льюиса, то и сами доверили бы ему свою судьбу. Однажды он даже спас Дэвида от смерти! Дело было два года назад, когда они направлялись в очередную командировку. Солнце постепенно опускалось за горизонт, и окружающий мир опутали вязкие сумерки. Тем временем, автомобиль Дэвида двигался по двухполосной дороге за небольшим грузовиком. С того момента, как они покинули родной дом, прошло около четырех часов, а пункт назначения все еще прятался где-то впереди. От монотонности пути Дэвид устал. Нет, он не засыпал, но его реакция и координация стремительно падали. Понимая, что так продолжаться не может, мистер Розен смирился с необходимостью заночевать в придорожном мотеле, не добравшись до цели. Чтобы не искушать судьбу, он пристроился за грузовичком и спокойно плелся позади него. Ничто не предвещало беды. Но, к счастью, рядом с ним был Льюис. Этот усатый пройдоха почувствовал грядущие неприятности и громко замыкал, от неожиданности заставив своего хозяина приободриться. Когда Дэвид с непониманием посмотрел на кота, тот начал мяукать еще громче и, обнажив острые, как лезвия, когти, сгрестись в дверь. От когтей на двери оставались глубокие царапины, что, конечно же, вывело Дэвида из себя, и он остановился на обочине. Едва мистер Розен попытался открыть рот, чтобы обругать кота за его невоспитанность, как в тот же момент раздался громкий скрежет металла. Дэвид и Льюис посмотрели на дорогу: пикап, летевший на большой скорости по встречной полосе, потерял управление и со всего маха врезался в грузовик, за которым ехал автомобиль Дэвида. Не имея возможности удержаться на месте, грузовик рухнул на бок. Буквально на пару секунд в салоне повисло молчание. Дэвид взглянул на Льюиса, сказал «Спасибо» и тут же выскочил из машины, чтобы поскорее добраться до места аварии – ведь, возможно, кому-то

нужна была его помощь. Такая вот история. И, если бы не чутье Льюиса, неизвестно, остались бы они в живых или нет.

Рассказывая о коте Льюисе, можно было бы вспомнить множество подобных историй. Само собой, не столь трагичных (иначе на кота пали бы подозрения: а не его ли лап это дело?), но их, скажу я вам, приключилось предостаточно. Это и была главная причина, почему Дэвид столь безропотно доверял своему другу.

Вот и сейчас Дэвид Розен знал – Льюис его не подведет. Они проскакивали одну улицу за другой и, двигаясь кругами, приближались к цели. В Толимане привычное пространство-время оказалось настолько искривлено, что потеряло всякий смысл, ведь, двигаясь в рамках трех известных осей, они также перемещались и по линии времени, но не просто вперед: они скакали по ней в совершенно хаотичном порядке, и только искусственный город всеми силами мешал заметить столь очевидный подвох.

– Мьяяяяяя! – громко и протяжно закричал Льюис, увидев место, к которому они так стремились.

Взгляд кота буквально впился в здание, и Дэвид тут же начал сбавлять скорость. Автомобиль плавно остановился прямо напротив входа. Через открытые окна в салон проникала громкая музыка, которую Дэвид хоть и знал, но никак не мог вспомнить.

– Добрались, – тихо сказал мистер Розен и заглушил двигатель.

Он вышел из машины и посмотрел на картонное здание. Если верить рисунку, это место должно было быть построено из красного кирпича, где каждый кирпичик подходит по размеру к другому. Внутри вела деревянная двухстворчатая дверь со стеклянными окнами, а прямо над ней полукругом располагалась большая вывеска, где белыми буквами на черном фоне было аккуратно выведено: «Пусть не забудем песнь листвы».

– Льюис, ты – хвостатый гений! – радостно прокричал Дэвид, благодарно глядя на кота, успевшего выскочить из машины вслед за хозяином и усесться у его ног.

Где-то за спиной раздался странный шум, и они тут же обернулись. Только сейчас мистер Розен осознал, что на город опускалась ночь. Лишенные какого-либо освещения, улицы медленно тонули в непроглядной тьме. Что это был за звук и откуда? Из всех сил напрягая зрение, Дэвид вглядывался в темноту, но никак не мог найти источник непонятного шума. А вот Льюис, чье зрение от рождения приспособлено к ночному образу жизни, увидел сразу. Кот зашипел и оцетинился. Его хвост тут же распушился, будто ершик.

– Где? – испуганно спросил Дэвид и проследил за тем, куда был направлен кошачий взгляд.

И только теперь, когда стало понятно, где искать, он увидел во тьме очертания непонятного существа. Дэвид смог разглядеть его блестящие маленькие глаза и длинные конечности. Существо, хрипя, стояло на месте и не шевелилось. У Дэвида перехватило дыхание, но он понимал, что нужно держать себя в руках, а главное, нужно поскорее убраться с улицы. Стараясь не шуметь и не делать резких движений, Дэвид медленно начал обходить машину.

– Льюис, – шепотом сказал мистер Розен, – надо уходить. Пойдем.

И тут где-то справа Дэвид услышал точно такой же хрип. Он повернул голову – метрах в десяти от него из-за угла выглядывало еще одно существо. Через несколько секунд существ стало гораздо больше. Они тянулись к Дэвиду, словно к яркому огню, да никак не могли решиться подойти. Сквозь тьму чувствовался холод, исходящий от их тел.

Дэвид продолжал двигаться к двери, стараясь не выпускать их из поля зрения. Еще пара метров, и они с Льюисом окажутся в безопасности. Безопасности? Так ли это? Не было никаких гарантий, и потому оставалось просто верить. Кот и не думал перестать шипеть, но при этом не отставал от хозяина ни на сантиметр. И тут из густи тьмы прямо между двух существ вышел человек в длинном желтом плаще. Дэвид прекрасно знал, что такие плащи обычно используют рыбаки. Мужчина сделал несколько шагов вперед и оказался прямо позади машины. Его

рост был более двух метров, а огромные ручки сжимали длинный тяжелый гарпун. Не было ни малейшей возможности разглядеть лицо незнакомца, ибо его закрывал капюшон. Когда-то давным-давно Дэвид Розен знал, кто это такой, но все, что осталось от тех времен, это страх встретиться с человеком в желтом плаще.

Рука Дэвида непрерывно шарилась в воздухе в поисках двери, пока наконец не наткнулась на нее. Спасение! – промелькнула мысль в голове, и Дэвид толкнул дверь. Не издав ни единого звука, она послушно отворилась, и путники поспешили зайти в здание. Едва дверь вернулась на положенное место, как жуткий хрип исчез, и в воздухе остался только звук музыки. Человек в желтом плаще тоже остановился по ту сторону двери. Он не сможет пройти внутрь. Не должен.

Все еще боясь, что двери распахнутся и чудовища, более не раздумывая ни секунды, накинутся на теплую плоть, Дэвид продолжал отступать назад, пока не наткнулся спиной на стол.

– Льюис? – спросил Дэвид, проверяя, на месте ли кот, хотя видел, как он тоже зашел внутрь.

В ответ Льюис только прижался к ноге хозяина.

– Они ведь сюда не зайдут? – он сам не знал, какой ответ ожидает услышать.

Не двигаясь и не издавая ни единого звука, они простояли несколько минут. Сердце постепенно начало приходить в нормальный ритм, а дыхание перестало быть резким и прерывистым. Никто не гнался за ними и не пытался попасть внутрь.

Когда Дэвид Розен наконец успокоился, его тело перестало напоминать натянутый канат, и он огляделся по сторонам. Внутри магазин оказался не похож на два других здания, в которых Дэвид успел побывать. Во-первых, это был самый настоящий музыкальный магазин. Никакого картона и никаких подделок. Перед ними предстало просторное помещение, освещенное ярким светом потолочных ламп. На левой длинной стене висели гитары разных мастей: большие и маленькие, акустические и электрогитары. А что же касается цветов, то не нашлось бы ни одного человека, который не смог бы найти здесь свой любимый цвет.

Вдоль правой стены тянулся стеллаж, доверху забитый книгами о музыке и нотными тетрадями. Рядом с ним вальяжно расположился черный рояль, чья лакированная поверхность блестела в свете ламп. Кроме того, по залу были расставлены высокие стеклянные витрины, в которых, дожидаясь своего часа, покоились различные музыкальные инструменты, начиная от губных гармошек и заканчивая скрипками и саксофонами. Но откуда, не прекращаясь, лился звук музыки? В конце зала Дэвид разглядел коричневую приоткрытую дверь.

– Льюис, нам туда?

– Мяс, – подтвердил Льюис, как и хозяин, отошедший от случившегося на улице.

– Пойдем. «Только давай не будем шуметь», – как будто сказал он, поднеся указательный палец к губам.

И это было правильно, ведь кто знает, что их могло поджидать в следующей комнате. Двигаясь короткими шагами по паркетному полу, Дэвид внимательно прислушивался, стараясь различить какие-либо посторонние звуки. Кот последовал его примеру и, немного прижавшись к земле, словно охотясь, плавно переставлял свои пушистые лапы. Они прошли мимо нескольких витрин, оставили позади рояль, и все это были самые настоящие предметы, ничем не похожие на подделку. Вот и дверь. В таинственной комнате горел приглушенный свет настольной лампы, которую можно было разглядеть в щель.

– Дэвид? – из комнаты послышался чей-то мужской голос, заставивший путников замереть на месте. – Это ты? Проходи, не бойся.

Мистер Розен чувствовал, как бешено пульсирует вена у него на виске. В голове роились противоречивые мысли, но одна из них звучала громче всех: «Мы ведь специально ехали сюда, а значит, должны дойти до конца. Кроме того, магазин спас нас от тварей на улице».

– Дэвид, перестань упрямяться. Даже Льюис уже зашел.

Кота действительно не оказалось рядом. Пока мистер Розен раздумывал над тем, как поступить, Льюис просто взял и зашел в комнату. Не решимость Льюиса, а страх за него сыграл свою роль, и вот Дэвид переступил порог. Первым, что бросилось в глаза, было то, как сильно она отличалась от магазина. Небольшая, мрачная и очень старая. В воздухе витал стойкий запах пыли. Вплотную к окну был придвинут письменный стол, на котором горела лампа, покорно склонившая свою железную голову вниз, а чуть поодаль спинкой к Дэвиду стояло клетчатое кресло и небольшой столик с громоздким патефоном ушедшей эпохи. Даже в слабом свете Дэвид смог разглядеть, как под острой иглой кружится виниловая пластинка, позволяя аппарату извлекать из себя музыку.

Переведя взгляд обратно на кресло, Дэвид увидел чью-то руку, мирно покоившуюся на подлокотнике.

– Где Льюис? – именно этот вопрос волновал сейчас Дэвида больше всего.

– Рядом с тобой, – ответил голос.

– Мяу, – подтвердил Льюис, глядевший снизу вверх на хозяина.

– Слава богу, – мистер Розен вздохнул с облегчением и сосредоточил свое внимание на незнакомце. – Кто вы?

– Сейчас я твой маяк, а ты судно, заплутавшее в море, терзаемое штормом. Слышишь музыку? Если как следует прислушаться, то ты различишь плеск волн. Закрой глаза, и музыка позволит тебе увидеть яркий свет, подсказывающий путь к спасению – рука незнакомца поднялась с подлокотника и начала двигаться в такт звучащим нотам.

– Послушайте, я совершенно не понимаю, что происходит. Это все какое-то безумие. Я даже боюсь, что вы...

– ...можете вскочить со своего кресла и накинуться на меня, – ответил незнакомец. – Я знаю, о чем ты думаешь, Дэвид.

Опираясь на подлокотники, мужчина поднялся со своего места. Он ни капли не был похож на тех, с кем недавно столкнулся Дэвид. Мужчина обошел кресло и, подойдя поближе к Дэвиду, остановился в свете настольной лампы. Перед путниками предстал пожилой человек лет семидесяти в красной вязаной жилетке, надетой поверх черной рубашки, на воротнике которой красовалась туго затянутая алая бабочка. Но самое главное, что стоило отметить, – это его лицо. Гладко выбритое и усеянное множеством морщин, оно по какой-то причине вызывало доверие. Возможно, дело было в добрых голубых глазах, над которыми нависали тяжелые густые брови, а может быть, в легкой улыбке, но так или иначе Дэвид понял, что перед ним стоит далеко не враг. Слегка покачиваясь вперед и назад, мужчина спрятал руки в карманы брюк и внимательно осмотрел своего гостя с ног до головы.

– Выглядишь ты, конечно, не очень. После всего пережитого тебе не мешало бы отдохнуть, – слегка нахмурившись, сказал незнакомец. – Но это еще успеется. Я рад, что ты смог добраться.

– Вы не ответили, кто вы?

– Я? – незнакомец задумался, подняв взгляд к потолку. – Профессор музыки. А если тебя интересует имя, то меня зовут Эдвард, правда, если тебе не трудно, мог бы ты меня так не называть?

– А как тогда? – удивился мистер Розен. – Профессор?

– Да, – Эдвард кивнул, – так мне нравится гораздо больше.

– Я не понимаю, что происходит.

– Ну разумеется. Минувшие события для тебя подобны урагану, но у них есть свое объяснение.

– Понимаете, я ехал в Толиман по работе. У меня было запланировано несколько интервью, но вместо этого я оказался в каком-то кошмаре. Искусственный город, забитый картонными домами и нарисованными людьми. А потом эти твари...

– Дэвид, – Профессор музыки перебил его, – не надо. Я все прекрасно знаю. У тебя очень много вопросов, да только я не могу дать ответы на все. Но парочку тайн я для тебя открою, – он коротко улыбнулся и взглянул на Льюиса. – А ты как поживаешь, пронира?

– Мяс?

– Знаю. Не переживай, – Профессор ответил так, словно в точности понял, что имеет в виду Льюис.

– Послушайте, я хочу поскорее выбраться отсюда, а мы только впустую тратим время...

– Время? – искреннее удивление отразилось на лице Профессора, на долю секунды разгладив все морщины до единой. – Время не имеет для нас ни малейшего значения, дорогой мой. Скажи-ка мне, – старичок выпрямился и сделал еще один шаг к Дэвиду, – что реально из окружающего нас мира?

– Честно говоря, мне кажется, что это все одна сплошная галлюцинация. Может быть, я попал в аварию на дороге? И теперь лежу в больнице с перемотанной головой или даже в кувете, истекая кровью.

– Фу, – отмахнулся Профессор, – ей-богу, какие глупости! Осмотрись вокруг, прикоснись к стене, проведи рукой по гладкой поверхности стола. Если хочешь, можешь коснуться меня. Неужели все это столь нереально?

– Нет, – Дэвид отрицательно покачал головой, – но это не может быть правдой.

– Почему? Потому что происходит что-то не вписывающееся в твое понимание реальности?

– Можно сказать и так. Это все какая-то ерунда.

– Дэвид, отрицание никак не может заставить стол исчезнуть. Оно может только загнать тебя в иллюзию, наполненную обманом, который ты считаешь правдой.

– А кто сказал, что этого уже не произошло?

– Резонно, – ответил Профессор, приподняв одну бровь. – Отличить реальность от вымысла или иллюзии довольно сложно, ведь люди так сильно привыкли жить внутри собственного восприятия. Мы привыкли врать себе о собственных ошибках, чтобы легче их пережить. Врать, чтобы не смотреть в лицо правде, которая может расстроить нас еще больше. Отчасти это инстинкт самосохранения, а отчасти слабость и трусость. Только воистину смелый человек способен встать с колен, снять повязку со своего лица и, гордо расправив плечи, взглянуть на все свои неудачи и поражения. Именно такой человек может отличить правду ото лжи. А какой человек ты, Дэвид?

– Обычный, – не задумываясь, ответил мистер Розен.

– Обычный, – еле слышно повторил Профессор.

Пластинка на патефоне закончилась, и вместо музыки комнату заполняло шипение от иглы,двигающейся по пустому пространству.

– Прости. На минутку отвлекусь от нашего разговора, – Профессор тут же поспешил к патефону.

Ему было трудно быстро передвигаться, но тем не менее пожилой мужчина, прихрамывая, пересек комнату за несколько шагов и наклонился над патефоном. Пока он отодвигал иглу в сторону и переворачивал пластинку, Дэвид увидел нечто очень странное: комната еле заметно начала меняться. Мерцая, будто картинка телевизора, стены изменяли цвета. Они становились похожи на небрежный рисунок. А стол, до сего момента не вызывавший сомнения в том, что он сделан из дерева, все больше стал походить на игрушку. И тут Дэвид понял: комната стремилась стать частью искусственного города. Но тут из патефона с новой силой зазвучала музыка, и мерцание исчезло, вернув комнату в первоначальный вид. Эту мелодию Дэвид тоже когда-то знал, а сейчас она была не более чем безликим эхом в опустевшей памяти.

– Я думаю, ты заметил? – поинтересовался Профессор, повернувшись к Дэвиду.

– Конечно, комната ведь тоже часть города? Ее удерживает музыка.

– Именно, но об этом чуть позже. Давай поговорим о главном.

– Погодите, а что если патефон сломается? Или пластинку заест? – указывая пальцем на музыкальный аппарат, заволновался Дэвид.

– Не переживай, этого не произойдет. Обо всем по порядку, – Профессор вернулся к путникам и снова спрятал руки в карманы. – Ты сказал, что ты обычный человек. Почему?

– А какой же? Что отличает меня от других? Я никакой не гений, а самый обычный рядовой гражданин, если так можно выразиться.

– Не нужно быть гением, чтобы быть особенным, но и нельзя назвать особенным того, кто в своей жизни поступает так же, как и миллионы других. Особенными нас делают наши мечты, наша любознательность, стремление постигать что-то новое. Познание и созидание. Вот, на мой взгляд, базовые принципы особенного человека, а не тени среди теней.

Дэвид рассмеялся. В словах Профессора не было абсолютно ничего смешного, и все же это было смешно, ведь тогда получается, что Дэвид и был тенью среди теней.

– Тебе кажется это смешным?

– Нет, простите.

– Ты живешь в маленькой квартирке вместе со своим котом. День за днем ходишь на работу, которая не всегда приносит удовлетворение. И все, что у тебя есть, – это бесконечный цикл загнанного в клетку зверя. Ты мог бы все изменить, но не делаешь этого, оправдываясь самыми различными причинами. А знаешь, почему ты этого не делаешь? Потому что не хочешь, ведь ты так сильно боишься потерпеть неудачу. Или даже хуже! Что если твоя жизнь станет лучше? Да. Этого ты боишься еще больше, ведь считаешь, что не заслужил улучшений. Не это ли настоящая иллюзия? Добровольная попытка стать не просто тенью, а тенью самого себя. И теперь «безумие», происходящее в городе, больше не кажется столь нереальным.

– О чем вы говорите? – возмутился Дэвид. – Вы не можете судить меня. Я стараюсь делать...

– Стараюсь делать что? – перебил его Профессор. – Ничего? Или, может быть, стараешься раз за разом повторять одни и те же действия, которые и прежде не принесли результата? Ты должен понимать, что это и есть безумие или, по крайней мере, медленное добровольное самоубийство, если в глубине души ты отдаешь себе отчет в своих поступках.

– Вы не правы! – тон мистера Розена резко повысился.

– Я и не ожидал, что ты согласишься. Но скажи мне, Дэвид, почему нарисованный город кажется тебе менее реальным, чем человек, проживающий пародию собственной жизни?

– Обе ситуации ложь, но меня ваше описание определенно не касается! Я понятия не имею, откуда вы знаете кое-что обо мне, но могу сказать точно: вы не можете знать всего! Вам ничего не известно обо мне и моем прошлом!

– погоди! – Профессор жестом попросил Дэвида остановиться. – А ты знаешь свое прошлое?

В памяти Дэвида всплыло недавнее событие, которое он пережил по дороге в город. Вместо воспоминаний о родителях ему в голову пришла какая-то выдумка, а о настоящих родителях он так и не смог ничего вспомнить. И сейчас, стоя перед Профессором, Дэвид Розен осознал всю глубину пустоты собственной памяти.

– Нет, – тихо признался Дэвид.

Профессор ничего не ответил. Вместо этого он взглянул на часы, затем на патефон и пошел на всякий случай проверить пластинку, позволив Дэvidу немного переварить сложившуюся ситуацию. Старик склонился над патефоном и спокойным взглядом следил, как игла скользит по винилу, совершая один круг за другим.

– Пожалуй, – пробурчал Профессор себе под нос и поднял иглу.

Музыка прекратилось, и тишину нарушало только шуршание бумажной обложки, из которой Профессор доставал другую пластинку. Умелым движением он убрал старую и на ее

– Стой! – голос Профессора задрожал. – Дэвид, удели мне еще пару минут. Да, я ошибся. С какой стати тебе было вообще слушать меня? Ты устал и испуган, а я только еще сильнее разбередил рану. Прости меня.

– Я не понимаю ничего из ваших слов! Мы через весь город неслись на машине, чтобы найти помощь, а вместо нее я встретил старого фокусника, который пытается запутать меня еще сильнее!

– Это не фокусы. Просто мне не следовало говорить тебе лишнего сейчас. Но ты ведь хочешь выбраться из искусственного города? Услышать голоса людей и звуки машин.

– Да, черт побери. Этого я хочу больше всего.

– Следуй за мной, – сказал старик, покачав головой, и, обойдя Дэвида, вышел из комнаты.

– Мяс? – спросил Льюис о том, собирается ли Дэвид идти за Профессором.

– Да, а если он опять выкинет какой-нибудь фортель, то будем справляться самостоятельно.

На этой ноте Дэвид и Льюис покинули обитель старика, вернувшись в основной зал. Свет все так же ярко горел, освещая множество музыкальных инструментов и не позволяя тьме прокрасться в зал, да только Профессора нигде не было.

– Эй? Где вы?

Неожиданно за спиной Дэвида дверь в комнату захлопнулась, а затем резко прекратилась музыка. Мистер Розен бросился к двери и схватился за ручку, но она была заперта, тогда он изо всех сил начал колотить в нее руками.

– Проклятый старик, ты закрылся внутри? – кричал Дэвид, боясь, что пространство вот-вот начнет меняться.

– Нет, Дэвид. Я рядом с тобой, – его голос прозвучал у самого уха.

Дэвид дернулся и обернулся, но никого не увидел.

– Это ложь! Открой дверь, иначе я ее выломаю!

– Мяс! – подтвердил кот, впившийся когтями в деревянное полотно.

– Дэвид, возьми себя в руки. Я действительно рядом с тобой, – плавный монотонный голос с легкой хрипотцой, старался успокоить мистера Розена. – Я сказал тебе, что Толиман, каким ты его видишь, подобен человеку, не желающему быть самим собой. А что плохого в настоящем городе? Грязь на улицах, бедность вперемишку с богатством, злые люди, которых иногда кажется гораздо больше, чем хороших. Но ведь каким бы ни был город на самом деле, он всегда будет лучше нелепой картинки. Так и с человеком, мой мальчик. Жизнь тени – это не жизнь, а короткое существование.

Как и ожидал Дэвид, комната начала мерцать. И вот он уже видел, как вместо блестящего рояля проявляется картонная подделка. Если это не остановить, то чудовища с улицы непременно ворвутся внутрь и тогда...

– Признавать правду иногда бывает очень сложно, а порой даже больно, да только нельзя долго быть внутри иллюзии, иначе она, подобно забвению, поглотит тебя, не оставив и следа.

– Пожалуйста, остановись. Включи свою поганую пластинку! – Дэвид с новой силой начал колотить в дверь.

– Страх перед правдой, – Профессор не унимался, – гонит нас все дальше и дальше. Но как побороть этот страх? Столкнуться с ним лицом к лицу и осознать простую истину: какой бы ни была правда, ее нужно уметь принять.

Мерцание ускорилось, чередуясь с яркими вспышками, стирая настоящий зал. Еще одна вспышка, и реальность ушла. Дэвид стоял в игрушечном магазине, где все было сделано из картона и фанеры. Входная дверь сорвалась с мягких петель и, прежде чем упасть, пролетела несколько метров. Вновь раздался жуткий хрип, и из уличной темноты на Дэвида уставилось несколько пар ярких глаз.

– Старик, ты ведь убьешь меня!

Дверь в комнату проломилась под очередным ударом Дэвида, и он увидел, что она тоже перестала быть настоящей.

– Дэвид, я здесь. Я кладу руку тебе на плечо, – мистер Розен действительно почувствовал слабое прикосновение, хоть рядом никого и не было. – Послушай меня. Это ненастоящий Толиман, а только подделка. Ты должен просто признать это.

Несмотря на большое расстояние, Дэвид увидел, как по периметру дверного косяка появились тонкие костлявые руки тварей, но они почему-то не спешили заходить.

– Ты не хочешь видеть настоящий Толиман. Тебе гораздо легче принять подделку, но она убьет тебя.

Дэвид прижался к стене, ощущая, как бешено колотится сердце в его груди. Кот не отходил от него ни на шаг и последовал примеру хозяина. Тем временем яркие глаза исчезли во тьме для того, чтобы уступить дорогу Ему. Пригнувшись из-за своего нечеловеческого роста, в дверном проеме появился незнакомец в желтом плаще и с гарпуном в руках. Только сейчас Дэвид увидел на его ногах огромные высокие ботинки, перепачканные грязью. Миновав дверь, мужчина выпрямился и, крепко сжав гарпун, двинулся к Дэvidу. Как только он оказался внутри, за ним последовали твари – они ползли по полу и потолку, наполняя собой пустое пространство. Тяжелые шаги человека в желтом плаще гулким эхом отдавались вокруг.

– Дэвид, этот город ждал тебя. Ты не можешь сбежать от него, да и не должен. Он настоящий.

– Помоги мне, – прошептал мистер Розен.

– Только ты можешь помочь себе, – дряхлая рука Профессора сжала плечо Дэвида. – Признай его реальность.

С каждой секундой великан сокращал расстояние до Дэвида. Понимая безвыходность положения, Льюис сделал несколько шагов вперед и громко зашипел, распушив хвост.

– Льюис не боится. Он готов защищать тебя любой ценой, хоть и знает, что настоящий Толиман здесь. Неужели ты хочешь увидеть, как он погибнет ради твоей иллюзии?

Бум-бум. Считанные метры разделяли Дэвида и великана. Бум-бум. Он был уже совсем близко.

– Дэвид, не глупи. Оно не стоит того, – голос Профессора стал значительно громче. – Не предавай себя и своего друга!

Готовясь к яростному прыжку, Льюис приник к полу. Никогда прежде Дэвид не видел его таким злым.

Бум-бум. Издав грозный рык, Льюис прыгнул на неприятеля, выставив острые когти, но допрыгнуть до него так и не сумел, ведь великан просто отмахнулся от кота, и тот с криком боли отлетел к стене.

– ДЭВИД! – Профессор кричал. – ДАВАЙ ЖЕ, ДЭВИД!

Великан сделал еще шаг и, схватив мистера Розена за горло, приподнял его над землей, но не тут-то было, ведь Льюис и не думал сдаваться. Он вцепился великану в спину через желтый плащ, вонзая когти в грубую кожу.

– Сейчас или никогда, Дэвид!

Мистер Розен изо всех сил зажмурился и закричал внутри себя: «Толиман!» Перед ним промчались сотни разорванных образов и событий. Яркие вспышки картин города и его жителей заполнили собой разум Дэвида. Резкий хлопок, и, кашляя от нехватки воздуха и от боли, Дэвид Розен упал на пол. Больше никто не сжимал его горло.

– Вот так-то, мой мальчик. Поднимайся, – перед глазами Дэвида возникла дряблая кисть Профессора.

Он ухватился за руку и встал на ноги. Боясь снова погрузиться в кошмар, Дэвид огляделся, но, к счастью, мир был таким, каким он его всегда помнил. Входные двери были настежь

открыты, и через них проникал яркий свет солнца, дополняемый звуком автомобилей и головами людей.

– Где Льюис? – испугался Дэвид.

– Мяу! – послышалось с одного из стеллажей, где гордо восседал кот-победитель.

– Спасибо тебе, друг, – тяжело дыша, сказал Дэвид.

Профессор стоял рядом. На нем была все та же одежда, но выглядел он сейчас гораздо лучше. Более румяный цвет кожи определенно был ему к лицу.

– Добро пожаловать в Толиман, Дэвид, – поприветствовал Розена Профессор и несколько раз похлопал по плечу.

Сокрытое пространство

Каждый из нас представляет собой крохотную частичку человечества, обитающего на Земле долгие-долгие годы. Мы часть тех, кто когда-то жил, тех, кто живет сейчас, и тех, кто придет после нас. Одно поколение уходит, освобождая путь другому, которое в какой-то степени уже тоже ушло. Это странно и сложно, ведь мы не что иное, как прошлое, настоящие и будущее, существующие одновременно в разных точках пространства и времени. Однако условия жизни на Земле приучили нас жить в трехмерном пространстве, изменяющемся по линии времени. Так к чему эти безумные слова? К тому, что большинство из нас не может даже представить возможность существования других измерений. Конечно, их множество раз показывали в фильмах, книгах, но это все не совсем то, поскольку для объяснения используется все то же трехмерное пространство.

А каково обычному человеку перешагнуть из одного измерения в другое, если до этого момента он знал только о существовании длины, ширины, высоты и времени? Должно быть, не самое приятное чувство. Через это и пришлось пройти Дэвиду Розену. Едва он избежал гибели, как тут же провалился в неизвестность. Мысли в его голове путались, разрываясь и соединяясь в причудливых формах, не позволяя понять, где начало и где конец – как будто оказался в невесомости и пытаешься отыскать верх и низ, когда их попросту нет.

– Дэвид, посмотри на меня, – Профессор обхватил его лицо двумя руками и внимательно смотрел в глаза, – Дэвид, сфокусируйся. Я здесь.

– Что это было? – мистер Розен почувствовал, как подгибаются ноги и он больше не в силах стоять.

– Тихе-тише, – несмотря на свой возраст, Профессор попытался подхватить его, но ничего не вышло.

Изо всех сил сопротивляясь слабости, Дэвид медленно сел на пол, а затем и вовсе упал, ударившись головой о деревянный паркет. Тело и сознание стремились ухватиться за опору, да только никак не могли ее найти.

– Дэвид, расслабься и не паникуй. Скоро все пройдет. Я знаю, что ты чувствуешь: для меня это было словно оказаться под водой, не умея плавать. Прежде чем все прошло, я упорно пытался нащупать ногами дно. А секрет здесь в том, что никакого дна и нет вовсе. Тебе нужно расслабиться. Ты меня слышишь?

– Я не понимаю, – пробормотал Дэвид, барахтаясь в пустоте, переполненной информацией.

– Не сопротивляйся! Сделай глубокий вдох и выдох. Вдох-выдох. Сконцентрируйся на чем-то одном! – голос Профессора казался расплывчатым и то удалялся, то приближался. – Вот! Подумай о Льюисе. Он сидит рядом с тобой. Представь себе свою квартиру, кровать, а на ней сидит Льюис. Тебе нужно просто представить.

Пусть и не сразу, но Дэвид Розен все-таки послушался совета Профессора и постарался нарисовать в воображении свой дом. Едва комната обретала черты, как тут же рушилась, изменяя форму и содержимое. То, что прежде было стеллажом с книгами, превратилось в корабль, по которому в разные стороны разгуливали люди. Корабль моментально увеличился в размерах, и вот он уже шар. Или нет? Не шар. Теперь это сам Дэвид. Стоп! Стоп! Нужно представить себе комнату и Льюиса! «Как можно одновременно не сопротивляться и концентрироваться на чем-то?» – промелькнула мысль в голове мистера Розена.

– Мяс! – громко сказал Льюис прямо в ухо хозяину.

Комната тут же обрела четкую структуру, и пусть ее стены то и дело содрогались, но она больше не изменялась. Разум Дэвида дорисовал кровать и прочую мебель.

– Мяс? – будто спрашивая: «А как же я?», поинтересовался Льюис.

А вот и Льюис. Черно-белый проныра сидит на кровати и смотрит прямо на Дэвида. Его острые уши, как всегда, торчат вверх, по бокам от розового носа растут длинные белые усы, а большие зеленые глаза с продолговатым зрачком...

– Мяу! – обрадовался Льюис.

– Дэвид, продолжай думать о Льюисе и дыши. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Еще немного, – пусть голос Профессора и звучал несколько тихо, но, по крайней мере, он, как и комната, обрел стабильность.

Для Дэвида Розена время замедлилось или даже вовсе практически остановилось. Чем дольше в воображении он оставался в комнате, тем больше деталей она обретала.

– Ты в безопасности. Тебе нечего бояться, – словно умелый гипнотизер продолжал Профессор. – Вот ты и нашел точку опоры и не сможешь ее потерять, только если сам этого не захочешь. Теперь переключи свой слух на окружающие звуки. Ты слышишь на улице звук автомобилей? Он реален так же, как и ты сам, – Профессор на несколько секунд замолчал, позволив Дэвиду привыкнуть к новой ситуации. – Теперь тело. Чувствуешь свои руки и ноги? Они здесь. Пальцы, колени и локти. Все на месте. Ты состоишь из плоти и крови и лежишь на полу моего магазина. Пора открыть глаза, но не спеши. Сделай это настолько плавно, насколько считаешь нужным.

Дэвид с трудом разомкнул глаза, и его ослепил яркий свет. Поначалу он видел перед собой только белые пятна, но наконец появились очертания Профессора и Льюиса, наблюдавших за Дэвидом сверху вниз.

– Должен признаться, ты нас напугал. Я никак не ожидал, что переход дастся тебе столь трудно, ведь ты и прежде это делал.

– Какой переход? Когда? – имея лишь небольшие догадки, спросил Дэвид.

– По пути в Толиман, ты ведь... Скажем... Погружался в свои воспоминания достаточно глубоко? Или видел некие образы нереальных мест?

– Да, – хрипло ответил мистер Розен.

– Ну вот, это оно и есть. За последнее время ты уже не раз совершал переходы, хотя, видимо, не отрывался от определенной реальности достаточно сильно и потому легко возвращался назад.

– Я не понимаю, о чем вы вообще говорите.

– Ладно, – Профессор глубоко вздохнул. – Ты можешь подняться?

– Думаю, да, – опершись руками на пол, ответил Дэвид.

– Отлично. Поднимайся, слегка разомнись, и мы поговорим. У меня еще есть немного времени.

Профессор, оставив Дэвида и Льюиса, шаркающей походкой удалился в комнату, где они впервые встретились. Окружающий мир действительно был реален или, по крайней мере, казался таким, но хоть Дэвид и нашел «опору», внутри у него продолжало бушевать беспокойство. Мог ли он сегодня утром предположить, что попадет в подобную передрыгу? Конечно, нет, хотя бы потому, что и не мог вообразить себе ничего подобного.

Льюис вытянул лапу и аккуратно прикоснулся к щеке хозяина, будто проверяя, тут ли он.

– Все хорошо, дружище, – Дэвид постарался быть как можно убедительнее. – Только я не пойму, почему ты так легко все перенес?

– Коты странные создания, – послышался голос Профессора. – Почему ты все еще лежишь на полу?

Дэвид подогнул колени и, оттолкнувшись от пола руками, вначале сел, а затем принял вертикальное положение. Легкое головокружение и ничего более. Жить можно.

– Почему странные? – поинтересовался мистер Розен, растирая лицо ладонями.

– Потому что они знают и видят гораздо больше нас с тобой. То, что ты сейчас пережил, для них вовсе не сюрприз, а просто как переход из одной комнаты в другую.

– Может быть, вы мне все-таки объясните?

– А ты размялся, как я просил? – скрестив руки на груди, Профессор нахмурился.

– Ну что мне нужно сделать? Поприсесть или отжаться? – с сарказмом поинтересовался мистер Розен.

– Было бы неплохо.

– Вы серьезно?

– Абсолютно.

Испытывая недоумение, Дэвид уставился на Профессора, но поняв, что тот не шутит, тяжело вздохнул и присел десять раз, громко ведя счет.

– Так стало лучше? – чувствуя, как кровь активней начала циркулировать в организме, спросил Дэвид.

– Я же не для себя стараюсь. Лучше ты мне скажи, как ты себя чувствуешь? Головокружение прошло?

– Да, сейчас все в порядке.

– Тогда пойдем в комнату. Прежде чем я уйду, нужно попытаться объяснить тебе, что произошло.

– Уйдете? Что значит уйдете?

– Дэвид, давай не будем заострять внимание на ненужных вопросах. Пойдем, я налью тебе стаканчик портвейна. Считай, что это лекарство.

Мистер Розен последовал за Профессором, но каждый шаг делал аккуратно, боясь провалиться в другую версию магазина, где его поджидает Великан в желтом плаще. Он чувствовал, как нога уверенно наступает на твердый пол. Паркет в свою очередь отвечал ему скрипом, словно говоря: «Не бойся, я тебя крепко держу, и ты никуда не денешься».

По левую руку от двери в самом углу располагался небольшой сервант, из которого Профессор извлек два бокала и закупоренную бутылку портвейна. Темно-зеленое матовое стекло оберегало напиток от ненужных лучей света, а запечатанное горлышко сохраняло внутри бутылки все до последней капли. Профессор протянул мистеру Розену бутылку вместе со стаканами и попросил открыть, сославшись на больные руки, что потеряли былую твердость и стали похожи на ветхие конечности огородного чучела. На бутылке не оказалось никакой этикетки и даже ни единого намека на производителя или содержимое.

– Перестань ее вращать. Ты же не центрифуга, в конце концов, – понаблюдав за действиями Дэвида, не выдержал Профессор. – На столе лежит штопор, а я пока включу музыку. Мне, знаешь ли, спокойней, когда она играет.

– А вы действительно Профессор музыки или это только... Нечто вроде прозвища? – поинтересовался Дэвид, втыкая штопор в плотную пробку.

– Я? – на мгновение застыв над патефоном, задумался Профессор. – Да, действительно. Самый что ни на есть настоящий. С самого раннего детства я посвятил свою жизнь музыке и теперь никогда с ней не расстаюсь. Она мое спасение и защита. Музыка, как ты, наверное, уже догадался, помогла удерживать комнату в ее первоначальном виде, пока мы находились в другом Толимане.

– А вот на этом моменте я хотел бы остановиться поподробней.

– Дэвид, я все прекрасно знаю. Давай уже сюда портвейн, – пробурчал Профессор. – Кстати, за столом стоит складной стул, поэтому можешь прихватить и его.

Мистер Розен с силой потянул штопор вверх, и пробка с гулким звуком выскочила из узкого горлышка, высвобождая аромат терпкого напитка. Через несколько секунд оба стакана были наполовину наполнены. Тем временем Профессор перебирал в ящике под патефоном пластинки в ярких обложках, пытаясь отыскать что-то конкретное. И вот она! Нашлась. Сей факт вызвал довольную улыбку на старческом лице. Освободив пластинку от обложки, Про-

фессор установил ее на патефон и поставил иглу. Моментально комната наполнилась звуками приятного джаза.

– Дюк Эллингтон – один из величайших музыкантов всех времен, – прокомментировал старик, усаживаясь в свое кресло.

– Никогда не любил джаз, – с горечью признался Дэвид и протянул своему собеседнику один из стаканов.

– Нет, мой мальчик. Правильней будет сказать, что ты никогда его не понимал. Джаз нельзя не любить. Эта потрясающая метаморфоза звуков, издаваемых музыкальными инструментами, буквально возносит меня до небес. Понимаешь, я живу этим. Как бы тебе объяснить... Как воспринимаешь мир ты? Через слова, метафоры. Они составляют для тебя структура окружающей реальности, а для меня это музыка. Я вижу (если так можно сказать) ее во всем. В мурлыканье кота, – Профессор подмигнул Льюису, запрыгнувшему на спинку кресла, – в звуке открывающейся дверцы холодильника, в подъезжающем к остановке автобусе. Во всем! И даже тема, которую мы сейчас затронем, представляет для меня бесчисленное множество нот на нотном стане.

– Как я понимаю, речь пойдет о параллельных мирах? – слегка прищурившись, озвучил свою догадку Дэвид.

– Да, в какой-то степени ты прав, но не до конца, – подтвердил старик и сделал глоток из стакана. – Сразу скажу тебе одну вещь: я не математик, не физик и потому не имею возможности правильно и подробно обо всем рассказать, но так или иначе сделаю все, что в моих силах. Пожалуй, начнем с малого. При рождении, выбравшись из материнского лона, мы оказываемся в чуждом для нас мире, где все ново и непонятно. Мы делаем вдох, позволяя легким раскрыться первый раз в жизни. Открываем глаза и пытаемся понять, что же нас окружает. Но ответы приходят не сразу, поскольку всему нужно время. И мы начинаем учиться: переворачиваемся со спины на живот, делаем неуверенные шаги, произносим короткие слова. Все наше детство – это начальный этап обучения тому, как правильно жить на Земле и среди людей. И вот, например, ты. Взрослый мужчина с высшим образованием, способный управлять своим телом, общаться с людьми и многое другое. Да, только дело в том, что то, к чему ты привык, представляет собой одну из множества граней мироздания. Это всего лишь небольшой фрагмент сложного реального мира. Какие измерения ты знаешь, Дэвид?

– Высота, ширина и длина, – уверенно ответил мистер Розен, – Ах, да! Еще время.

– Верно. Это измерения, хорошо понятные людям. Двигаясь по линии времени, мы проживем жизнь от рождения до смерти и, используя все четыре измерения, перемещаемся в пространстве. А теперь скажи мне, что такое гиперкуб?

Дэвид Розен нахмурился. Самой собой, это слово было ему знакомо, ведь он то ли слышал его в передачах по телевидению, то ли встречал где-то в журналах или книгах, но дать правильный ответ оказался не в силах.

– Не знаешь? – Профессор слегка наклонился вперед и улыбнулся. – Тогда я попробую тебе объяснить. Ты и без меня прекрасно помнишь, чем отличается двухмерное пространство от трехмерного, но мы все-таки еще раз это повторим. Куб в рамках двухмерного пространства, где есть только высота и длина, представляет собой квадрат. А теперь добавим ширину, и куб станет таким, каким мы привыкли его видеть. Правда, и это не совсем так, ведь наше зрение двухмерно и способно транслировать в мозг только проекцию трехмерных объектов, но нас это нисколько не смущает, так как с самого детства мы привыкли жить, имея дело только с проекциями.

– У меня чувство, словно я вернулся в школу.

– Не перебивай, а то я и сам запутаюсь, – отмахнулся Профессор. – Так вот! А теперь представь себе куб, а рядом с ним еще один. Соединим его вершины прямыми линиями и получим четырехмерный гиперкуб. Своими двухмерными глазами мы никогда не сможем пра-

вильно его рассмотреть, а будем видеть только его искривленную проекцию, но при этом вне зависимости от наших стараний в четырехмерном гиперкубе существует восемь одинаковых кубов, которые в действительности не искажаются, а остаются кубами.

– Кажется, у меня сейчас мозг взорвется, – потирая правый висок, сказал Дэвид.

– Ты видел картину Сальвадора Дали «Corpus Hypercubus»? На ней изображен Иисус, распятый на Гиперкубе или, как его по-другому называют, на Тессеракте.

– Нет, не видел.

– Пф, – вздохнул Профессор. – Тогда представь себе четыре кубика, поставленные один на другой. Отсчитаем снизу до третьего и по его четырем доступным граням разместим еще по одному кубику. Вот так в развертке выглядит Тессеракт.

– И вы говорите, что другое измерение существует в действительности? Это не укладывается в голове.

– А то! Вот тебе и аналог, мой мальчик. Наше рождение, когда ты делаешь первый вздох в неизвестном тебе мире, подобно моменту, когда ты пересекаешь новое для себя пространственное измерение.

– То есть другой Толиман представляет собой четвертое измерение, – подвел итог Дэвид.

– Нет. То есть опять же не совсем. Четырехмерный гиперкуб – это только простой пример. Других измерений может быть огромное множество, и, более того, если мы представим, что Толиман и есть куб, то нужно сделать оговорку, что внутри этого куба существуют и другие гиперкубы. Например, мой магазин. В какой-то мере он тоже представляет собой куб со множеством пространственных измерений.

– Послушайте, я отчасти улавливаю, что вы говорите, но не могу себе представить.

– Конечно, не можешь. Ты ведь дитя трехмерного мира с двухмерным зрением.

– Мне нужно будет над этим подумать. Тогда что за твари преследовали меня в той версии Толимана? И этот великан в плаще, – Дэвид поставил опустевший стакан на пол и, опершись локтями на колени, наклонился ближе к Профессору.

– А вот на это у меня нет для тебя ответов. Их знаешь только ты, – Профессор с сожалением пожал плечами.

– Хорошо. А откуда вы меня знаете? И почему пытались спасти?

– Я отвечаю, но один уговор. Хорошо?

– Какой?

– Больше ни о чем ты меня спрашивать не будешь.

– Почему? Ведь я...

– Дэвид, избыток информации, выплеснутый за короткое время, может принести гораздо больше вреда. Вспомни сам, как ты чуть было не растворился в забвении из-за моей ошибки. А я всего-навсего хотел показать тебе чуть больше, чем должен был. Ответы сами найдут тебя в свое время, – в отличие от Дэвида Профессор и не думал отпускать стакан, а протянул его своему гостю, прося добавки. – Спасал же я тебя потому, что меня попросили об этом.

– Кто? – наливая Профессору портвейн, удивился Дэвид, из-за чего чуть было не перелил напиток через край стакана.

– Я могу назвать тебе имя, но оно ничего тебе не скажет. По крайней мере, сейчас.

– Все равно назовите.

– Шелли. Она нашла меня и попросила о помощи.

– Но кто она такая, вы уже не скажете?

– Не могу. Для тебя это опасно.

– Видимо, Шелли и рассказала вам обо мне?

– О, нет-нет, мальчик мой. К этому она не имеет отношения. Дело в том, что, хоть ты и не помнишь, но мы с тобой знакомы. И довольно неплохо.

– И здесь разъяснений мне не добиться...

– К сожалению, – подтвердил Профессор, – я дал только намеки, а все остальное зависит от тебя самого. Мы же не хотим, чтобы ты прямо сейчас провалился сквозь пол?

Но Дэвид не ответил. Опустив голову, он принялся обдумывать услышанное. Каким бы странным это все ни казалось, оно, очевидно, было правдой, ведь он сам, собственной персоной побывал в другой версии Толимана. В его памяти всплыл образ душащего его великана, и мистер Розен неосознанно дотронулся рукой до горла.

– Но почему это произошло со мной? – продолжая изучать паркет под ногами, спросил Дэвид.

– И на этот вопрос ты сам знаешь ответ. Хочу сразу тебя предостеречь: ты не сможешь покинуть Толиман. Как ни старайся, но выхода нет. Тебе нужно разобраться в самом себе и найти первопричину, а для этого просто делай свое дело. Ведь тебя прислали сюда из-за гибели мальчика?

– Да, из-за него. Но какая связь? – подняв глаза, поинтересовался Дэвид.

Перед Дэвидом Розеном стояло пустое кресло, на подголовнике которого, прикрыв глаза, сидел Льюис. Профессор попросту растворился в воздухе, как будто его здесь никогда и не было.

– Пересек одно из пространственных измерений, – сказал мистер Розен и тяжело вдохнул.

Чужие истории

Не осталось ни единого следа об искусственном городе, так усердно не желавшем отпустить Дэвида Розена. Толиман, освещаемый ярким солнцем, что медленно двигалось по чистому голубому небу, жил и дышал полной грудью. Погруженные в свои заботы, десятки прохожих бродили туда-сюда с довольными лицами. Они не знали ровным счетом ничего о произошедшем с человеком, очутившимся в их городе, как казалось, по воле случая. Для них жизнь шла своим чередом от рассвета к закату.

Что внешне отличало Толиман от других городов, где удалось побывать Дэvidу? Найти ответ было нетрудно, ведь он сам собой бросался в глаза. Здесь было очень чисто, а здания выглядели так, будто их только что построили. Но воспоминания о картонной семье на пешеходном переходе не давали забыть простую истину: у всего есть своя обратная сторона вне зависимости от того, насколько надежно она спрятана. Дэвид боялся, что стоит ему моргнуть или просто на мгновение перестать следить за Толиманом, как прохожие с дикими глазами набросятся на него, желая перегрызть глотку. Так и параноиком стать недолго. Нельзя забывать о разнице между предосторожностью и очевидным помешательством.

Когда Профессор исчез, оставив путников самих разбираться с навалившимися на них проблемами, Дэвид еще немного побродил по пустому магазину музыкальных инструментов, надеясь, что его новый знакомый все-таки вернется, но этого не произошло. Почему Профессор ушел так неожиданно и даже не попрощался? Может быть, боялся сказать лишнее или собирался поступить как суровый родитель, бросивший своего ребенка за борт лодки, чтобы тот научился плавать. А что если он ушел не по своей воле? Вариантов было слишком много, поэтому нельзя утверждать наверняка. Лишь тот факт, что Профессор пересек некое иное измерение, не вызывал никаких сомнений.

И вот теперь мистер Розен сидел в кафе через дорогу от пятиэтажной гостиницы, в которой намеревался остановиться, и наблюдал за городом и прохожими в поисках хоть единой зацепки, чтобы уличить Толиман во лжи. Поскольку погода была хорошая, он расположился прямо на уличной веранде, чтобы не пришлось прятать Льюиса или договариваться с обслуживающим персоналом. Кому в конце концов может помешать кот, спокойно дремлющий на соседнем стуле?

– Льюис, а может, ты и разговаривать умеешь, а? – спросил Дэвид, но кот не обратил на него ни малейшего внимания. – Мне бы сейчас это было очень кстати. Для тебя это все игры: одно измерение, другое, да и какая к черту разница?

К столику подскочил худосочный официант с подносом. На вид ему было лет восемнадцать, не больше. Всклокоченные светлые волосы, прыщи по всему лицу и огромный кадык, от которого Дэвид не мог отвести взгляд, хоть и понимал, что, во-первых, это не вежливо, а во-вторых, парень не виноват, ведь он не выбирал, как ему выглядеть.

– Прошу, ваш заказ, – сказал официант и поставил перед мистером Розеном чашку черного кофе и сэндвич с индейкой.

Льюис, конечно, тоже не остался голодным – для него Дэвид попросил сварить порцию трески, которую официант попытался поставить на пол.

– Не надо на землю! Давайте сюда, а то он обидится, и мне придется целую ночь слушать недовольные речи.

– Простите, – несмотря на натянутую улыбку, парень испугался, что не угодил клиенту.

– Ой, что с тобой? Ты не переживай, к тебе претензий нет. Ты отлично делаешь свою работу! – попытался подбодрить его Дэвид.

Непонятно, насколько успешным вышло подбадривание, так как паренек, едва заметно кивнув, исчез за дверью в кафе.

– Изволите ли отобедать, сударь?

– Мяу? – запах рыбы не остался незамеченным, и Льюис, спрыгнув со своего стула, быстро пересек разделявшее их пространство и уселся на коленях своего хозяина.

– Держи, прожора, – Дэвид отщипнул кусочек рыбки и протянул другу, который, не тратя времени зря, сразу принялся его жевать. – Ты прости меня, что я оставил тебя одного сражаться с великаном. Я застыл от страха и не знал, как быть.

Довольно причмокивая, кот посвятил все свое внимание рыбе, а не словам Дэвида. С другой стороны, тот факт, что Льюис мурча поглощал еду из рук хозяина, указывал на отсутствие какой-либо обиды. Наверняка Льюис и сам все прекрасно понимал.

Его гладкая черно-белая шерсть играла в свете яркого солнца, вызывая непреодолимое желание погладить, чем мистер Розен и поспешил заняться. Едва рука прикоснулась к шерсти, как мышцы на кошачьей спине буквально на долю секунды сжались в тугий клубок, а затем вновь расслабились, поскольку никакой угрозы и быть не могло.

Над парадным подъездом гостиницы красовались большие круглые часы с кремовым циферблатом, по которому в заданном направлении неумолимо двигались три стрелки. Если верить им, то сейчас было двенадцать двадцать, что никак не совпадало со временем на наручных часах Дэвида и мобильном телефоне – они показывали час ночи с лишним. Время рассинхронизировалось, и теперь непонятно, где правда, а где вымысел. Спрашивать кого-либо из тех, кто находился рядом, не имело смысла, ведь они непременно только подтвердят двенадцать двадцать. Для этого мира или измерения (назвать можно как угодно) истиной был теплый светлый день, а не глухая пустая ночь.

Принимаясь за работу, Дэвид обещал своему начальнику Эдвину, что статья будет готова к утру, да только теперь, очевидно, ему не удастся уложиться в график. Правда, это совсем не то, о чем ему следует сейчас беспокоиться.

Но все-таки мистер Розен достал свой мобильный телефон и разблокировал экран. Полная шкала мобильной связи. Даже странно. Долго выискивать номер Эдвина не пришлось, ведь он был последним, с кем разговаривал Дэвид. Последовали длинные гудки – никто не спешил брать трубку, но наконец раздался знакомый голос.

– Алло, Дэвид, ты видел, какой сейчас час? – сонный голос начальника давал понять, что и у того давно за полночь.

– Простите, я совсем забыл о времени.

– Господи, Дэвид! Час сорок три. Ты издеваешься? У меня вся семья спит, а ты мог их разбудить!

– Вы не отключаете звук? – удивился Дэвид.

– На случай экстренных ситуаций. А вообще не твое дело! Зачем ты звонишь? Что-то случилось? – в голосе Эдвина не было и капли беспокойства, а скорее профессиональная заинтересованность, смешанная со злобой от вынужденного пробуждения.

– Да, в какой-то мере. Понимаете, я не смогу вовремя сдать статью.

– Это еще почему? Дэвид, тебе был поставлен конкретный срок.

– Я, – ответ моментально пришел на ум, – сильно отравился в местной забегаловке и уже несколько часов не выхожу из номера. Вот едва перестал блевать и решил позвонить вам.

– Голос у тебя не очень похож на больного, – Эдвин был прав как никогда.

– Вам прислать мое фото в обнимку с унитазом? – спросил Дэвид, надеясь получить отрицательный ответ.

– Боже упаси еще на это смотреть! – Эдвин с омерзением поморщился, что в свою очередь почувствовал мистер Розен, даже учитывая невообразимо большое расстояние, разделявшее их. – Хорошо. Я все понял. Дай мне знать, как оклемаешься, а пока запомни одно: не смей звонить мне после одиннадцати вечера. Я не намерен с тобой разговаривать в такой час, только если, конечно, не я тебе звоню. Запомнил?

– Само собой, Эдвин.

Связь тут же оборвалась. Ни здравствуйте, ни до свидания. Не будь Дэвид на хорошем счету благодаря своей пунктуальности и преданности делу, Эдвин непременно раскусил бы его, но кредит доверия сыграл свою роль.

Но все-таки странным был сам факт того, что этот разговор состоялся. Когда Дэвид заблокировал экран телефона, то ожидал увидеть отсутствие сети, а вместо этого все вышло с точностью наоборот.

– Простите, – рядом стояла девочка официантка, непонимающе глядя на мобильник, – а что это у вас?

– В каком смысле? Телефон.

– Ничего себе. В жизни таких не видела. Один сплошной экран без кнопок. Наверное, японский? У них обычно самые продвинутые технологии.

Дэвид не знал, как реагировать на столь неожиданную ситуацию, и потому на несколько секунд буквально онемел.

– У тебя нет телефона? – после паузы все-таки спросил он.

– Есть, но не такой, – она достала из кармана телефон с черно-белым трехстрочным экраном и большими кнопками. – А у вас он как маленький телевизор.

Как он мог упустить столь очевидный факт? Заметил чистоту на улицах, но совсем не обратил внимания на нечто столь же вопиющее.

– Честно говоря, это секретная разработка, и я не вправе о ней много говорить.

– Понятно, – огорчилась девушка, – но со временем они появятся в магазинах?

– Абсолютно в этом уверен! – улыбнулся Дэвид. – А могу я попросить в дополнение к заказу свежую газету?

– Конечно, сэр.

– Сэйди, – рядом с ней возник официант, обслуживавший Дэвида, – мне нужно кое-что тебе сказать.

Он взял девушку под локоть и, отведя ее в сторону, с грозным выражением лица начал что-то говорить. Расслышать оказалось невозможно, ведь официант говорил довольно тихо, но Дэвид и без того догадался, что парень решил, будто девушка решила отбить его клиента.

– Эй, – мистер Розен окликнул их, чтобы скорее пресечь спор.

– Прошу прощения. Мы буквально через секунду.

– Парень, к сожалению, не знаю твоего имени. Не надо ее ругать. Мы просто говорили с ней о технике.

– Я же тебе сказала! – вырвав локоть из худощавой кисти, фыркнула Сэйди.

Она едва доставала ему до груди, но даже оттуда грозно смотрела своими большими голубыми глазами. Осознав, что оплошал, парень растерялся и тут же поник.

– Простите, – сказал он.

– Передо мной извиняться не надо. А вот Сэйди, как я вижу, несколько расстроена.

– Извини, – сказал парень, отведя взгляд в сторону, чтобы не встретиться с ней глазами.

Бросившись в атаку с чувством абсолютной правоты, он моментально ретировался, желая провалиться сквозь землю. Сэйди фыркнула нечто вроде «Прощаю» и тут же исчезла с веранды.

– Забудь. Ошибся, с кем не бывает? – это был уже второй раз, как Дэвид пытался приободрить светловолосого официанта.

– Простите еще раз. Дело в том, что клиентов сейчас не так много...

– Не надо передо мной оправдываться. Оставьте. У вас найдется свежий номер какой-нибудь местной газеты?

– Да, Сэйди сейчас принесет. Она сказала о вашей просьбе, – зажевывая каждое слово, сказал официант и ушел внутрь кафе.

За эти несколько фраз он ни разу не посмотрел Дэвиду в глаза. Вначале ни за что обругал Сэйди, а потом сгорел от стыда – вот что значит низкая самооценка и ущемленное чувство собственного достоинства. Справедливости ради стоит отметить, что он не самолично награждал себя такими чертами.

– Вот, пожалуйста, – радостным тоном сообщила Сэйди и протянула Дэвиду газету.

Она появилась столь неожиданно, что Дэвид чуть не вскрикнул от испуга, а Льюис, подняв голову, выронил кусок рыбы из удивленно открытой пасти.

– Спасибо. Ты не очень расстроилась?

– Из-за Патрика? Нет. Он у нас немного нервный, – ответила девушка и не двинулась с места. – Я могу вам еще чем-то помочь?

– Нет, спасибо, – коротко бросил Дэвид, разворачивая газету.

– Если вас вдруг что-то заинтересует в нашем городе, я на всякий случай написала сверху свой телефон.

Дэвид отвлекся от газеты и взглянул на свою собеседницу. Она казалась несколько старше Патрика, но за счет своего миниатюрного роста на первый взгляд смахивала на школьницу.

В ее лице было нечто наивное, простое, но в то же время слегка глуповатое. Общий образ девушки дополнялся румяными щеками и длинными светлыми волосами, заплетенными в косу и перетянутыми на конце тугой резинкой. Конечно, Дэвид не имел ни малейшего права рассуждать об уме девушки, ведь первое впечатление часто бывает обманчивым, но все-таки ему показалось именно так.

– Спасибо, – он улыбнулся, стараясь показаться добродушным, – я учту.

– Всегда приятно познакомиться с хорошим человеком, – она слегка наклонила голову и взглянула на Дэвида глазами, полными нежности.

– Ну да, – подтвердил он и сразу вернулся к газете.

Понимая, что ответной реакции получить не удастся, Сэйди раздосадовано опустила плечи и удались в кафе. Меньше всего Дэвида сейчас интересовали легкие интрижки, тем более выросшие на пустом месте. Возможно, она посчитала, что «смелый» поступок посетителя по защите ее чести и достоинства значил нечто большее, чем просто добрый жест, да только это было не так. Люди часто путают флирт с обычной порядочностью. Видимо, так происходит оттого, что для этой самой порядочности осталось слишком мало места в нашем бурлящем событиями мире.

Оказавшись на веранде в полном одиночестве, если говорить об отсутствии людей (ведь Льюис продолжал неспешно поглощать вкусный обед), Дэвид развернул газету на первой полосе и под номером телефона и названием издания увидел то, что искал, – дату. Черные жирные буквы и цифры, отпечатанные с особой точностью, не оставляли никаких сомнений. 19 августа 1999 года. Все было бы не так плохо, если бы утром Дэвид Розен не проснулся 5 сентября 2017 года.

И только сейчас он в полной мере осознал, чем отличается город от ему подобных: по улицам разъезжали автомобили старых моделей, лишённые современной обтекаемости, бродили люди, одетые в джинсы, безразмерные кофты, майки. Среди них выделялось несколько клетчатых костюмов и платьев. Несмотря на то что 90-е подходили к своему логическому концу, в небольших городках, подобных этому, мода плавно сменится только через несколько лет. Музыка, что до сих пор казалась просто звуковым фоном в кафе, обрела черты, и Дэвид отчетливо услышал «I don't want to miss a thing» в исполнении Aerosmith.

Очередная иллюзия или события минувших дней действительно предстали перед ним в полной красе? Может быть, и то и другое одновременно.

Если верить словам Профессора, то Дэвид отвергал этот Толиман и не хотел его видеть, предпочитая оставаться в картонной подделке среди чудовищ. И дело не просто в метафоре

отрицания самого себя – здесь заложен более глубокий смысл, хоть подобное и кажется бредом, ведь мистер Розен никогда прежде не бывал ни в Толимане, ни в его окрестностях.

– Патрик Мэрлоуз и Сэйди Каннингем, – неожиданно для себя произнес Дэвид, не имея ни малейшего понятия, откуда взял их фамилии. – Я их знаю?

– Мяу, – сказал Льюис, покончивший с рыбой.

– Не очень понятно. Это было утверждение или отрицание?

– Мяу, – повторил кот, глядя прямо на хозяина, но его ответ никак не помог.

– Если я их знаю, то сейчас им должно быть ближе к сорока, – прикусив костяшку указательного пальца, он задумался, пытаясь вспомнить хоть кого-то похожего. – Нет, не знаю. Или знал их в прошлом? Черт, я со столькими людьми пересекался, что и не вспомнить, – Дэвид с досадой хлопнул по столу.

Неожиданно окружающий мир еле заметно задрожал, словно толстый слой пыли, сбрасывая с себя яркие цвета. По телу пробежала легкая дрожь, от чего волосы на руках встали дыбом.

– Патрик и Сэйди, страшила и леди, Патрик и Сэйди, бегите, соседи, – послышался злобный детский голос и сразу замолк.

– Что? – он огляделся по сторонам, но никого не увидел.

Город вымер за одно мгновение и превратился в груды холодного бетона, разбросанного по земле. Даже воздух не остался прежним: хоть температура и упала довольно сильно, но он напоминал раскаленные волнообразные потоки, которые мы можем увидеть над открытым огнем. К счастью, Льюис тоже был здесь. Кот тотчас запрыгнул на стол и принял агрессивную позу, готовясь в любой момент ринуться в атаку.

– Как это произошло? – поразился Дэвид. – Что я сделал?

Но ответа, конечно, не последовало, и только ледяной порыв ветра ударил в лицо, заставив Дэвида прикрыться рукой. Как только он утих, мистер Розен сумел осмотреться. Каждый кусок этого странного мира казался одинаковым, и единственное, что выбивалось из общей безжизненной картины, была белая дверь, стоявшая прямо посреди улицы. На ней даже с большого расстояния Дэвид сумел различить вырезанную острым предметом надпись, которая гласила: Патрик плюс Сэйди равно сердце, пробитое стрелой. Такие надписи обычно вырезают влюбленные парочки на коре деревьев, чтобы, как они считают, увековечить свою любовь.

Здравая мысль заключалась в том, что дверь стояла на улице, а потому не могла никуда вести. Но интуиция оказалась совершенно не согласна с подобным выводом. Дэвиду очень хотелось узнать, что находится с обратной стороны, но в то же время ему было ужасно страшно, ведь именно неизвестность способна довести человека до седины на голове.

– Льюис, что скажешь?

Кот, не меняя боевой стойки, неподвижными глазами смотрел на деревянное полотно.

– Думаешь, не стоит?

В качестве ответа кот спрыгнул со стола и помчался напрямую к двери. Он остановился в плотную к ней и принялся обнюхивать. Внимательное изучение длилось до тех пор, пока не подошел хозяин. Тогда кот, встав на задние лапы, оперся передними на дверь и громко мяукнул.

– Я тебя понял, – сказал Дэвид и схватился за ручку.

В этот самый момент кто-то резко дернул ручку с обратной стороны, да так сильно, что Дэвид еле смог ее удержать. Последовал детский смех, а затем снова послышались слова: «Патрик и Сэйди, страшила и леди. Патрик и Сэйди, за крики в ответе».

– Так, если рассуждать логически. Я думал о том, откуда могу их знать, и сразу же появилась дверь. Что если я сосредоточусь на том, что хочу вернуться? Может быть, это работает именно так? – думал вслух Дэвид.

– Мяу! – громко сказал Льюис, продолжая подпирать дверь.

– Зачем нам туда идти? Может быть, я просто могу сбежать отсюда! Дай мне сосредоточиться.

Не отпуская ручку, Дэвид закрыл глаза и представил, как сидит в летнем кафе, попивая свой кофе. Но как бы усиленно он ни думал, ничего не происходило.

– Как же так? Ведь в прошлый раз сработало! – мистер Розен был возмущен. – Ладно-ладно. Значит, войти туда все-таки нужно. Возьми себя в руки, Дэвид, и сделай все быстро, как будто отрываешь пластырь. Раз, два, три!

Дэвид опустил ручку вниз и толкнул дверь вперед. Внутри оказалось очень темно, и только лунный свет еле-еле освещал комнату через большое квадратное окно. Ему категорически не хотелось туда заходить, поскольку он чувствовал что-то такое, от чего хочется бежать прочь. Что-то, что, случайно узнав, ты тут же захочешь забыть. Заметив нерешительность хозяина и не теряя времени даром, кот сразу шагнул внутрь.

– Нет! Стой! Куда ты идешь? – шепотом спросил Дэвид, – Вечно ты так...

До этой секунды он все еще надеялся избежать комнаты, но теперь выбора не оставалось, и он в очередной раз покорно последовал за Льюисом, чья храбрость и решимость превосходили его собственные. Едва граница измерений осталась позади, как Дэвид почувствовал тепло и легкий аромат сирени, витавший в воздухе. Его ноги, утопая на несколько сантиметров, плавно ступали по пушистому ковру с длинным ворсом. Привыкнув к темноте, глаза различили плакаты музыкальных групп на стенах (в основном это были представители популярной музыки, которую сам Дэвид никогда не любил), в углу столик с большим зеркалом, а с двух сторон от окна до самого пола висели полупрозрачные занавески. Комната определенно принадлежала девушке, чей возраст вряд ли превышал лет двадцать пять.

Льюис, шедший впереди, не издавал ни единого звука, а наоборот, старался вести себя как можно тише. Он то и дело оглядывался назад, чтобы убедиться, что хозяин следует за ним. В его маленькой пушистой голове скрывались мысли, непонятные Дэвиду, но которые он пытался донести наиболее доступным способом.

Аккуратно пройдя мимо столика и стула, Дэвид Розен добрался до противоположной стороны комнаты и уперся в тонкую деревянную дверь, прятанную за собой стеной шкафа. Кот уткнулся носом в шелку между дверью и косяком, внимательно принялся и, только убедившись, что бояться нечего, легонько поскреб дверь лапой, давая хозяину знак, что им нужно туда попасть.

Со стороны кровати прямо за спиной Дэвида кто-то кашлянул, а затем последовал протяжный звук пружин. Времени выяснять степень опасности не было, и потому он тут же спрятался в шкаф, стараясь даже не шевелиться, чтобы стать единым целым со множеством вещей, аккуратно покоившихся на вешалках. В нос ударил резкий запах нафталина, перемешанного со слабыми нотками лаванды – если моль когда-то здесь и жила, то уже точно не сейчас. Благодаря небольшим щелкам в дверном полотне, выполнявшим функцию вентиляции, Дэвид смог по кусочкам разглядеть, что же происходило в комнате: в узкой прорези перед ним предстала высокая кровать, на которой в лунном свете выделялись очертания двух людей, прижавшихся друг к другу так сильно, словно в следующую секунду им было суждено расстаться навсегда. Дэвид не имел возможности утверждать, кто эти два человека, однако понимал, что с большой долей вероятности это Патрик и Сейди, с которыми буквально несколько минут назад он разговаривал в кафе.

– Спишь? – слышался тихий женский голосок.

– Нет, просто лежу с закрытыми глазами.

– А я уснула, – Дэвид был готов поклясться, что после этих слов она улыбнулась.

– Я знаю, – ответил Патрик, – мне приятно, что ты можешь так легко заснуть рядом со мной.

Эти двое совсем не походили на парочку из кафе, ведь в них не было ни грамма той нескрываемой неприязни. Так где же очутился Дэвид? Альтернативный мир или другое время? Возможно, то, что он принял за неприязнь, на самом деле могло оказаться глубокими чувствами, в которых каждый из них боялся признаться и потому предпочел уйти в отрицание.

– Мы могли бы... – начал Патрик, но тут же осекся.

– Что?

– Ничего, забудь.

– Скажи.

– Это ерунда. Неважно, – он сожалел о том, что начал этот разговор.

– Не ерунда! Я знаю, когда ты врешь. Скажи.

В комнате повисло долгое молчание, которое самому Патрику наверняка показалось целой вечностью.

– Ты все равно не согласишься.

– Откуда ты знаешь, если не предлагал?

– Ладно, – Патрик сделал глубокий вдох, полный сомнений, – мы могли бы уехать отсюда, хоть завтра, и больше никогда не возвращаться.

– А как же наши родители? Дом? – искренне удивилась Сэйди.

– А что родители? Твои меня ненавидят...

– Это не правда.

– Ненавидят, я знаю, – он сделал особый акцент на первом слове, чтобы подчеркнуть уверенность в высказанном факте, – а моим родителям нет никакого дела до меня. У них есть мой брат. Это он в нашей семье главная надежда, а я так... Болванчик.

– Ты неправ. Моим нужно чуть больше времени, чтобы привыкнуть к тебе, – в ее голосе Дэвид различил сомнения или даже больше: она не верила в то, что говорит.

– Привыкнуть? – Патрик возмущился, не повышая голоса. – Я разве зверушка какая-то, чтобы ко мне привыкать? Они не хотят, чтобы мы были вместе.

– С чего ты этого взял?

– Твой отец мне сказал.

– Как? Когда?

– В прошлую пятницу. Я после ужина вышел на крыльцо, а он подошел ко мне и сказал, что, мол это все, конечно, весело, но я должен понимать, что скоро твое баловство пройдет. И еще он попросил ускорить процесс, потому что ему надоело улыбаться мне при каждой встрече.

– Нет, он бы так не поступил! Да и вообще, даже если так, то это не его дело.

– Сэйди, все в городе смеются над нами.

– Ты говоришь только за себя!

– Да, – задумчиво сказал Патрик, – ты права. Они смеются надо мной.

Под скрип пружин Патрик Мэрлоуз поднялся с кровати и поднял с пола скомканные брюки.

– Куда ты? – забеспокоилась Сэйди.

– Домой. Тебе все это кажется ерундой, а я не могу так жить. Мне нужно подумать. Я устал, что люди считают меня деревенским дурачком! – надевая свитер, объяснил он.

– Ты не дурак.

– Дурак, да еще и страшный.

– А мне ты нравишься, – Сэйди села на кровати и, потирая сонные глаза, смотрела на Патрика. – Ложись. Не надо куда идти. Родители не вернутся до завтрашнего дня.

– Сэйди, мне нужно подумать. Прости, – Патрик поцеловал ее в щеку и вышел из комнаты.

Еще несколько минут Сэйди Каннингем смотрела на закрывшуюся дверь, надеясь, что он все-таки вернется. В ее глазах стояла легкая грусть, непонимание случившегося и ничего

более. Она не пыталась обдумать слова Патрика, не пыталась разобраться в себе, а делала выводы отталкиваясь исключительно от эмоционального восприятия. Хоть ей и удалось закончить школу достаточно прилично, но, честно сказать, Сэйди действительно была далеко не умна, и в этом Дэвид оказался совершенно прав. Да, она была доброй, простой и веселой, но на этом в общем-то и все. С другой стороны, а много ли для счастья надо? Бытует мнение, будто чем человек умнее, тем труднее ему быть счастливым. Он видит гораздо больше других, копает глубже, анализирует самого себя и окружающих людей и, в конце концов, осознает, что наш мир – это не только голубое небо и зеленая трава, а еще боль, злость и несправедливость, которые творятся руками подобных ему. С одной стороны, любой дурак знает о существовании зла, но, с другой, не каждый этого осознает. А между знанием и осознанием пролегает огромная пропасть. Впрочем, мы изрядно отвлеклись от темы.

Вернемся обратно в комнату молодой девушки, которая в ожидании продолжает смотреть на дверь, а в ее стенном шкафу сидит Дэвид Розен и его кот по имени Льюис. Время тянулось бесконечно медленно, но ничего не менялось, и вот, когда могло показаться, что время окончательно застыло, Сэйди с досадой вздохнула и откинулась обратно на подушку. Прогнувшийся под весом Патрика, старый матрас еще не успел принять свою первоначальную форму, и Сэйди с искренней любовью смотрела на пустую вмятину, где не так давно рядом с ней находился ее возлюбленный. Глаза медленно-медленно закрылись, и девушка тут же погрузилась в глубокий сон.

– Мяс, – едва слышно сказал Льюис, намекая, что пора бы выбираться отсюда.

– А что мы вообще тут делали?

Кот не ответил и направился вглубь шкафа.

– Куда ты? Там нет выхода!

Но Льюиса мало волновали человеческие убеждения, и потому он даже не обернулся на голос хозяина, а только продолжал идти, петляя между висящей одеждой. И снова Дэвид последовал за котом, но в этот раз опустился на четвереньки, поскольку боялся что-нибудь сшибить с вешалки, чем обязательно разбудил бы хозяйку комнаты. Переставляя четыре конечности, он медленно двигался вперед, периодически, словно ветки, разводя в стороны платье, брюки, пальто и много другое. Позади осталось несколько метров, а шкаф все не заканчивался, и только расстояние между стенами и полом с потолком становилось все меньше и меньше, превращая небольшую комнату в узкий тоннель. На ум пришла Алиса в Стране чудес, что вызвало улыбку на лице Дэвида, хотя в груди нарастала тревога.

– Льюис? Малыш, где ты?

– Мяс, – послышался тихий голосок далеко впереди.

– Может быть, вернемся?

Ответа не последовало, а значит, Дэвиду так или иначе придется двигаться вперед. В окружающем узком пространстве больше ничего не напоминало стенной шкаф, и чтобы протиснуться дальше, ему пришлось лечь на пол и ползти. Он боялся, что вот-вот настанет момент, когда двигаться будет некуда. И что тогда? Сможет ли он вернуться обратно и главное: как вернуть Льюиса?

Когда-то давно много лет тому назад, когда Дэвиду Розену было восемь лет, он провалился в старый колодец, крышка которого была заколочена досками. В силу своего возраста он даже не задумался, что доски могут проломиться под его весом, и потому прыгал на них, считая, что находится в своем замке и сражается со страшным огнедышащим драконом, но в какой-то момент под ногами раздался хруст, и спустя мгновение Дэвид с диким криком ужаса летел вниз. К счастью, расстояние оказалось не самым большим, и его падение затормозила вода. Окунувшись в нее с головой, Дэвид вскочил на ноги (воды оказалось ровно по пояс) и поднял взгляд: на самом верху после каменных стен, увенчанных густым мхом, вырисовывался четкий круг, отделявший мальчика от свободы.

Былой кошмар вернулся с новой силой, заставив Дэвида почувствовать себя ребенком, пытающимся забраться по скользким стенам, которые, как ему казалось, стремились сомкнуться вокруг него. Взрослый Дэвид продолжал ползти вперед, но картины прошлого то и дело прорывались наружу. Его дыхание участилось, а сердцебиение стало таким громким, что каждый стук гулко отдавался в ушах.

– Я хочу домой, – плакал мальчик Дэвид.

– Я хочу домой, – повторял мистер Розен.

Нельзя давать волю панике – нужно удержать рассудок, чтобы не наделать глупостей. Дэвид остановился и, закрыв глаза, уткнулся лицом в пол. Медленный глубокий вдох и выдох. Вдох, выдох. Он сумел взять контроль над телом, но едва ли был способен заткнуть циркулировавший в крови страх.

Мокрый холодный нос прижался к щетинистой щеке – это Льюис вернулся назад, чтобы поддержать своего лучшего и единственного друга. Дэвид оторвал голову от пола, и его глаза оказались прямо напротив кошачьих.

– Ты вернулся, – обрадовался мистер Розен.

– Мяу, – ответил Льюис.

Всем своим видом кот демонстрировал силу и уверенность, которых сейчас так не хватало большому взрослому мужчине, лежавшему на полу в узком коридоре.

– Пожалуйста, давай вернемся назад, а? – дрожащим голосом произнес Дэвид и не узнал сам себя. – Боже, я трепещу, как мальчишка, стоящий на пороге комнаты с выключенным светом. Что же это со мной?

– Мяу! – грозно ответил Льюис, словно имел в виду нечто вроде «Заткнись и возьми себя в руки!» – Мяу! – повторил он и, не выпуская когтей, с силой ударил Дэвида лапой по лицу.

Моментально страх ослабил свою хватку, и разум освободился от влияния эмоций, позволив трезво взглянуть на вещи. Нужно продолжать движение, ведь они оказались здесь не просто так.

Кот развернулся и пошел дальше по коридору, своей уверенной походкой призывая последовать за ним.

Теперь Дэвид был готов идти до конца, пусть даже если в конце его ожидает тупик. Он все полз и полз, не сбавляя темп, а коридор становился все уже и уже. Так могло продолжаться вечно, но наконец впереди показалась маленькая дверца. Это была самая обыкновенная деревянная дверь, только уменьшенная в несколько раз. Маршрут подошел к своему завершению, если, конечно, за ней его не ждет новый, еще более узкий коридор.

И только сейчас Дэвид ощутил, как сильно устал, ведь полз он не менее часа.

– Льюис, я добрался, – стараясь изобразить победную гордость, сказал мистер Розен, но кот в ответ лишь отвернулся к двери. Нам остается только догадываться, что скрывалось за маской уверенности, ведь наверняка кот тоже устал, как и хозяин, но он даже не думал этого показать. Льюис поднял правую лапу и тихонько поскребся в дверь, намекая, что пора бы ее открыть, что и поспешил сделать Дэвид. В глаза ударил яркий ослепляющий свет, за считанные секунды поглотивший Дэвида Розена целиком.

Мы нитью связаны одной

– Дэвид, ты меня слышишь? – откуда-то издалека звучал знакомый голос. – Дэвид, я здесь.

Он послушно последовал за голосом, выбираясь из яркого света обратно в мир, наполненный полутонами.

Обнаружив себя лежащим на полу посреди просторной комнаты, Дэвид удивился, ведь рядом не было никого. Его окружали привычные предметы мебели, такие как длинный бежевый диван, отгороженный от кирпичного камина журнальным столиком, поверхность, которого целиком была выполнена из стекла. По обе стороны от камина тянулись высокие стеллажи из темного дерева, доверху забитые старыми книгами, чей тяжелый запах бумаги, стремящейся превратиться в пыль, ощущался даже с большого расстояния.

В дальнем конце комнаты стояло черное блестящее пианино, нашедшее для себя уютное место прямо возле окна, которое обрамляли тяжелые бархатные шторы цвета кофе с молоком. И самым странным казались десятки колокольчиков разных размеров и форм, что висели под потолком. Они были разбросаны не хаотично, а представляли собой широкую линию, берущую свое начало от двери, затем огибающую ничем не примечательную люстру и заканчивающуюся у противоположной от пианино стены над огромной картиной Сальвадора Дали, которую мистер Розен тут же узнал.

– Как ты нашел меня, Дэвида? – встрепенулись колокольчики, порождая мужской голос. – Тебе нельзя здесь находиться.

– Профессор? Где вы?

– Я всюду, – загадочно ответил старик.

– Но... Я не понимаю.

– Подожди. Закрой глаза, и я выведу тебя. Не открывай, пока я не скажу.

Дэвид не переставал удивляться происходящим событиям, но в данном случае он, не мешкая, закрыл глаза. Едва веки сомкнулись, как мистер Розен почувствовал руку Профессора у себя на плече – такая дряхлая, но в то же время очень сильная.

– Не открывай, – голос прозвучал четко за спиной, и Дэвид послушался.

Для него ничего не менялось: он стоял посреди гостиной с закрытыми глазами и просто ждал, пока вокруг него менялся мир. Профессор медленно отпустил плечо Дэвида.

– Открывай, – сказал старик.

Дэвид послушался. Гостиная никуда не делась, да только изменилась в некоторых мелочах: на диване появился бордовый плед; журнальный столик изнывал под весом десяти, а то и пятнадцати толстых книг; в камине, потрескивая дровами, танцевали языки пламени.

– Ненадолго мы расстались, – улыбнулся Дэвид, глядя на морщинистое лицо Профессора.

– Так как ты нашел меня? И зачем? – обеспокоенно спросил старик.

– Меня привел Льюис. Не знаю зачем, не знаю откуда, не знаю куда, но так или иначе я здесь.

– Значит, у него были на то веские причины. Да, Льюис?

– Мяу, – подтвердил кот и запрыгнул на диван.

– Почему вы просто не можете мне все рассказать от начала и до конца? – Дэвид чувствовал, как много скрывает Профессор.

– Потому что это твой путь и ты сам должен его пройти. Но думаю, что, когда ты расскажешь, как здесь оказался, я смогу объяснить, зачем Льюис тебя привел.

– А где мы вообще?

– У меня дома. Это по сути замкнутый киберкуб со множеством временных и альтернативных вариантов. И тебе нельзя здесь долго находиться, так же как я долго не могу находиться в твоей версии реальности, иначе меня буквально разотрет в пыль между пространствами.

– Почему? – удивился Дэвид.

– Мы дойдем до этого момента.

– А сколько у меня есть времени? – глядя на часы, поинтересовался Дэвид.

– Пара или тройка часов. Позволь, я сяду? – не дожидаясь ответа, Профессор удобно расположился на диване и накинул на себя плед.

– У меня столько вопросов...

– Я же уже говорил тебе: нельзя сразу получить ответы на все, иначе просто сойдешь с ума.

Льюис перебрался на колени к Профессору и, свернувшись клубком, замурчал. По какой-то неведомой причине он доверял этому старику и видел в нем нечто большее, чем просто рядового человека.

– Я живу в своем доме в разные моменты жизни, перескакивая от одного к другому благодаря обычной силе мысли. Потому я и сказал тебе, что я повсюду: в каждой точке времени и пространства. Знаешь, – Профессор улыбнулся, не поднимая взгляд, – пожалуй, я и есть дом. Ты не подумай, я не пленник – это мой сознательный выбор. Здесь все, что мне так дорого, включая коллекцию пластинок, которую я собирал целую жизнь.

– Как так вышло, что обычный мир неожиданно превратился вот в это?

– Обычный? О, нет-нет. Это не обычный мир. Ты вспомнишь. А теперь скажи мне, Дэвид, кого ты видел последним, прежде чем попал ко мне? – поглаживая кота по голове, спросил Профессор.

– Патрика Мэрлоуза и Сэйди Каннингем.

– Хм, вот по какому пути ты пошел.

– Вы их знаете? – удивился Дэвид, хотя в действительности ожидал нечто подобное.

– Знаю. Более, чем просто хорошо.

– А я? Я тоже их знаю? У меня было такое чувство...

– И ты их знаешь. Ты встретил Патрика и Сэйди не случайно. Твое подсознание пыталось как-то зацепиться за меня, и ты их нашел. Прямое попадание, мой мальчик.

– Кто они?

– Давай начнем с другого вопроса. Ты помнишь что-нибудь о Сэйди?

– Ммм... Я уже думал об этом Профессор. Ничего, – пожал плечами Дэвид Розен.

– Тогда зайдем с другой стороны, – Профессор аккуратно снял кота со своих колен и переложил на диван. – Помоги мне подняться? Сегодня колени совсем меня не слушаются. Может быть, глупо, но мне иногда нравится чувствовать себя по-настоящему старым.

Дэвид протянул старику руку, и тот с силой ухватился за нее. Заскрипели старые кости, но ему все-таки удалось встать на ноги. Не зная, что задумал Профессор, Дэвид просто наблюдал за ним: шаркающей походкой он направился напрямиком к пианино, чьи черные и белые клавиши хранили воспоминания о руках множества людей, прикасавшихся к нему. Какие-то были большими с огрубевшей кожей, какие-то тонкими и нежными цвета свежего молока, но каждые изо всех сил старались выпустить на свет музыку, правда, не у всех это получалось. Оказавшись возле музыкального инструмента, Профессор провел кончиками пальцев по закрытой крышке: «Привет, старый друг. Я вынужден потревожить тебя ото сна, так как мне нужна твоя помощь».

Мистер Розен готов был поклясться, что на долю секунды услышал недовольное ворчание, исходившее из недр инструмента.

– Дэвид, подойди к нам, – сказал Профессор, бережно поднимая крышку, чтобы высвободить старые потертые клавиши. – Он не в очень хорошем настроении, но помочь не против. Давай же, иди сюда.

Очарованный тем, как ласково старик обращается с пианино, словно с живым существом, Дэвид, не отрывая от них глаз, пересек комнату и остановился на расстоянии вытянутой руки.

– Нет-нет, прямо сюда. Вот возьми стул и садись.

– Но зачем?

– Сам все поймешь без лишних вопросов! – воскликнул старик, делая пару шагов назад.

Неожиданно для себя Дэвид застыл. Откуда-то из недр груди поднялся необъяснимый страх, парализовавший все тело от пальцев ног и до кончиков волос на голове. Страх сильно сдавил ему горло, отчего стало трудно дышать, а перед глазами поплыли черные пятна. Так странно, будто его подсознание знало что-то такое, чего он не должен или не хотел помнить, что-то, от чего он так старательно пытался скрыться. Прислушавшись к внутреннему голосу, Дэвид отрицательно замотал головой.

– Нет, я не хочу.

– Не бойся, – настаивал Профессор. – Ты ведь сам пришел ко мне, а теперь пытаешься сбежать? Не позволяй страху взять над тобой верх, иначе ты так и останешься топтаться на месте, не добравшись до финиша.

Дэвид прекрасно слышал и понимал, что говорит Профессор, да только в груди от его слов все сильнее разгоралось желание убраться прочь.

– Сейчас твои эмоции изо всех сил сражаются с разумом и побеждают. Но разве это то, чего ты действительно хочешь? Отключи страх и прислушайся к разуму, не обремененному пагубным воздействием чувств, который старается проанализировать ситуацию. Что он тебе говорит?

Перебороть страх даже на одну секунду – занятие непростое, ведь его склизкие щупальца крепко хватают тебя и пытаются утащить вниз в густое вязкое болото, где нет места здравому смыслу. Ты рвешься вверх, чтобы сделать глоток свежего воздуха и попытаться избавиться от мерзкого привкуса болотных растений во рту, а вместо этого он с еще большей силой тянет тебя вглубь: чем больше сопротивляешься, тем сильнее засасывает. Поэтому, чтобы его урезонить, нужно не сопротивляться, а просто перестать замечать, дав полноту власти разуму.

И пусть не с первого раза, но у Дэвида получилось. Он взглянул на себя со стороны и увидел великовозрастного болвана, не желающего принимать реальность и довольного тем фактом, что сумел отгородиться от нее, заставив себя поверить, что ее не было вовсе. Страх отступил, и, когда туман рассеялся, мистер Розен наконец увидел пианино таким, каким оно было на самом деле. Он бросил короткий взгляд на Профессора, на лице которого появилась легкая довольная улыбка, а затем взял небольшой стульчик и сел прямо напротив инструмента, но все еще не решаясь прикоснуться к нему.

– Смелее, мой мальчик. Ты знаешь, что нужно делать, – голос Профессора зазвучал совсем иначе, ведь из него ушла старческая дрожь.

Мистер Розен с трудом сглотнул накопившуюся слюну и, резко выдохнув, положил руки на клавиши пианино. Они оказались слегка холодными, но очень приятными на ощупь, хотя, возможно, ему это только показалось. «Как давно никто не прикасался к ним, чтобы согреть душу музыкального инструмента?» – подумал Дэвид, но, увидев свои руки, тут же позабыл эту мысль. Прямо перед его взором предстали тонкие детские пальцы, которые много лет назад принадлежали ему. Годы сделали свое дело: кожа огрубела, пальцы вытянулись, а ладони разрослись вширь. От тогдашнего мальчика не осталось и следа, ведь последние воспоминания о нем Дэвид загнал глубоко внутрь себя, спрятав за десятками толстых глухих дверей.

– Сыграй мне что-нибудь, – попросил Профессор.

– Но... я не умею, – голос Дэвида стал мягким без единого намека на бас и хрипотцу.

– Умеешь. Ты был очень хорошим учеником, мой мальчик. Позволь рукам все сделать за тебя.

Одна нота последовала за другой. Затем третья, четвертая и так далее. Их стройный ряд образовывал грустную мелодию, которая прежде успела так глубоко вьестись в душу мальчишки, что осталась там навсегда. Пальцы умело гуляли по двухцветным клавишам, ведя музыку от пролога к кульминации, эхом, отдававшимся от стен дома. С каждым звуком комната менялась, но Дэвид не замечал этого, ведь он следил за руками, жившими своей жизнью. Бежевый узор на коричневых обоях пустился в пляс, извиваясь и перекручиваясь. Линии становились то узкими, то широкими, то исчезали вовсе, пока в какой-то момент узор не разросся по стенам до такой степени, что от коричневого цвета не осталось и следа. Кофейный стеклянный столик поначалу выгнулся вверх, а затем резко осел вниз, сбросив с себя осколками старую поверхность – теперь он был полностью деревянным. По правую руку от Дэвида шторы тоже не теряли времени: им хотелось избавиться от бархатной тяжести, и потому волокна принялись вращаться вокруг своей оси, с каждым оборотом становясь тоньше и прозрачнее. Раз, два, три! И вот на окне висит прозрачный кружевной тюль. И только колокольчики продолжали болтаться под потолком, раскачиваясь в разные стороны и дополняя музыку, лившуюся из пианино.

А мальчик все играл и играл на радость своему учителю. Ему не хотелось останавливаться, поскольку впервые за долгие годы он почувствовал себя настоящим и, самое главное, живым. В груди в такт аккордам билось юное сердце, полное сил и надежд, ничем не напоминавшее тот дряхлый кусок плоти, что только и умел с пробуксовывая перегонять густеющую кровь. Как много он забыл! Как много закопал в самом себе! А все ради чего? Он не помнил, но вряд ли оно того стоило. Продолжая рождать музыку, Дэвид почувствовал страх, но совсем не тот, что прежде – он боялся остановиться, так как не хотел снова превратиться в постаревшую версию себя, и потому с новой силой обрушился на инструмент. Ведь, может быть, музыкой он сможет вытравить все то, к чему сейчас испытывал презрение.

– Дэвид, – раздался тихий голос из-за плеча, – хватит, остановись.

Но мальчик не послушал его, а лишь закрыл глаза, чтобы еще дальше отделиться от мерзкой реальности.

– Дэвид, – сухая ладонь Профессора ухватила его за руку, и мечтательный туман рассеялся.

Он перестал играть, несколько секунд посмотрел на дрожащие руки, а затем положил их на колени и перевел дыхание.

– О чем ты думаешь? – поинтересовался старик, которого, впрочем, уже не повернулся бы язык назвать стариком.

– Я думал, что смогу... – признался мальчик.

Хоть память Дэвида и напоминала решето, но теперь он отчетливо понимал, что всю жизнь пытался сбежать от самого себя, а сейчас при помощи музыки, вырывавшейся из недр пианино, хотел вернуться обратно. Глупый парадокс, в котором Дэвид Розен не нравится Дэвиду Розену ни в одной из вариаций. Нет, так дело не пойдет. Сжигая мосты, однажды понимаешь, что мостов больше не осталось. И что тогда? Ничего. Нужно уметь принимать себя таким, какой ты есть, но что если ты не помнишь, какой ты?

– Дэвид, ты хорошо играешь, правда, слишком торопишься и начинаешь выбиваться из ритма.

– Что? – мальчик непонимающе посмотрел на Профессора.

Перед Дэвидом стоял изрядно помолодевший лет на двадцать с лишним мужчина, облаченный в брюки, белую рубашку и черный галстук-бабочку.

– Музыка – это не только ноты и их последовательность. Здесь важна гармония и умение поддерживать нужный темп, – Профессор сопровождал свои слова жестами, словно пытаясь

таким образом лучше растолковать мысль. – Ты каждый раз начинаешь хорошо, а затем ускоряешься и ускоряешься, как будто тебя кто-то преследует.

Мысли в голове Дэвида путались: его настоящая личность ускользала от него, подобно желтым крупинкам в песочных часах. В надежде остановить распад он перевел взгляд на диван, где прежде лежал Льюис, но там никого не оказалось, и тогда последняя капля взрослого Дэвида Розена оставила его юную голову.

– Простите, Профессор. Я сильно увлекаюсь. Могу попробовать еще раз? – спросил мальчик своего учителя.

– Конечно, ведь мы здесь именно для этого, – Профессор поправил бабочку и задумался. – Ты начинай, а я пока налью нам по чашке какао. Не против?

– Это было бы здорово!

Профессор похлопал Дэвида по плечу и, насвистывая мелодию из популярного телешоу, направился на кухню.

Проводив взглядом своего учителя, мальчик вернулся к музыкальному инструменту. Руки тут же нашли нужные клавиши, и из пианино снова полилась печальная мелодия. Несмотря на яркое солнце, чьи лучи пробивались через грязные стекла, покрытые разводами, из-за музыки складывалось впечатление дождливого дня. Вот-вот и тяжелые ледяные капли начнут медленно падать прямо с потолка, разбиваясь о гладкую поверхность пола или впитываясь в мягкую обивку дивана. Постепенно уровень воды будет подниматься, пока полностью не заполнит собой свободное пространство. Но это были только образы в голове мальчика, пытающегося следить за темпом музыки. Дэвид Розен позабыл о работе, о машине и даже о своем коте Льюисе, ведь ничего этого еще не произошло, а Льюис даже не родился. Его заботили совсем другие вещи и проблемы: как в пятницу сдать контрольную по математике, когда совсем в ней ничего не понимаешь; как попроситься поехать вместе с отцом на рыбалку; как сделать так, чтобы девочка увидела в нем не просто ребенка. Эти и многие другие мысли витали задним фоном в голове Дэвида, пока он занимался постижением искусства музыки. Он не мог утверждать наверняка, но кажется, в этот раз у него получилось значительно лучше.

– Совсем другое дело! – прозвучал довольный голос Профессора, едва Дэвид сыграл последнюю ноту.

– Спасибо, но я могу и лучше! – принимая из рук учителя какао воскликнул Дэвид.

– В этом я несколько не сомневаюсь, – Профессор облокотился на стену, держа в руках большую кружку с ароматным напитком.

– Ты быстро учишься, даже слишком. Так что давай не будем торопить события и перегружать твой юный мозг новой информацией. Пусть все как следует уляжется.

– Вы думаете, я могу стать хорошим музыкантом?

– Нууу, – протянул учитель, – это зависит только от тебя самого, но все задатки у тебя есть. Твой отец еще не надумал купить пианино?

– Он часто говорит об этом.

– Тогда в чем же дело?

– Я не могу вам сказать.

– Понятно, – Профессор и без объяснений догадался, что дело в больших расходах на врачей для матери Дэвида. – Ты можешь приходить ко мне и играть в любое время, конечно, если у меня не будет занятий с другими учениками.

– Спасибо, Профессор.

– Не за что. Ведь в конце концов что может быть важнее любимого занятия. Знаешь, когда я был в твоём возрасте и родители заставляли меня заниматься музыкой, я буквально ненавидел все это. Мама часто говорила: «Я думаю о твоём будущем, Эдвард! Ты еще слишком маленький, чтобы это понять, но однажды ты будешь мне благодарен!» И сейчас я дей-

ствительно ей благодарен. Порой для того, чтобы понять, как сильно мы заблуждались, нужно время.

– И когда вы изменили свое мнение?

– Это довольно грустная часть истории. Ты уверен, что хочешь ее услышать? – слегка прищурившись, поинтересовался Профессор.

– Конечно, – кивнул мальчик.

– всю мою жизнь с нами жила бабушка по маминой линии. И она очень любила слушать, как я каждый вечер играю для нее одну и ту же композицию...

– Какую? – перебил Дэвид. – Ой, простите.

– Ничего, – он действительно не злился, ведь для этого не было никаких оснований. – «К Элизе» Бетховена. Бабушка говорила, что эта мелодия напоминает ей о детстве: временах, когда она бегала босиком на соседнюю улицу, чтобы купить батон свежего хлеба. И хоть мне и не нравилось играть, но я делал это для нее, – глядя в пол, Профессор замолчал.

– И так вы однажды полюбили музыку?

– Что? – он опомнился и перевел взгляд на Дэвида. – Ах, нет. Через несколько лет, когда бабушки не стало. На ее похоронах собралось много людей из разных эпох ее жизни. Но даже когда гроб опускали в яму, я еще не до конца понимал, что же случилось. Могилу быстро засыпали землей, оставив на ее место высокий холм, и все присутствующие поехали к нам домой. Там ко мне подошла наша соседка. Оказалось, что бабушка буквально каждый день рассказывала ей, как я играю, и тогда она попросила сыграть «К Элизе» для бабушки в последний раз. Я согласился. Сел за пианино, открыл крышку и, закрыв глаза, начал воспроизводить выученные наизусть ноты. С каждым нажатием на клавиши внутри меня что-то менялось, пока наконец я не осознал, как сильно мне будет не хватать наших с бабушкой вечеров. Я сожалел о каждом дне, когда ворчал и пытался отлынивать от надоевшей композиции Бетховена, ведь в те секунды делал больно близкому человеку. На глаза навернулись слезы, и я понял, что музыка – это то, что тонкой нитью навсегда связало меня с бабушкой. Прежде игра на пианино и издаваемые им звуки были для меня просто механическим процессом, но тут я прочувствовал каждую ноту и впервые услышал, как по-настоящему звучит этот громоздкий инструмент. И с тех пор для меня ничего не изменилось. Иногда по вечерам я гашу свет в комнате и играю «К Элизе» для бабушки. Пару раз мне даже казалось, что она, как прежде, сидит на диване и внимательно слушает. Хотелось бы, чтобы это было правдой.

– Вы на самом деле ее видели? – Дэвид был еще слишком юн, чтобы в полной мере осознать то, о чем говорил Профессор, зато тема призраков, как и любого мальчишку, интересовала его гораздо больше.

– Не знаю, – задумчиво ответил учитель. – Трудно отделить желаемое от реального. Я видел ее краешком глаза, но стоило мне повернуть голову, и на диване уже никого не было.

– Может быть, попробуете сыграть сейчас, а я посижу из-за угла?

Высоко закинув голову, Профессор рассмеялся. Его позабавила наивность Дэвида.

– Если бы все было так просто, мой мальчик. Чудеса не происходят по заказу – они сами определяют момент, когда им стоит свершиться.

Раздался неожиданный звонок в дверь, отчего Дэвид, погруженный в думы о приведениях, подпрыгнул на месте.

– Не пугайся, – Профессор взглянул на позолоченные часы на запястье. – Просто Сэйди пришла чуть раньше.

– Сэйди, – расплываясь в улыбке, подумал Дэвид.

Он познакомился с ней примерно через месяц после того, как начал брать уроки у Профессора Эдварда Стоуна, и от того момента их отделял целый год. Они едва не столкнулись лбами, когда Дэвид пересекал порог дома Профессора.

– Ой! – воскликнул мальчик, отпрыгивая назад.

Девушка в отличие от него замерла, как вкопанная, вытаращив глаза, но быстро пришла в себя и, положив руку на грудь, перевела дыхание.

– Прости...те, – тихо произнес он, краснея от стыда, что напугал ее.

– Ничего страшного, – улыбнулась Сэйди, и Дэвид на долгие годы запомнил эту улыбку.

В ней было что-то внезапное, восхитительное, пожалуй, даже что-то ангельское. От своих мыслей мальчик покраснел еще больше и не нашел ничего умнее, чем опустить взгляд как можно ниже.

– Что вы здесь кричите? – из комнаты показалась голова Профессора. – Кого-то убивают?

– Нет, все в порядке, – ответила девушка. – Просто получилась немного неожиданная встреча, – она снова повернулась к Дэвиду и протянула свою тонкую хрупкую руку. – Меня, кстати, зовут Сэйди, а тебя?

– Дэвид, – ответил он, но пожать руку не решился. – Мне пора. Извините.

Он вылетел из дома так быстро, как только мог себе представить, и, не оборачиваясь, бежал вниз по улице до тех пор, пока не свернул в переулок. Только тогда мальчик остановился и, тяжело дыша, уперся руками в колени, а когда дыхание пришло в норму, он выпрямился, посмотрел назад и мечтательно произнес: «Сэйди».

Между ними была целая пропасть, измеряемая годами: ему едва стукнуло двенадцать, а ей уже давно шел девятнадцатый год. Если бы они встретились лет на десять позже, то разница не играла бы никакого значения, но сейчас в глазах девушки Дэвид был всего лишь ребенком, и он все прекрасно понимал.

Они то и дело пересекались в доме учителя музыки и иногда, на радость Дэвида, даже перекидывались несколькими фразами. Это были совершенно бессмысленные «Как дела?», «Давно учишься играть?», «Тебе нравится, как преподает Профессор Стоун?», но даже этого было достаточно, чтобы Дэвид чувствовал себя счастливым.

Вот и сейчас, едва Сэйди зашла в комнату, он поспешил сказать: «Привет! Как ты?»

– Привет! – дружелюбно ответила девушка, увидев знакомое лицо. – Хорошо. А ты?

– Лучше всех. У меня уже получается гораздо лучше. Правда, Профессор?

– Лучше, – согласился старик, – но есть к чему стремиться. И, между прочим, Сэйди тоже большая умница: она тебе ни в чем не уступает.

– Да? А можно мне остаться послушать?

– Об этом спрашивай Сэйди, а не меня.

– Можно, – поправляя прядь волос, ответила она, – я не стесняюсь.

– Спасибо!

– Только сядь на диван и сиди тихо. Договорились? – попросил Профессор.

– Конечно. Я буду нем, как рыба.

Мальчик тут же сменил свою дислокацию и удобно устроился на краю дивана так, чтобы оказаться ближе к Сэйди.

Девушка действительно очень хорошо играла. Ее изящные пальцы скользили по клавишам, едва их касаясь, но пианино послушно отзывалось на отдаваемые ему приказы. Дэвид не мог оторваться от нее: музыка и образ девушки стали для него единым целым. Ему всей душой хотелось, чтобы эти волшебные мгновения не заканчивались. Поскольку внимание Сэйди было полностью направлено на пианино, она не могла заметить, как Дэвид на нее смотрит, а вот Профессор отметил влюбленный взгляд мальчика и едва заметно ухмыльнулся. Нет, Эдвард Стоун, а Сэйди в отличие от него даже ухом не повела.

В своих мечтах Дэвид не раз видел себя рядом с ней: ему хотелось держать ее за руку, смотреть в бесконечно голубые глаза, но это были лишь мечты, пусть и светлые, но одни из тех, что никогда не осуществляются. Дэвид взялся за ручку двери, но, задумавшись, завис в пространстве.

– И тогда ты ушел, – раздался голос Профессора. – Дальнейшие события остались для дома неизвестными, и мы не можем их увидеть.

– Да, я ушел, – басовитым голосом с легкой хрипотцой подтвердил мистер Розен. – Срезав через парк, я отправился напрямик домой. Всю дорогу не мог перестать думать о Сэйти. Мне было очень жаль, что она меня не замечает.

– Первая любовь в большинстве случаев не имеет счастливого конца.

Дэвид снова стал взрослым: вернулись морщины, тяжесть в теле, которую он прежде не замечал, а также былой ход мыслей, который отличался от детства негативной окраской, но, к сожалению, был более правильным и реальным.

– Добравшись домой, я просидел в своей комнате часа два, создавая альтернативную историю, которая была мне больше по душе...

– Что? – прервал его Профессор.

– Я писал рассказы. И частенько их герои и события были реальными, но видоизмененными, чтобы никто не догадался, что все это происходило по-настоящему, даже я сам.

– О чем был тот рассказ? – учитель сделал пару шагов вперед, чтобы оказаться ближе к Дэвиду, – Расскажи мне подробнее.

– Тот... – мистер Розен нахмурился, стараясь выудить из памяти детали, – кажется о старике, который всю свою жизнь был несчастен. Да, точно. Беды преследовали одна за другой, пока наконец ему не стукнуло восемьдесят, когда, по его мнению, время и вовсе остановилось, сделав его узником никчемного существования.

– Продолжай.

– Он ждал смерти, – мистер Розен подозрительно посмотрел на Профессора, – он звал ее, но она не спешила приходить. Несколько раз в его голове даже проскальзывала мысль о самоубийстве. Да только пойти на это он никак не мог. И все, что ему оставалось, это молча ждать своего конца. Возможно, так бы все и закончилось, но как-то раз в кафе за завтраком он встретил юную девушку лет двадцати и влюбился, как мальчишка. Он понимал, что это безрассудно, глупо. Ругал самого себя. Зачем ей такой старый обрюзгший кусок, который со дня на день может откинуть копыта? Но еще его не покидала одна мысль: она та самая, кого он ждал всю свою жизнь. Несколько раз в неделю старик встречал девушку в том же кафе и просто наблюдал, любуясь ее красотой, а однажды она пришла не одна. Вместе с ней был высокий статный мужчина, не стесняющийся целовать прекрасное создание на людях. Старик и мужчина встретились взглядами, пару секунд посмотрели друг на друга, а затем, уважительно кивнув, вернулись к своим делам. Придя домой, старик чувствовал себя разбитым, потому что завидовал мужчине, на которого свалилось счастье, цены которому он мог и не понимать, – Дэвид вопросительно посмотрел на Профессора.

– Продолжай.

– Но зачем?

– Просто продолжай, мой мальчик.

– В ту же ночь старик проснулся от жгучей боли в груди. Вцепившись в рубашку рукой, он жадно хватал ртом воздух, но затем все неожиданно закончилось. Боль отступила, а по телу прокатилась волна легкости. Едва переведя дух, старик заметил в изголовье кровати какое-то существо. Из-за темноты не было никакой возможности его рассмотреть. Конечно, старик испугался, что, возможно, это грабитель, но в действительности он знал правильный ответ: смерть пожаловала к нему. И она заговорила. Ее утробный голос отражался от стен. Вместо того, чтобы забрать старика в загробный мир, она предложила ему новую жизнь. Смерть наблюдала за ним долгие месяцы и видела, как старик встретил любовь всей своей жизни, также она знала о его пустой жизни и решила дать ему шанс. Не в обмен на душу – ничего такого. Просто так. Ведь смерть – это не зло, а естественный ход времени. Старик согласился и тут же заснул. Открыв утром глаза, он не поверил увиденному: он проснулся в другом городе в боль-

шом доме молодым и полным сил. Не теряя времени даром, он отправился искать девушку, – Дэвид замолчал на несколько мгновений. – Это ведь история о вас?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.